

КРУГИ БЕЗУМИЯ

Никитин Сергей

Продолжение «про Луканова»

КРУГИ БЕЗУМИЯ	1
Глава 1	1
Глава 2	3
Глава 3	4
Глава 4	6
Глава 5	10
Глава 6	12
Глава 7	14
Глава 8	15
Глава 9	21
Глава 10	22
Глава 11	25
Глава 12	27
Глава 13	29
Глава 14	35
Глава 15	38
Глава 16	46
Глава 17	52
Глава 18	55
Глава 19	61
Глава 20	63
Глава 21	67
Глава 22	71
Глава 23	77
Глава 24	79
Глава 25	80
Глава 26	85
Глава 27	86
Глава 28	89
Глава 29	92
Глава 30	94
Глава 31	99
Глава 32	102
Глава 33	104
Глава 34	108
Глава 35	110
Глава 36	113
Глава 37	117
Глава 38	118
Пролог	121

Мир существует, чтобы войти в книгу
Малларме

Глава 1

В понедельник, 16 декабря 1901 года Санкт-Петербург взбудоражило известие о чрезвычайном происшествии, случившееся ночью в морге больницы имени Великой княжны Ольги, что на окраине Выборгской стороны. Утренние газеты расходились мгновенно, а обычно степенные газетчики пребывали в оживлении и довольно оглаживали свои бороды.

Старушки, торгующие всякой мелочью и зеленью близ Сытного и Александровского рынков, таинственным шепотом налегали доказывать всем желающим о появившихся в столице неких упырях или об оборотнях, или о полуночицах и о всякой прочей нечисти, что кормится именно «человеченкой», да по всякому кричать может: и по-песьи и по-людски и совой ухать, и даже ветром шуметь. В качестве аргументов правоты своей старушки божились и исступленно мелко крестились.

У Владимирской церкви средь белого дня объявился юродивый. Даром, что одет он прилично, в серо-голубой костюм и жилетку с цепочкой от часов, но без пальто и с кашне, обмотанным вокруг шеи. Господин свершал одно за другим крестное знамение свежим номером «Петербургского листка» и оглашал дурным голосом до самого Невского, а порой даже до Литейного проспекта, что «грядет с новым двадцатым веком на веки-веченские Антихрист и теперича непременно светопреставление будет» и призывал всех к немедленному покаянию. Из собравшейся толпы зевак - «Окось!.. Смотри-ка.... Да забавно ж поглядеть!» - местами уже доносился бабий вой и плач: «Горе нам убогим!», «Согрешили мы пред Богом!»...

Трем дюжим городовым, из которых один уже рылся в кобуре, под командой квартального надзирателя, что раскатисто кричал «Р-р-разойдис-сь!», стоило большого труда пресечь нарушение порядка, изъять газету и препроводить господина без пальто но в кашне, в околотох

С газетных полос мгновенно сошли ставшее уже привычным смакование подробностей, раскрытого ровно две недели назад «дела Алтуфа». Да и вправду сказать, кого всерьез интересовала перспектива рождения цесаревича, посредством «прожективных» методов мосье Филиппа Вашо? Разве что так – между делом, да переменной блюд. Уведомление же, что гость их императорских величеств, мосье Филипп, по августейшему же предписанию, срочно и бесславно покидает пределы Российской империи, и вовсе прошло незамеченным. Вряд ли кто дочитал в тот день газеты до «подвала», более известного как «гробовой угол» с обзором мертвых тем и протухших новостей.

Некоторые степенные господа «из общества», у которых, как известно, в характере совершенно отсутствуют те нервные импульсы и то богатое воображение, которое и отличает их от людей «из народа», с самого утра пребывали в крайне взволнованном расположении духа.

Но находились и скептики, уверяющие, что нет никакого смысла волноваться о том, что, вероятно, никогда не было и даже и не случится, потому как сие противно самой природе. А газеты, уверяли они, как обычно беззастенчиво лгут и что более гнуснее того, что они нынче напечатали и придумать-то нельзя. И вообще, в запальчивости утверждали они, половина врак, которую разванивают газеты, это заурядная инсинуация и совершенно не соответствуют действительности. Они сердились, что публику опять начинают кормить низкопробными байками, чтобы увеличить свои тиражи. Но сердились они прилюдно и тем самым вносили еще больший разброд в умах, потому как с ходу находились на вид добропорядочные субъекты с уже готовыми аргументами, что газеты опубликовали не всю правду, но только малую часть ее и что в действительности все гораздо хуже. А первостатейным их аргументом было то, что сенсационное сообщение опубликовала даже принадлежащая полицейскому Департаменту газета «Сын отечества».

Господа спорщики, как известно, имеют в жизни своей чрезвычайно коварную ловушку - свою собственную праздность. Жизнь их, по преимуществу, проходит в изыскивании какого-нибудь занятия и в девяти случаях из десяти они только поднимают кавардак вокруг себя, но при этом они твердо убеждены, что вносят порядок и необходимую симметрию в общество. Порядок же и симметрию они обычно вносили, когда не ездили верхом, не принимали гостей, не сидели за полуночным ломберным столом, не пели и не музицировали.

Споры разгорались до белого каления, а пустые доводы сторон просто-таки заедали... В шикарном ресторане господина Игеля «Медведь», что на Большой Конюшенной в доме двадцать семь, дело дошло до вульгарного рукоприкладства с битьем посуды и знаменитых венецианских зеркальных витрин. В вестибюле ресторации даже опрокинули чучело гигантского бурого медведя. Каждый из спорщиков стоял на своем как мог: кто кулаком, кто тростью, кто чем попало...

Почти сразу же за полуденным выстрелом в Петропавловской крепости пошел крупный мокрый снег. Он-то и охладил страсти и разогнал спорщиков по домам. Петербургская полиция облегченно вздохнула, а директор Департамента полиции Сергей Эрастович Зволянский разослал по газетным редакциям курьеров с предписанием прекратить публикацию материалов о преступлении совершенном в морге больницы имени Великой княжны Ольги. Нарушителей предписания ожидал огромный штраф, что некоторые редакции не пугало совершенно.

Вечером и всю ночь по широкому и нарядному Невскому проспекту разъезжали конные городовые. Петербуржцы успокоительно смотрели, как подпрыгивают карбидные фонари, привязанные к шеям их лошадей. И шныряли - словно подстегнутые - по близлежащим улицам чины, увешанные аксельбантами, и у которых взамен погон наличествовали витые зеленые жгуты, что указывало на их принадлежность к охране Зимнего и резиденции вдовствующей императрицы-матери Аничкового дворцов. Эти дворцовые прислужники воображали о себе, что они знатнее аристократов и главнее городовых и их никто не любил.

На углу 5-й Рождественский и Дегтярной улицы в церкви Афонского подворья всю ночь экзальтированно стояли на коленях молебн. А к двум часам дня в аптеках из продажи исчез успокоительный бром и его из-под полы продавали на галереях Большого Гостиного Двора не только потерянные личности, но даже респектабельные господа.

А между тем в остальном мире все шло своим чередом...

Ничего в нашем повествовании не выдуманно, но, чтобы пощадить чувства потомков лиц, замешанных в этой криминальной истории, некоторые имена изменены. Итак...

Глава 2

В четверть первого дня в квартире пристава Санкт-Петербургского Сысского управления его превосходительства Савелия Платоновича Луканова¹ прозвучал звонок. Митька, прислуга «за все» и по совместительству мажордом, вздрогнул от неожиданности, по обыкновению сердито фыркнул и медленно, словно каждый его шаг закреплял задуманное и окончательно решенное, пошел открывать.

Прибыли Алексей Сугробин, постоянный помощник Луканова и Кристина Юрьевна, молодая графиня и единственная дочь его высокопревосходительства генерала от инфантерии, а значит «полного генерала» графа Беляева. Отец давал Кристине известную свободу в ее девичьих делах, разумеется, вполне невинных.

Митька тут же сменил гнев на милость и отправился на кухню варить кофе и заваривать чай: он весьма уважал Сугробина и ужасно робел перед Кристиной, которая еще с порога шептала ему: «Мне сразу чашку чая».

Дверь в гостиную тихо отворилась.

-Доброе утро, - с порога возгласил Алексей. – Савелий Платонович, принимаете аудиентов?

-А мы вам газету принесли. – Сказала Кристина. – Весь Питер шумит... Вот, прошу, вас...

-Да? И отчего же он шумит? – Савелий Платонович развернул хрустящий «Петербургский листок». – Полюбопытствуем, что случилось на этот раз.

«Загадочное преступление

Сегодня рано утром в покойницкой больницы имени Великой Княжны Ольги был найден труп коммерсанта и домовладельца NN. Труп в ночь на 16 декабря был осквернен неизвестными, похитившими мозговое вещество означенного господина.

Предварительным дознанием установлено, что преступники проникли в покойницкую сквозь взломанное окно. Положительно непонятно: каким образом осквернителям удалось ночью совершить свое гнусное дело, никого не потревожив.

Сторож морга, спал в своей сторожке при воротах больницы и тоже ничего не слышал.

Редакция намеренна информировать своих читателей обо всех обстоятельствах расследования. Следствие по данному делу поручено некоему Луканову из Санкт-Петербургского Сысского управления.

Наш знаменитый криминальный хроникер Экзекутор и редакция «Петербургского листка» высказывают горячее пожелание, чтобы перст карающей Немезиды указал преступников! Экзекутор требует от г-на Луканова прекратить почивать на сомнительных лаврах прошлых заслуг, собраться и скорейшим образом заняться розыском осквернителей!».

-Потревожив, собственно, где? – Изумился Савелий Платонович и отложил газету. - В покойницкой?! Так кого там, прости господи, ночью тревожить-то? Что-то наш знакомец Пучегон-Экзекутор совсем раздул и взмылил.

-Так ведь он же уже объяснил нам, что это жанр такой и особенная газетная поэтика. Помните? Две недели назад. Когда влетел прямо сюда в гостиную, отвратно благоухая скипидарным французским одеколоном. – Заметил Алексей и добавил. – У него даже текст почти не меняется. Все та же Немезида с карающим перстом. Одно слово – не репортер он вовсе, а... тушканчик какой-то.

-И вовсе он не тушканчик, - усмехнулась Кристина, - а господин яростной мужской красоты страдающий амиошонством².

-Разумеется. Однако по прочтению статейки от Экзекутора, волною ужаса у меня не приподнялись волосы. Но, как и с делом Алтуфа, я, вернее, мы узнаем из газеты о преступлении. Гм... дело, стало быть, поручено именно нам, Алексей.

¹ Для редактора – прошу оставить так - в русском языке первым пишется имя, последним фамилия.

² От французского ami (друг) и cochon (свинья) - чрезмерная фамильярность, бесцеремонность в обращении.

-Так это же прекрасно! – Обрадовалась Кристина. Она положила ногу на ногу и поправила плиссированную юбку. Гардероб ее довершала простенькая белая блузка и газовый голубой шарфик. На лице нет и намека на косметику, но светлые с рыжинкой волосы аккуратно причесаны. Некая отрешенность ее и ямочки на щеках с задорные веснушки придавала ей вид женщины из иного мира или, в крайнем случае, из другого измерения. – Это все лучше, Савелий Платонович, чем стоять навтыжку перед градоначальником Клейгельсом и оправдываться в успешном раскрытии Алтуфовского дела и розыске списка Радецкого и свитка близкого друга Жанны Д'Арк барона де Рэ.

-Оно верно. – Согласился Луканов. – Наш благословенный император пожелал высказать мне устами градоначальника свою благодарность. Но не учел, что багровый до фиолетовости Николай Васильевич более способен к выволочкам, потому-то у него и ласковое государево слово как нагоний звучит. Но государь был любезен – от его имени мне был преподнесен бокал Chateau Petrus, тридцатилетней выдержки.

-Ого! Его высокопревосходительство, господин Клейгельс расщедрился. Ведь Шато Петрюс, или по нашему просто «петрушка», самое дорогое вино в мире. – Алексей поджал губы и покачал головой. – И каков на вкус сей нектар из Помролье? Каков букет?

-Прелестное вино... Да пустое все это. Но что морг? Что в нем может случиться экстраординарного?

Разговор прервал телефонный звонок, Савелий Платонович взял трубку.

-У аппарата. Да... Луканов. Здравствуйте, княжна. Рад вас слышать... Да... - Пристав нахмурился. – Непременно. Я понял. Сегодня же. Хорошо, в три дня вас устроит? Всего вам доброго.

-Алексей, - сказал Луканов, положив трубку, - телефонировала княжна Ольга Александровна Рачинская. Эта достойная дама уже в бездонных годах, не удивлюсь, если даже лет в полтора-двадцать. Так сказать, мадемуазель времен Анны Иоановны или даже Екатерины Первой. Ты же у нас искришься просветленной задумчивостью глубокого мыслителя и потому сходи-ка к ней на Конногвардейский бульвар, дом три. У нее что-то случилось. И, пожалуйста, будь с ней предельно деликатен и без обычных своих чудачеств.

-Я пойду с Алексеем. – Заявила Кристина, в голосе ее прозвучали льдинки.

-Но, Кристина, княжна, видимо, ждет меня одного? – Сугробин несколько долгих секунд поправлял галстук. – Как же мы явимся к ней вдвоем?

-Вот и не явимся. Я обожду тебя в каком-нибудь кафе. – Кристина небрежно пожала Алексею руку. – Оставим все как есть. К тому же я уже целых пятнадцать минут как готова, осталось только пальто надеть. А Ольга Александровна меня с младенчества знает. Ну, а вы, Савелий Платонович, должно быть в морг больницы Великой княжны Ольги отправитесь?

-Верно. Любопытно, что за казус может приключиться в морге, что способен взбаламутить всю Северную Пальмиру или, как говорят господа офицеры лейб-гвардии, – Северные Пол-Мира.

Глава 3

Тронутую изморозью дверь дома номер три, что протянулся по Конногвардейскому бульвару, открыла сухенькая старушка с лицом серо-земельного цвета и севших глубоко в глазницы выцветшими глазами. Поверх черного старомодного платья на ней жестко накрахмаленный фартук с неряшливыми кухонными пятнами. Загородив собой проход, старушка скрестила на плоской груди сухонькие лапки со скрюченными пальцами и, плотоядно оскаливая желтоватые зубы, надменно спросила:

-Вам, сударь, кого?

-Княжну Ольгу Александровну Рачинскую, будьте добры. Мне назначено на три дня.

-Зачем это еще? Кто вы?

-Меня зовут Алексей Сугробин, я из Сыскного управления. Ее сиятельство телефонировала нам и просила прийти по весьма важному делу.

-Я... ох! Я даже не знаю. Меня никто не предупреждал о вашем визите. Впрочем, прошу. – Старушка настороженно посторонилась, давая пройти.

Под пристальным взглядом привратницы, Алексей сбил перчатками снежные хлопья с пальто, вошел, разделся в гардеробе и поднялся по мраморной лестнице на второй этаж в будуар княжны. Встревоженная старушка бдительно шла следом, аккуратно, двумя пальчиками приподняв подол платья, чтобы он не подметал ступени и пол.

-Милочка, званные обеды обыкновенно начинаются в половине второго и заканчиваются в четвертом часу... - наставительно говорила княжна в телефонную трубку. Увидев Алексея, она заговорщицки прошептала: - Ну, все-все... Ко мне молодой человек пришел. После переговоров.

Положив трубку, Ольга Александровна откинула шотландский плед, выбралась из своего глубокого, располагающего к отрешенности кресла и доброжелательно спросила:

-Вы ведь, верно, сыщик? - Светло-карие глаза с серыми крапинками и тонкий орлиный нос придавали княжне живой озорной вид. Голова вихрастая в седых кольцах-завитушках, что обрамляли кукольное личико и ниспадали на сиреневое платье с пышной многослойной юбкой и низко вырезанным но тщательно прикрытым кисией лифом. И вся она сухонькая с невысокой девичьей фигурой и чем-то похожа на свою служанку. Говорила княжна мягко грассируя на французский манер.

-Да. - Прочедила привратница, - энто пришел из Сыскаго.

-Проходите юноша. Я вас очень жду. Как вас величать?

-Алексей Сугробин, ваша сиятельство.

-А что его превосходительство? Я полагала, что придет Савелий Платонович.

-Господин Луканов весьма занят. Но я его ближайший помощник и вы можете полностью рассчитывать на меня.

-О да! Вспомнила! Я наслышана о вас. Проходите и присаживайтесь. Галина, - обратилась княжна к привратнице, - принеси нам мокко.

-А...

-И, любезная, делай как должно и прошу без своих вывертов и дай себе времени и труда надеть передник почище. У нас гость, если, конечно, ты обратила на это внимание.

Галина, что-то бормоча под нос, степенно удалилась.

-Эта прислуга... - словно оправдываясь, сказала княжна, - уж дышит на ладан, а все строптива. Я бы ее давно рассчитала, да вот все откладываю... С самого царствования Николая Павловича откладываю. Ах... Какое обворожительное тогда было время! Только вот само время тогда бежало чрезмерно быстро, не то что теперь. Но вам нынешним не понять этого. Да и теперешний государь совсем не душка, как Николай Первый. Хотя он был известен всей России своей вспыльчивостью, это был человек, а не пешка. Теперешний Николай Никакой, как известно, родился в день Иова Многострадального и потому сам себя определил в фаталисты, готовым безропотно принять свою судьбу. Ну так и ладно. И на здоровье себе. Но империя-то как же? Нет. Не джентльмен он. Весьма, не джентльмен.

Княжна опустила в кресло, накинула плед и заткнув его со всех сторон, продолжила свои воспоминания.

-А тогдашняя императрица! Ах, принцесса Шарлотта! Умна, красавица, королевская грация. А как ее величество неподражаемо говорила Бенкендорфу: «Ступай, братец, на кухню. Там тепье все готоф. Тепья позофут, когда срок». А Леонтий Дубельт подзуживал: «В Китае все жители - китайцы. Даже сам император - китаец. В России все русские. Даже сам Бенкендорф русский!». Правда граф Воронцов утверждал, что Дубельт намекал на то, что Пекин по-китайски звучит как «Бэйцзин» что означает «Северная столица», как и Петербург.

-Но Бенкендорф ведь был жандармом и начальником Третьего отделения его Императорского Величества канцелярии.

-Начальниками Третьего Отделения были и фон Фок, и Мордвинов, и Дубельт. И что с того? Бенкендорф командовал некоторыми жандармскими частями, подчиненных Третьему Отделению. Это Герцен, когда вернулся из ссылки в Москву, верно спросонья не иначе, произвел Бенкендорфа в шефы охраны. А Бенкендорф в это время тяжело болел от старых боевых ран. Он же был боевым генералом. С одним только Наполеоном лет пятнадцать дрался. Но Яковлеву-Герцену чего только не мерещилось спросонья по утрам, особенно когда уехал за границу. А шефом охраны тогда был Дубельт. Но этим Герценам все едино. Им вообще до России недосуг было, потому они ее и любили, сидя на берегу Сены, Шпрее или Темзы. Легко же им было писать срамные книжки далеко от Родины, забившись в иноземную щель.

-Но Тургенев тоже ведь жил за границей, и...

-Тургенев, юноша, все жизнь был влюблен в католичку Полину Виардо. Об этом все знали, даже мосье Виардо, муж Полинки. Конечно, Иван Сергеевич тосковал жить в России, потому и проживал по преимуществу во Франции. Но он, по крайней мере, не говорил, сидя в Париже, гнусностей о России, как Герцен и прочие либералы. А ведь Тургенев был первый русский стилист не в пример Герцену. Но у нас уж так испокон повелось, коль живешь у себя на родине в России, так

непременно сволочь и погубитель земли русской, а как съехал за границу, так сразу извольте получить ярлык радетеля отечества. Взрывать царей мы как-то быстро научились, нам бы теперь научиться жить по-человечески, как в Европе. А что сделал для этого Яковлев-Герцен? Ни-че-го. А Бенкендорф?

-М-м...

-Вот то-то и оно. В Отечественную войну именно Бенкендорф отбил Волоколамск, что и послужило началом изгнания французов из Москвы. Да и после Отечественной... Кстати сказать, Бенкендорф освободил своих крепостных задолго до кровавого декабрьского водевиля на Сенатской площади. И освободил с землей. Господи, но как попинали-то его тогда за это! А ощутишь всего пинали эти самые будущие декабристы Муравьев да Трубецкой. Пестель-то, как известно монастырем бредил, так потому, видимо, и пропустил команду «ату его». Что за народ?! Но нынешняя императрикс с аттестатом тусклого доктора философии и мистическими вывертами? Никакой фантазии! Не всякому наука впрок идет. Не всякому... Иному и ложка воды, что море для мошки.

«Предания давно минувших дней... Впрочем, княжне уже под девяносто лет, что ж еще ожидать от нее?», подумал Алексей и скучающе осмотрелся. Будуар забит старинной мебелью, книгами, бумагами, всевозможными сувенирами и памятными безделушками. Пол выложен паркетом темного дерева и уставлен горшками с цветами и растениями. Посреди комнаты, против оконного выступа, маленький столик и несколько гнутых венских стульев в белых чехлах. По стенам в несколько ярусов развешаны картины, над камином парадный портрет, вернее великолепная копия прижизненного 1851 года портрета государя Николая Первого работы Ботмана.

Всюду горят свечи, отражаясь в зеркалах и лепной позолоте. Слегка припахивает пыльным гербарием и антоновскими яблоками.

Однако осенняя пора жизни княжны, плохо вязалась с обстановкой мирских радостей, которой она явно пыталась окружить себя.

-Господин Сугробин, по причине многих моих недугов и за преклонностью лет у меня нет возможности лично посетить ваше управление, посему прошу покорнейше меня простить. Мне о вас говорила графиня Клейнмихель, как о весьма способном сыщике. Вы, верно, знаете ее, ведь о ее балах-маскарадах говорит весь Петербург. А сейчас, когда вы вошли, мне телефонировала княгиня Юрьевская. Это морганатическая жена, а ныне вдова Александра Второго. Она также говорила о вас в превосходной степени. Вы ведь совместно с его превосходительством господином Лукановым нашли-таки список Радецкого и свиток барона де Рэ?

-Да, ваше сиятельство. Это дело закрыто две недели назад. Кстати, ваше сиятельство, прошу простить меня, но как мне следует правильно титуловать вас? Княгиней или княжной?

-А можете и так и этак. Я княгиня по мужу, упокой его душу, господи. Но я дочь князя, то есть княжна по рождению и, следовательно – княжна. Но мне более по душе титул «княжны». Вы уж простите мой маленький каприз, но приятно чувствовать себя молодой.

Глава 4

Ольга Александровна закурила тонкую египетскую папиросу, разогнала ручкой дым и лукаво взглянула на Алексея:

-Напрасно вы нашли и список и свиток.

-Вот как? Отчего же?

-Существует три группы людей, которые не могут быть допущены к мистериям и пройти инициацию в гротмейстеры магического ордера - это шарлатаны, маги и предсказатели. Если же они сами себе разрешат участвовать в таинствах - или, по крайней мере, стать учеником, - но после откроется, что они принадлежат к одной из этих трех запретных групп, то наказанием для них будет только одно - смерть.

Филипп Ансельм-Вашо и Анкокс-Папюс, что и так уже уврачевали императорскую семью, навлекут на себя лишь гнев божий. Эта парочка французских прохвостов сама не ведает, что творит. Жук-короед, к примеру, выедает в древесине ходы в форме букв, но букв-то он не знает. Так что ни Филипп, ни Папюс, даже став Великими гротмейстерами Ордена Мартинистов, никак не смогут содействовать или по крайней мере прожектировать рождение цесаревича.

Кстати, - мило улыбнулась княжна, - скорбного головушкой Филиппа вчера выслали из России. Как говаривал Салтыков-Щедрин в подобных случаях - «поиroyствовал, пора и честь знать». Но на вокзале в Царском Селе мосье Филипп, забыв о приличиях, устроил ужасный скандал! Сей ясновидец колдовского бреда, усохший до пергаментного хруста, прилюдно весьма возмущался

выдворением из России, вместо того, чтобы стоять в почтительной позитуре за ту огромную сумму, что он успел выудить из царской семьи. Впрочем, подобными табакерками столица, чай, не оскудела и, едва лишь поезд отошел от перрона, его место при императорской семье тут же занял Папюс. И о чем только думают синодальные отцы словесного стада церковного? Впрочем, цыплятам веры, воробьям души и ласточкам благодати не до дум. Нынче они некоего праведника Саровского императрице подпихивают. Сами же подсовывают и сами же противятся желанию императрицы канонизировать его. Тот же Салтыков-Щедрин верно отмечал, что «В каждой луже можно найти гада, иройством своим других гадов затмевающего». Умел заворачивать старик. Уме-ел! Без всяких-яких. Были люди!

-Я слышал, что мосье Филиппа, по просьбе Бурбонского дворца и короля английского Эдуарда Седьмого, выдали французскому и английскому правосудию. Французская медицинская ассоциация подала на него в суд за незаконную медицинскую практику. Этому мосье придется несладко, во французском суде помимо прокурора, обвинение поддерживает адвокат потерпевшей стороны. Сколько граждан Франции подали иски на Филиппа, столько у него и будет обвинителей.

-Ох, эта Франция! Жила я там, когда в «Высшей нормальной школе»³ французскую историю изучала. Не стоит романтизировать и Париж. Одна дурость, жестокость и непомерное самомнение. Этакая Страна Вечного Полдня католицизма и куртуазности. Этакая смесь, что по одурению почище водки на табаке будет. Собственно, что и ждать-то от серых как оберточная бумага куаферов? Монмартр свой расположили на кладбище. Восемьсот лет хоронили между теперешними улицами О'Фер и Ферронри, а теперь там богема жительствоует. Во сколько же этажей они там исхитрились своих покойников-то уложить?

-Но разве сам Париж не стоит мессы?

-Ну да... Генрих Четвертый это сказал дабы польстить французам. Дело в том, чтобы стать королем Франции ему необходимо было принять католичество. Но в просвещенной Франции, юноша, во времена Крестовых походов в монастырях изготовлялась солонина для крестоносцев, а сырьем для нее служили бродяги и беспризорные дети. Свиней и коров не хватало, вот монахи и восполняли недочет.

А в Медоне, что под Парижем во время французской революции из волос гильотинированных женщин изготавливали парики и шили одежду из человеческой кожи. У нас в России, это и представить-то невозможно. А мы о семи годах опричнины все толкуем. Раскаиваемся и винимся перед всем миром. Господи! Да перед кем винимся-то? Все в той же Франции или как она там теперь... Третья республика, вовсе не стыдно, что у нее хранится сразу две головы Иоанна Крестителя. Одна в Суассоне, а другая в Амьене. Впрочем, сам-то Иоанн был язычником из ессеев, а потому, может и вправду был двухговым? Хотя оно вряд ли – Иисус ведь вышел тоже из есеев. Кстати сказать, юноша, вы, верно, слышали о некоем Святом Граале? За которым, помимо «гроба Господня», затевались эти Крестовые походы.

-В общих чертах, ваше сиятельство.

-Святой Грааль это недоразумение и путаница в переводе. По-испански Святой Грааль звучит как Сант Гриааль. А Сант Гриааль произошел от искаженных французских слов Sang Royal, потому что на слух они звучат как San Groyal.

Sang Royal в переводе означает «королевская кровь», под которой разумелась кровь прямых потомков Иисуса Христа. – Княжна усмехнулась. – То есть их «католических величеств» королей Франции. Короли Франции все, если верить небылицам, прямые потомки Иисуса - и из династии Меровингов, а после убийства церковью Дагоберта Второго, кровь Иисуса передалась новой династии Каролингов. Первые Каролинги озаботились узаконить свою узурпаторскую власть и женились на меровингских принцессах. Этаким синтез духовного и королевского. Не случайно байку про Грааль выдумал в начале двенадцатого века некий Кретьен де Труа, что служил клириком графов Шампанских. Де Труа так и назвал свою книжку «Персеваль или сказка о Граале». Верно некоторые переводчики, не зная французского, переводят слово «сказка» как «повесть», но это вздор. Во французском нет эквивалента русским словам «повесть» или «повествование». Кстати... Ой! Что это я? Вам, друг мой, видимо, это ничуть неинтересно?

-Нет. Отчего же. Весьма...

-Так вот, - ободрено продолжила Ольга Александровна, - Наполеона неспроста окрестили антихристом. Не он, конечно, но якобинцы казнили Людовика Шестнадцатого, а Людовик, как и его

³ «Высшая нормальная школа» - учебное заведение в Париже, основано в 1794 г. Выпускало историков и филологов.

супруга Мария Антуанетта, если хоть на миг поверить байкам о Граале, прямые потомки Иисуса. Иначе говоря. Людовик и Антуанетта были родственниками не только как супруги, но и по крови. После падения империи союзники восстановили монархию, и трон занял Людовик Восемнадцатый. А где же, спрашивается, Людовик Семнадцатый?

-Да, и в самом деле?

-Так Восемнадцатый и был Семнадцатым. Наборщик так торопился набрать приветственную афишку с возвешением о коронации, что принял восклицательный знак после римской цифры «XVII» за «I». Вот и получилось – «Да здравствует Людовик XVIII». Опечатку, конечно, обнаружили, но было уже поздно – народ уже скандировал здравицы Людовику Восемнадцатому и потому решили оставить, как получилось. Ну а затем французы перепутали порядковый номер и у Наполеона Второго. И также восклицательный знак преобразился в римскую цифру «I», вот оттого и был у них Наполеон I, а следующий Наполеон III.

-Однако антихриста Наполеона Первого французы боготворили. Не даром армия франкофонов перешла на его сторону в знаменитые «Сто дней» и потребовался гений Артура Веллингтона и Ватерлоо, чтобы разбить Наполеона окончательно.

-Досужие байки. Любили они его... - фыркнула княжна, - Одно верно, что «не даром» любили, а за шестьдесят миллионов франков. Бонапарт попросту успел выгодно продать американцам Луизиану и Калифорнию. Американцы канителились с выплатой, но через двенадцать лет после передачи им земли, расплатились. Вот на эти деньги Наполеон и купил себе армию «ста дней»⁴.

-Вот как? Весьма забавный казус. Должен признаться, что легенда о Граале меня никогда не интересовала. Странно даже отчего о нем до сих пор вспоминают?

-Так небылица о Граале прижилась и пошла сама собой гулять по свету. Толпа падка на подобные байки. Потому во все времена бездари поспешают накатать книжицу потолще о Граале, дабы заработать на людском невежестве, выдумать же свое им сметки не хватает. Этакie многомудрые знатоки стилей и историй. Для достоверности в миф о Граале эти духовные вдовцы, приплели и Сионскую общину и тамплиеров и «черных девственниц» и катаров и розенкрейцеров, и даже мосек⁵, господи, да кого они только не упоминают, даже библейского Иосифа Аримафейского. Главное погуще замесить и побольше ссылок на таких же, как они сами *grafomanus vulgaris*, что в свой черед узнали о Граале из описаний людей, услышавшими о нем от тех, кто его в глаза не видел. Вот и получается, что раскроешь книгу в предвкушении изыска, вроде трюфелей вымоченных в бренди, а книга оказывается сродни резиновому изделию общества «Треугольник» в неразбавленном купоросе. Что ж ждать от этих, с позволения сказать писателей, что и о Наполеоне пишут: «Наполеон перед битвой спал со своей армией...». Пряма тут тебе и Гоморра, ту же и Содом. А ныне вот, плодят романчики о неких русских графах да графинях, что вроде на манер французского Монте Кристо. Вы, юноша, можете себе представить Пушкина или Льва Толстого в качестве авторов подобных книжонок?

-Не-е-т... Да это никак не возможно.

-Вот именно! Джентльмены всегда остаются в меньшинстве, это их привилегия. Один из знатоков мировой литературы как-то посчитал сколько раз трепали тему о Граале. Вдумайтесь, юноша! Шестьсот девяносто три автора шестьсот девяносто три раз писали об этом. Уму непостижимо!

-М-да... А вот по мосье Филиппу, по всей видимости, тоскует привилегия угодить под «национальную бритву» французов - гильотину. – Алексей попытался отвлечь княжну от скучной для него темы про Грааль. - Но, для него сей пассаж будет лишь пустячным эпизодом, ведь мосье, как это принято у шаманов, уверен, что у человека несколько жизней. Правда, голова, насколько я знаю, у него не в пример Иоанну Крестителю, всего одна.

-А зачем, скажите на милость, этому муравью-разбойнику вторая жизнь, если он не умеет достойно прожить первую?... Даже если он и прав, то у него не достанет сил одолеть вторую, не говоря уж о третьей жизни. Поелику он существо, с сожженной совестью и достойный лишь нашего презрения. Злом добра не наживешь.

⁴ В 1803 году состоялась крупнейшая в истории человечества сделка по продаже земли: за 60 миллионов франков Франция продала более 2 миллионов кв. км территории от Миссисипи до Скалистых гор – так называемая Покупка Луизианы (Louisiana Purchase) – для редактора.

⁵ Моськи – насмешливое название масонов.

Но и Папюс комедиант еще тот. Носиться со своей «позитивной» и «экспериментальной» спиритологией. Дескать, с духами общается запросто, и они ему всю правду вещают. Фигляр! Вы знаете, он как-то на приеме в Зимнем, во всеуслышанье совершенно серьезно заявил, что первая супружеская чета, обитавшая в раю, говорила именно по-французски. Дескать, ему об этом духи поведали. Граф Разумовский, случившийся рядом, также громко согласился с ним, но отметил, что именно потому-то Адама и Еву оттуда и изгнали. Впрочем, господин Сугробин, я пригласила вас отнюдь не для обсуждения светских сплетен.

-Да... Вероятно... - Неопределенно протянул Алексей. Взгляд его задержался на небольшой рамке под портретом Николая Первого.

-А это, - проследив за взглядом Сугробина, усмехнулась княжна, - некоторое недоразумение. В Гатчине, в царствование Александра Третьего, служил эфиоп Марио. Однажды императрице принесли телеграмму, за получение которой необходимо было расписаться. По заведенному порядку, это должен был сделать Степанов, старший лакей императрицы, но он отсутствовал, и вместо него расписался Марио. Окончание его имени на «о», но в подписи получилось как «а». Благодаря этому недоразумению Гатчинский почтмейстер поместил расписку в рамку и сохранил. Он решил, что это подпись самой императрицы Марии Федоровны. Никто из дворцовых служащих не стал его разочаровывать. Ну а после я выиграла этот раритет в вист у оттоманского паши Гассан-Махмета. И как только он у этого басурманина оказался? Ума не приложу.

-А как отнеслась к курьезной подписи сама вдовствующая императрица Мария Федоровна?

-Да никак. Она весьма занята. Ведь Мария Федоровна по статусу и осталась императрицей. На всех приемах и государственных визитах именно императрица-мать идет под руку с нынешним императором Николаем Вторым, а эта... м-м... супруга государя Алиса Гессен-Дармштадтская, в православии окрещенная Александрой Федоровной, всегда витиевато вышагивает после августейшей пары в сопровождении одного из великих князей. Это для нее и так огромная честь. Разум Алисы подчиняется лишь порыву страстей и вся она под впечатлением момента, да еще и больна ишиасом, потому-то и нет у нее царской поступи. Ох!.. Вот снова я за старое! Салонные обыкновения. Прошу меня покорнейше простить.

-Что вы, ваше сиятельство! Мне весьма интересно...

-Оставьте, юноша. К чему вам придворные сплетни? Это нам старухам...

Вошла Галина с подносом в руках.

-Прошу вас. Кофе, как вы требовали.

-Поставь, милочка, и покинь нас.

-Да чего уж там. Вы ведь, видать, о Бармалее сетовать будете. – Привратница сделала в сторону Алексея нечто вроде реверанса с полупоклоном. – Сама-то княжна тощая, как кошка, а о котятре ентом, пучеглазом. Даром, что господин приходил третьего дня...

-Галина, - чуть повысила голос княжна, - иди себе. Твои интерпретации нам скучны.

Фыркнув, Галина гордо удалилась.

-Ах!.. Эта прислуга... Впрочем, я повторяюсь. Но она права, я в самом деле пригласила вас по ужасно важному для меня делу. Прошу простить, если оно представится вам пустячным или даже смешным, но у меня третьего дня пропал Бармалей.

-Извините... а кто этот – Бармалей? Ваш служащий?

-Нет, юноша, он не был моим служащим, он был мне многолетним близким другом и утешителем. Это белоснежный кот.

-А отчего собственно он Бармалей? - Ошарашено спросил Алексей.

-А он появился на свет на улице Бармалеева. Знаете такую? Это на Петербургской стороне, близ Александровского парка. Так и получил он свое имя. Мне его еще полуслепым котенком баронесса фон Левенштейн презентовала. Он очень милый и ласковый. Весь белый с голубыми глазками. – Княжна с надеждой взглянула на Сугробина. – Вы знаете, мой Бармалейчик страдает галлюцинацией обоняния и окончательно не может есть мясо.

Алексей от неожиданности оцепенел, не способный ни говорить, ни думать, пока тихий голос Ольги Александровны не привел его в себя:

-Вы ведь знаете, что необходимо предпринять?

-Вероятно - да, - мрачно пробормотал Сугробин и еще понизив голос, сказал, - вполне возможно, что знаю. – От его всегдашней невозмутимости не осталось и следа. – Не тревожьтесь, ваше сиятельство. Я передам его превосходительству господину Луканову вашу просьбу найти Бармалея. Разрешите теперь же откланяться и безотлагательно приступить к розыску.

Смеркалось. В не замерзшей Фонтанке, возле Аничкого моста, как ни в чем небывало плавают утки и, энергично оглашая воздух криканьем, выпрашивают корм у прохожих.

Глава 5

Громадные облака, освещенные лишь собственным слабым светом, зябко прижимались к крышам длинных бараков и редких домишек и уносились в сумрак скошенного пространства. Угрюмо шумят в вышине верхушки сосен. Царство тоски и уныния. Сбоку сухо треснуло, встрепенулась из кустов испуганная птица...

Больница для бедных и неимущих имени Великой княгини Ольги уткнулась в самый центр обывательских тупиковых трущоб, занесенных мокрыми сугробами, а немного вдалеке виднеется уже Сосновка – глухая окраина Петербурга с неистребимым запахом выгребных ям и самогона. Моционеры перед сном здесь отнюдь не полезны.

По горбатым, кривым проулкам неприкаянно бродят мастеровые, поденщики и бродяги. Все эти люди вызвали такое же чувство, какое испытывает горожанин, впервые в деревне встретив на пути своем бодливую корову. Слышится приглушенный чухонский говор. Много пьяных. Прогрохотал допотопный дилижанс «сорок мучеников» с неряшливым извозчиком финном и, обдав пряным запахом сена, скрылся за углом.

Пролетка осторожно проехала между прорытых от мыловаренной мануфактуры Кузнецова сточных канав с густой темно-зеленой жижей, насыщенной жиром и содой и остановилась возле ворот больницы. Название больницы вырезано на дубовой панели рельефной готической резьбой, сбоку красуется белый эмалированный крестик святого Георгия.

Луканов наказал извозчику обождать и прошел во двор, мощеный булыжником. Остановился, расправил затекшие плечи и огляделся. Возле сторожки мокнут в зеленоватой лужице какие-то тряпки, бинты и щербатый фаянсовый медицинский горшок. Черная с коричневой подпалиной псина оторвала морду от миски с варевом, и прислушалась к незнакомым шагам, но, лениво взглянув на пристава, вновь уткнулась в миску. Пожилая, истертая баба, понуро опустив плечи, сидит возле белой двери с надписью «Приемный покой». Руки ее, иссохшие и в густых голубых прожилках, потерянно придавливают к огромному животу холстяной узел. Возле нее сидит мальчишка, лет семи в крестьянском полушубке и строгаёт палочку перочинным ножом, поворачивая ее в озябших руках. Старик, сидящий рядом, что-то говорит ему, и мальчишка, хмуря белесые брови, нехотя и насуплено отвечает. Сидят еще люди: мужиковатые женщины, по виду поденщицы, в вязаных платках, маленькая девочка спит, подложив под голову котомку, за ней сидит опухший до синевы мужик с забинтованной головой, он часто моргает, а глаза его слезятся.

–Эт вы куда это, барин? – Хрипло окликнул Луканова сторож, седой мужчина с заметными залысинами, но на вид бодрый. Сторож внимательным взглядом оценивал темную фигуру пристава в неблагонадежном, по его мнению, потертом пальто.

–Мне надо в морг.

–Не велено репортеров впускать. Извиняйте, господин хороший, но...

–Я из полиции. Так где у вас тут, вы говорите, морг?

–А вон оно и есть, вашбродие. – Сторож показал рукой на отдельно стоящее приземистое строение. – Возле конюшни да сарая для экипажей. Только там уже присутствуют господа из полиции.

Морг пребывал в большом запустении и местами походил на откопанные руины древнего городища. В узком тамбуре, между двойными дверями валяется помятая металлическая табличка с кроваво-красной надписью «Морг». С потолка на проводах свисают редкие светильники, создавая контрастные пятна желтоватого сияния, пунктирно разделенные участками плотной тени. На грубоскоточенных полках стоят тысячи серых канцелярских папок – «Истории болезней».

Давно немый дощатый пол. За скособоченной дверью, в центре коридора, виден старинный мраморный стол для аутопсии, смахивающий видом своим на языческий жертвенник. В левой стене закрытая дверь холодильника. Все окрашено корабельным суриком, исключая всякое понятие о цвете.

Промозглый сквозняк, тошнотворный медянистый запах крови и гниения, неистребимый налет формалина и гробовая тишина. Только редкое падение капель с потолка в желто-грязных подтеках и приглушенные звуки собственных шагов.

По бокам коридора, вдоль стен стоят древние, времен Крымской компании, три деревянные тележки с огромными колесами на спицах. На каждой тележке лежит прикрытый застиранной, в

желто-хлорных пятнах простынью труп. В дальней стене виднеется вход в темный коридор, ведущий, вероятно, к выходу на задворки больницы.

Луканов быстро пошел по коридору, посматривая по сторонам. Дойдя до конца, он повернул обратно, открыл тяжелую деревянную дверь и вошел в холодильник морга.

В холодильнике, похожего на ледник в мясной лавке, уже находятся товарищ⁶ прокурора, околоточный надзиратель Выборгской части и два городских. Освещение здесь столь же тусклое, как и в коридоре, а потолок теряется в темноте. Слышится отдаленное шипение компрессора.

Товарищ прокурора, грузный, коренастый мужчина, увидев Луканова, взглянул на выдыхаемое им же облачко пара и скривился:

-Савелий Платонович, мы ждем вас уже битых два часа. А здесь весьма холодно... - В посиневших руках он держит темно-коричневой телячьей кожи скоросшиватель. - Господа! Все в сборе. Приступим, наконец... Господи, только б чернила в моей ручке не замерзли, а то еще и писать протокол будет нечем.

-Чернила замерзнуть могут запросто. - Тихо, чтобы не услышал пристав, проворчал околоточный и оправил под ремнем черную с серебряным галуном по вороту, шинель. - Большое дело! Да и простым карандашом быстренько опишем жабры и хвост этого безмозглого головастика, да и разойдемся.

-А где врач морга? - Спросил Луканов. - Пригласите-ка его сюда. Надеюсь, вы до меня здесь ничего не трогали?

Товарищ прокурора кивнул:

-Разумеется. Ждали вас. Холодно... Здесь вполне чувствуешь себя преступником.

-Прошу простить меня за опоздание, господа. - Сказал Савелий Платонович и вдруг совсем не к месту подумал, что, видимо, скоро все назначения по департаменту полиции будут производиться посредством газет.

-Вот оскверненный труп. Вчерашней ночью была нарушена его целостность. - Товарищ прокурора включил яркую лампу над столом, откинул простынь и оголил тело. - Вот. Взгляните.

Луканов наклонился и посмотрел - черты плоского треугольного лица покойника мелки и невыразительны и вызывают ассоциацию с несколько смазанной и выцветшей фотографией. Руки его находились в области живота, как бы поддерживали вздувшуюся брюшину.

Мышцы лица застыли в гримасе ужаса. Глаза широко открыты и тускло отсвечивают стеклянным блеском. Скальп почти отсутствует. Макушка головы срезана или срублена и видно, что мозга нет, словно его выскребли. Внутренность черепа пустая и темная. Темный цвет доказывал, что мозг удален совсем недавно. На синеватом предплечье белеет старый шрам.

-Почему-то глядя именно на мертвеца, особенно ощущаешь себя живым. Но вот застывшая гримаса страдания, нечеловеческий оскал страха... Как все-таки смерть унижает. - Громко прошептал товарищ прокурора.

-Перестаньте! - Оборвал его Луканов. - Мертвые сраму не имут. Она может унижить лишь юнцов, начитавшихся дурных книжек о чужой войне и потому возомнившие себя героями и потому мечтающих умереть красиво, прилюдно и непременно под полковой оркестр.

-Вы правы, ваше превосходительство, смерть никого не унижает. Виноват. Обратите особое внимание, что на безымянном пальце покойного золотой перстень-печатка с алмазными вкраплениями. Злоумышленника или злоумышленников этот перстень не заинтересовал.

-Что за чертовщина? - Удивился Савелий Платонович. - Хотелось бы узнать, зачем изъяли мозг... Кстати, а кто первый это обнаружил? Вы выяснили?

-Патологоанатом. - Ответил товарищ прокурора.

-Вы уже послали за ним?

-Да. Он здесь и патологоанатом и хирург в одном лице.

Савелий Платонович взял голову трупа обеими руками и слегка приподнял. Вместе с ней приподнялось над столом окоченевшее тело. Околоточный, несколько смущенно подставил руку, и пристав смог взглянуть на низ затылка. Ему пришлось тщательно всматриваться в сине-лиловую кожу, но он нашел то, что вовсе и не искал - тонкий подковообразный разрез у основания черепа. - Странно. - Пробормотал он. - Весьма странно... Но где же здешний патологоанатом?

⁶ Товарищ - заместитель, второе по значению лицо.

Глава 6

Хлопнула дверь холодильника. Кто-то вошел, принес с собой резкий запах лекарств и хлорки.

-Здравствуйте, господин пристав. Прошу простить за задержку.

-Добрый день. – Обернулся Луканов. - Вы патологоанатом?

-Да.

-Как вас зовут?

-Юрий Владимирович Корецкий.

Савелий Платонович не торопясь раскурил сигару и пристально посмотрел на доктора. Высокий, худощавый со скуластым лицом. При тусклом освещении невозможно рассмотреть его узкие глаза. Черные волосы коротко острижены и по бокам старательно зачесаны назад. Похоже он красит волосы в надежде избавиться от седины.

-Юрий Владимирович, скажите, что вы знаете об этом господине?

-Не очень много, - патологоанатом мельком взглянув на труп. – Анатолий Николаевич Шаганов, из мещан Олонецкой губернии, коммерсант, сорок лет, женат, доставлен 15 декабря около десяти часов вечера из приемного покоя, где готовился в хирургию. Предполагается, что труп сегодня заберут родственники.

-Как он попал в благотворительную больницу? Ведь этот господин, как мне известно, был весьма состоятельным.

-Анатолий Николаевич купцом был изрядным, покупал дом в центре Петербурга и присматривал в Берлине. – Почтительно ввернул околоточный.

-Попал он к нам по случаю. Пятнадцатого декабря после обеда, примерно в два часа дня, у него случился острый приступ аппендицита. Пытались лечить домашними средствами, но состояние ухудшилось, и в начале пятого послали за дьячком и только через час-полтора за фельдшером. В семь вечера пришел фельдшер и сразу же отправил его в больницу. Но уже везли туда, что ближе, и где есть хирург и операционный стол. Учитывая состояние больного, везли медленно. Дороги-с сплошные колдобины... В девять доставили к нам, но уже с перитонитом. Около десяти вечера - летальный исход. Его даже не оперировали. Он умер еще в приемном покое. Если бы его привезли хотя бы минут на тридцать раньше...

-Стало быть, сперва лечили, вымаливая усердными молитвами милость божью?

-Дикари... - Проронил доктор и развел руками.

-Э-э... хм... Сиволапые вертопрахи! – Проворчал околоточный, после надул щеки и укоризненно покачал головой. – Нажировать такие деньжищи... У него даже на ширинке пуговицы перламутровые. Большо-о-ой человек. Миллионер! Да-а... Миллион сквозь себя пропустить, это дело нешуточное. Эх, жизнь-метель!

-Диагноз фельдшера подтвердился? – Спросил Луканов, кинув сочувственный взгляд на околоточного.

-Абсолютно. Вот заключение вскрытия.

-Сделайте несколько фотографических снимков головы и внутренности черепа и приобщите их к заключению. – Сказал Луканов, пытаясь привести в порядок мысли. «Черт! Кому понадобился мозг этого господина? Что в его мозге такого особенного?». – У вас ранее были случаи хищения головного мозга у трупа.

-Что вы! Нет, конечно.

-Ну а вообще... Скажем, отсутствие головного мозга у покойника?

-Разумеется. В медицине это известный факт и имеет даже свое название аненцефализм - полное отсутствие, *in toto*⁷, головного мозга.

-Вы имеете в виду потерю мозга в результате травмы или ранения?

-Отнюдь нет. Головной мозг иногда исчезает и при некоторых заболеваниях.

-Вот как? Странно...

-Великий Пирогов, который впервые в мире производил операции под наркозом на поле боя, писал о подобных случаях. Военно-полевая хирургия во время Крымской войны вполне доказала, что солдаты, у которых частично в результате ранения вытек мозг, вполне жизнеспособны. В дальнейшем практически никаких отклонений в поведении или образе жизни не наблюдалось. Но в данном случае, мозг господина Шаганова похищен. Его не просто выскобли и бросили здесь же, его именно во что-то аккуратно уложили и унесли с собой.

⁷ *In toto* (лат.) - целиком.

Луканов вновь откинул простыню и, крепко взяв за плечо, повернул труп. Затем спросил, указывая на тонкий разрез у основания черепа:

-Что вы скажите об этом?

-Ничего, - пожал плечами Корецкий. – Странно. Но это не моя работа. Мне просто не было смысла трогать его голову, ведь умер-то он от воспаления брюшины. Я даже и аутопсию вначале делать не хотел, потому как причина смерти вполне очевидна. Да этот разрез и не от вскрытия. Непрофессиональный.

-Но на ваш взгляд разрез сделан еще при жизни?

-Нет. Определенно – нет. Разрез, как вы видите, даже не зашит и нет следов кровотечения.

-Ну а чем, на ваш взгляд, срезана макушка головы?

-Скорее всего... - Корецкий помялся. – Определенно она отсечена тяжелым мясницким ножом-секачом.

-То есть вы хотите сказать она отрублена? Снесена одним махом?

-Да.

-У вас в морге есть такие ножи?

-Разумеется. – Смутился доктор. – Они весьма удобные в препарировании.

-Можно взглянуть?

-Да... Пожалуйста. – Корецкий кивнул на стол у стены.

Савелий Платонович подошел к столу. Возле него стоит стеклянный шкафчик с никелированными хирургическими инструментами, на полу валяется поливочный шланг, из которого тоненькой струйкой течет вода. Все ножи, разной ширины и веса, тщательно отмыты.

-М-да... Теперь и не установишь, каким именно ножом воспользовались преступники. Но отчего вы пользуетесь мясницким инструментом? Как-то это... неловко, что ли.

-Я с вами, ваше превосходительство, полностью согласен; есть в этом что-то кощунственное. Но, к сожалению, медицинские секачи то и дело тупятся: слишком мягкая сталь. Поэтому есть резон использовать мясницкие, они, как правило, превосходного качества.

-Скажите, доктор, а из посторонних сегодня или вчера здесь был?

-Нет. Приходило несколько господ из разных газет, но были они здесь после свершившегося и в моем присутствии.

-Так значит, вы действительно ничего не знаете об этом разрезе?

Корецкий покачал головой:

-Нет. Костная структура нормальная... - Он пригнулся и всмотрелся в неясные тени внутри черепа. - Нет.

-Вы здесь единственный оперирующий хирург?

-Да. Я и хирург и патологоанатом тоже.

-Ну что ж, посмотрим... посмотрим...

-Так а что же делать с телом? – Спросил доктор.

-В каком смысле? – Не понял Луканов.

-Выдавать его родственникам?

-Покамест нет. Попридержите и позаботьтесь о его физической и биологической сохранности. – Луканов обратился к околоточному. – Жизнь-метель, говорите? Верно, что метель. Так что, господин околоточный, вперед прочего обеспечьте круглосуточную охрану морга. Ну, а теперь показываете, где окно, сквозь которое влезли злоумышленники?

-У нас и так есть круглосуточная охрана. Сторож...

-С вашим сторожем только на эшафот подниматься. – Прервал доктора Луканов.

-Но родственники уже заказали панихиду. – Не унимался Корецкий. – Что же я им скажу?

-Как, что скажите? – Удивился Луканов. – Скажите, чтоб за телом обращались в околотоку Выборгской части. Отчего такая спешка с погребением? Не терпится поделить наследство, что ли? Или еще есть причина?

-М-м... Не знаю. Но сегодня утром вдова весьма настаивала...

-Пустое, доктор. Вы же понимаете, что задержка выдачи тела вынужденная. Кстати, а где заказана панихида?

-Точно не знаю, но вдова покойного упомянула о некой катакомбной Гностической церкви Дщерей Христовых.

-Странное название... - Савелий Платонович пожал плечами: - Впрочем, это не наше дело. Ну, а вдовица что? Бедствующая бесприданница? Или слезы ручьем льет о безвременно почившем супруге? Так нечего было вперед фельдшера пона приглашать. Впредь наука. Жестокая, но уж какая

выпала. Вот пусть и проявляет теперь христианское смирение и не ропщет на промысел божий. Кстати, мне необходимо с ней поговорить. Сегодня, разумеется, не стоит. А вот, к примеру, завтра... - Луканов обернулся к околоточному. – Ее адрес есть в деле?

-Так точно, ваше превосходительство!

-Но у них уже назначены похороны, ваше превосходительство. – Вновь заканючил доктор, пытаясь встретиться с приставом взглядом.

-И где?

-На Богословском кладбище

-Г-м... Всего-то? Возвращайтесь-ка, доктор, лучше к своим больным, а то у вас, верно, глаза от трупов замылились и вы позабыли, что вашей заботы требуют живые, а не богатые покойники, которых почему-то собираются похоронить на кладбище для бродяг.

Во дворе перед выбитым окном внимание Луканова привлекли лишь мелкие стеклянные осколки. Возникло предположение, что эти осколки от некоего сосуда, что принадлежал злоумышленникам.

Собрать все осколки не представилось возможным, и Луканов распорядился сгребсти весь снег в радиусе десяти футов, аккуратно упаковать в брезентовый мешок и отправить для выпаривания в лабораторию Сысного управления, что городскими и было в точности исполнено.

Глава 7

С юга на Петербург напозла огромная, в полнеба, черная туча, и пасмурный день превратился в темный, переходящий в ночь вечер. Прекратившийся было снег, повалил вновь, и только крупные снежные хлопья, кружась белели в сумеречном свете уличных фонарей и отблесков зеркальных витрин...

Дома Луканов обнаружил обескураженного Алексея и готовую к активным действиям Кристину.

-Ну что там с трупом? – Спросила Кристина, едва пристав вошел в гостиную.

-Чудеса, да и только. Особенно с этим похищенным мозгом, - и Савелий Платонович подробно рассказал то, что ему удалось узнать в морге. - Ну а что случилось у княжны?

-У столетнего целлулоидного пупса пропал кот Бармалей, – буркнул Алексей, доставая из коробки две сигары, одну он передал Кристине. – Под настоятельную просьбу найти его я был угощен чашкой ароматного кофе, ностальгическими воспоминаниями и краткой лекцией о нравственности в беллетристике.

-Вот как? Всего лишь кота, стало быть, найти. – Сокрушенно сказал Луканов и недоуменно взглянул на Сугробина, пропустив нелестную оценку княжны мимо ушей. – Мда-а... Страшнее кошки зверя нет. И давно скотинка пропала?

-Третьего дня. Кот абсолютно домашний, гулять на улицу не выходил, да его и не выпускали. Странно даже. Обычно такие ни на шаг от дома. Да и убегать от княжны ему не было никакого резона: тепло, сытно, не обижают...

-Кот... Но заниматься розыском пропавшего Бармаля нам сейчас не с руки, Алексей. У нас дело осквернения трупа. Дело это архиважное. Весь Питер гудит, а слухи один другого нелепия. Мда...

Повисла пауза. Сумрачные прямоугольники от окон ложились на навощенный паркет. Зеркало отбрасывало блик на темную поверхность массивного книжного шкафа, высвечивая золотой корешок фолианта издания 1772 года «Путешествия Гулливеровы четыре части, содержащие в себе путешествия в Бродинягу, в Лапуту, в Бальнибары, в Глубдубриду, в Лугнагу, в Японию и в Гуингмскую страну». И скромную обложку книги Порфирия Инфантьева «На другой планете». Книга описывала жизнь марсиан и была издана в Великом Новгороде в этом же 1901 году. Савелию Платоновичу ее подарил Алексей, пояснив - «Вот, Савелий Платонович, есть оказывается жизнь и на Марсе». Луканов в ответ только пожал плечами «И что от этого?». «Ну, как же, нынче все человечество озадачено вопросом - есть ли жизнь на Марсе?». Пристав из вежливости пролистал книгу и вынес свой вердикт – «Господи, да пора, наконец, выяснить, есть ли жизнь на Земле, а не заниматься абстракциями». Луканов кивнул на фолиант Свифта – «Автор Гулливера, помимо того, что в жизни был величайшим пессимистом всех времен и народов, занимался практическим делом и за полтора века до открытия спутников Марса - Фобоса и Деймоса описал и их самих и их орбиты». Поставив книгу Инфантьева в шкаф, он больше не открывал ее.

В гостиной царит непривычная чистота. По всей видимости, Митька получил строгое внушение Кристины. Гармонию нарушает только ворчливый и до сих пор безымянный попугай, произносящий время от времени ругательства.

Услышав голос пристава, вошел Митька и, закусив губу, упер руки в бока, в ожидании распоряжений. Его румяное круглое лицо лоснится и выражает желание услужить, но глаза смущенно бегают.

-Были звонки? – Спросил его Луканов.

Митька отрицательно покачал головой.

-Что-то ты немногословен... - проворчал пристав и прикрыл рукой глаза.

-Я займусь котом. – Вдруг заявила Кристина. Она бесцельно перебирала безделушки на столике, обтирая столешницу краем тончайшего кружева рукава сиреневой с отливом блузки. – Но кража мозга?.. Это так странно.

Алексей пожал плечами:

-Странно... Ведь если поймают, то не только отлупят. Но мозг могли украсть, например, фанатики в каких-нибудь ритуальных целях. Тогда ответственность за кражу и осквернение трупа снимается как бы сама собой. Для них же вера превыше всего.

-Ты хочешь сказать, что мозг похищен сектантами?

-Ну... Не обязательно ими. Но и исключать такую возможность нельзя.

-Кстати, вдовица заказала панихиду в церкви с очень странным, во всяком случае непривычным, названием. Некая катакомбная Гностическая церковь Дщерей Христовых. Вы что-нибудь слышали о такой?

-Так это название сильно смахивает на Гностическую церковь Ухтомского. – Алексей презрительно сморщился. – Отец Родион, так сказать.

Кристина судорожно вздохнула и тихо-тихо, почти на выдохе, произнесла - Нелюди, как есть нелюди!.. Нужно обязательно посоветоваться со специалистом по сектам и верованиям. Но и патологоанатом весьма подозрителен. Вы не находите?

-Отчего ж? – Спросил пристав.

-Так назойливо хлопотал о родственниках. Панихида, погребение...

-У него на это может быть масса причин. Начиная от мзды, которую он, возможно, получил от вдовы. Жалование доктора в подобном богоугодном заведении мизерное и его трудно винить в этом. Да и повышенное внимание полиции и к нему и к больнице его также мало радует. Но, Кристина, какие у вас планы по поиску кота?

-Легко сказать! - Кристина присела на корточки возле «голландки» переделанной в камин, глядя на языки пламени. Казалось, что тепло идет от нее к огню, а не наоборот. Но было и еще что-то. Ее мысли. Они словно возникали в языках огня, некоторое время витали над ее головой, а после собирались вместе и вдруг стремительно кидались вдаль... - Рискую показаться хвастунишкой, но у меня хватает здравого смысла ничего не знать о возможных похождениях кота Бармалея и куда его может занести нелегкая. Но я постараюсь угадать, где он ныне пребывает. Первым делом схожу в приют домашних животных... Потом обойду соседние с домом княжны дворы, опрошу дворников, консьержек... В общем, пока все.

-Верно. Покамест и мне ничего в голову не приходит. – Луканов сделал глубокую затяжку и с силой выдул сизый дым в потолок. - Иногда, чтобы разделаться с каким-либо человеком, особенно с пожилым, довольно убить его любимую собачку или кота. Остальное природа сделает сама.

-Означает ли это, что необходимо искать и недругов княжны? – Спросил Алексей.

-Вполне возможно, что придется. – Хмуро бросил Луканов.

Глава 8

К утру ударил мороз, и небо очистилось, стало ясным и прозрачным, как ломкое стекло. Луканов замороженно стоит у окна и, зябко обхватив себя за плечи, смотрит на улицу. Одет он по-домашнему: в синюю клеточку рубаху верблюжьей шерсти, старые, с пузырями на коленях брюки и стоптанные шлепанцы на босу ногу.

Между рамами вместо обычной ваты лежит мягкий зеленоватый мох. На карнизе тускло блестит иней. Мечутся снежные хлопья. Бледно-латунный диск Луны зыбко отсвечивает неровным светом. На крыше дома напротив дебоширят воробьи и чинно сидят красногрудые снегири. Вот она – зима: холодная, сварливая дама в белом.

Пока он смотрел в окно, вода для бритья и умывания успела остыть и Митька, сердито ворча себе под нас, снова поставил ковш на примус.

В гостиной горит всего одна лампа, но от снега за окном струится беловатый свет. Часы пробили десять. Немного погодя раздался звонок. Пришел прокурор Зенон в накрахмаленной до хруста сорочке и подчеркнуто строгом костюме.

-Доброе утро, Савелий Платонович.

Луканов кивнул и жестом пригласил располагаться.

-Вчера ознакомился с делом этого, как там его... - Зенон потянулся к своему портфелю.

-Ты имеешь в виду хищение головного мозга?

-Вот-вот. - Губы прокурора брезгливо скривились. - Именно его.

-Тогда мы говорим о трупе господина Анатолия Николаевича Шаганова.

-Анатолия Николаевича Шаганова. – Медленно повторил прокурор с таким видом, будто это имя о многом ему говорит.

В гостиную с подносом в руках, на котором стоит большой никелированный кофейник, вошел Митька. Он насуплено огляделся, ища, куда бы поставить поднос, и, не найдя подходящего места, пристроил его на круглом маленьком столике возле кресла прокурора. По Митькиному недовольному лицу видно, что сегодня он с большим удовольствием вообще не вылезал бы из-под теплого одеяла. Разлив по чашкам кофе, он остался праздно стоять возле полуоткрытой двери. Из коридора падает узкая полоска яркого света.

-Ну, а ты чего застопорился? – Спросил его Луканов. – Топи и побольше «голландку».

Фыркнув и досадно помотав головой, Митька ушел.

-Странное дело. Насколько я помню, подобного хищения в криминальной истории Петербурга еще не было. - Мрачно протянул Зенон. – Воровали и воруют. Но что б мозг у трупа?..

-Да, Андрей Устинович. Я тоже не припоминаю случая осквернения тела в морге.

-Кстати, пока не забыл. Вашего Гудовича перевели на прежнее место службы - околоточным надзирателем в Александро-Невскую часть. Начальство, с подачи нашего общего знакомого господина Силина, вспомнило о нем.

-Что ж. Гудович в деле Алтуфа вел себя остолопом... но за это не увольняют в отставку. Так что, коль вернули, так вернули. Хотя я немного и привык к нему, но сожалеть о его переводе не стану. Что еще нового?

-Пока все. Но каковы твои планы, Савелий Платонович, по делу Шаганова?

-Сегодня полагаю встретится с вдовой. Ну а там будет видно. Может она что-нибудь расскажет удивительного и необыкновенного. Пока меня настораживает некая катакомбная Гностическая церковь Дщерей Христовых. Точнее ее название. Именно в этой церкви назначена панихида по безвременно усопшему Шаганову.

-Что за церковь? – Зенон потер лоб и потянулся за сигарой. Прикурил, выпустив колечко сизого дыма. – Погоди-ка... Что-то припоминаю.

-Вероятно связанное с делом Алтуфа?

-Верно! Родионом Панфиловичем Ухтомским, так кажется?

-Правильно. Память у тебя, Андрей Устинович, профессиональная. Прокурорская. Но там была просто Гностическая церковь. Без катакомб и дщерей христовых. Так что отец Родион вряд ли замешан в деле Шаганова.

-Ну... Гипотетически... Но, Савелий Платонович, есть специальные разделы в библиотеках. Или вот взять хотя бы лавки букинистов на Литейном, что ближе к Невскому проспекту... Там можно найти книги по колдовству и всяким верованиям. Ну там... Красный Дракон, Альберт Малый, Альберт Великий, Ориген и прочая братия.

-Ты веришь во всю эту чепуху?

-Я не верю ни во что, кроме фактов. Я просто даю информацию. Сдается мне, что мозг похитили какие-нибудь заклинатели для своей ворожбы.

-Вполне возможно. Нынче Алексей этим занимается. Он книжник ему и фолианты в руки. Может, какая никакая мыслишка к вечеру и появиться. Нам вчера тоже пришла в голову идея о сектантах. Но сектанские обхваты, должен признаться, пугают. Одних только сект на основе христианства свыше трех тысяч. Не говоря уже о всяких «детей света» и прочих поклонников Люцифера. Ты, верно, помнишь, что латинское слово «секта» означает всего лишь «учение», а учений этих выдумано столько, что от одного количества жуть берет, и враз становишься атеистом.

Зенон кивнул и отложил сигару. Закусив от усердия нижнюю губу он достал из портфеля лист ремингтонированной бумаги⁸ и уставился на запись:

⁸ Так тогда называлась машинописная бумага от названия пишущей машинки «Ремингтон».

-Я вот вчера выписал для памяти из «Ашанти» некоего Иствара, – и прочел негромко и спокойно, как если бы читал лекцию с профессорской кафедры. - «Только тот, кто способен убить человека не моргнув глазом, может в одно мгновение стать Буддой. Он знает и действует в одно и то же время, прячется, как будто стоит на виду, для него каждое событие - высшая истина». А? Каково! Сентиментальная чушь? Нет, сударь! Ни в коем разе! Христианство тоже насилует и убивает, но, по крайней мере, публично не призывает к этому и не утверждает, что убийство весьма способствует «просветлению»! Так что не только христиане да сатанисты, но и буддистика должна привлечь внимание сыска.

-Да... Можно годы потратить, а результата не будет. Что еще выписал?

-Вот... это было чуть далее по тексту. – «Тысячи мудрецов не изрекли ни одного слова прежде звуков речи. Если вам не доводилось натолкнуться на него, вас будет отделять от него целый мир. Даже если вы ухватите его прежде звуков и отрежете языки людям в целом свете, вы все еще не достигнете совершенства и не превзойдете Будд. Быть совсем одиноким - вот истинное достоинство. Если ты еще не дошел до этой мудрости, постигай ее смысл, который тонок, словно кончик волоска, и распространяй светоч истины во все пределы». Верно, хватит цитировать. - произнес Зенон торопливо, увидев выражение замешательства, появившееся на лице пристава. - Противно и читать и вникать в это. И сей сиволапый бред, Савелий Платонович, преподносится как нечто мудрейшее.

-Что ж... «не изрекли ни одного слова прежде звуков речи». Гм... Весьма коряво изложено. Верно, есть особая прелесть чувствовать себя пресмыкающимся перед дикарями-гуру, чей мозг еще не «облизан» цивилизацией.

-Вот-вот. – Подхватил прокурор. – Следует лишь уточнить, что гуру может пребывать в любой ипостаси – внутренний гуру, внешний гуру и тайный гуру. От всех разветвлений буддизма, можно даже выбрать на свой вкус – «ньюингма», «каргью», «шакья» или «гелуг». Не зря же мудрецы Эллады говорили, что истину надо искать не в разуме, но в абсурде.

-Это верно. Я даже больше скажу - из любого самого заурядного предложения можно слепить «мудрость».

-Как это?

-Изволь. Ну, к примеру, возьмем такое предложение: «Ты родился до или после восшествия на престол Александра Третьего?». Ну? Как тебе это предложение?

-Да... Признаться никак, Савелий Платонович. Обычный вопрос. Что в нем «мудрого»?

-Вот именно – ничего. Но уберем половину этого предложения и что останется?

-М-м-м...

-Смелее. Останется - «Ты родился до или после». Уверяю, найдется полно «умников» что будут днем и ночью искать, находить и трактовать мудрость этой фразы. Главное недосказанность и отрывистость. Дайте мне любую книгу, и я посредством ножниц и клея сделаю из нее кладезь мировой мудрости.

-Гм... Верно. Но мне вчера вечером, после прочтения опуса Иствара, захотелось выскочить вон и помчаться к ближайшему психиатру. Пятьдесят лет назад индусы обезглавили губернатора сэра Джеймса Маккарти, когда тот отважился на благотворительно путешествие с группой врачей после восстания сипаев. Череп Маккарти теперь применяется в качестве священного кубка Асантакены.

-Но к чему это?

-Дело в том, Савелий Платонович, что мозг сэра Маккарти был съеден...

-Однако... - Луканов кисло скривился. - Но Россия, к счастью, не Индия. У нас такой дикости никогда не бывало. Во всяком случае, нет никаких упоминаний в писаной истории. Индия же чудная страна, в которой, как известно, даже лягушки поют мантры. Да-а... загадочный и дремотный Восток, где все мужчины йоги, а женщины гейши. Но, а что англичане? Отчего не прекратят кощунственное питье из черепа губернатора?

Зенон развел руками:

-К великому сожалению англичане не контролируют всю территорию Индии. Им это вовсе не нужно. Кроме того, ныне встает вопрос, а, собственно, кто кого колонизировал? Индусы попросту хлынули в Соединенное Королевство в качестве полноправных подданных его величества короля Великобритании и Ирландии. Это бич со свинчаткой для Британии, ведь переселенцы-то по своему развитию... Но эти бодрые ребята в чалмах точно знают чей дом лучше. Однако и в Англии кварталы индусов мгновенно превратились в зловонные помойки, в которых они привыкли жить у себя дома в Индии. Теперь у британцев чувство вины, а у азиатов чувство недополученности европейских благ. Парадокс!

В самой же Индии до сих пор во множестве процветают йогические секты, проповедующие каннибализм и использование в обрядах предметов, сделанных из человеческих костей. Тантрические йоги проводят свои культовые обряды с использованием, помимо сосудов из человеческих черепов, и ритуальных дудочек, сделанных из человеческих берцовых костей.

-И не противно? Пить-то из черепа? Или в дудку берцовую дудеть?

-Для них-то? Да какое там, Савелий Платонович, чувство брезгливости! На севере Индии весьма распространена секта таги. Эти, с позволения сказать верующие, откровенно проповедуют разбой. Причем сектанты умерщвляют свои жертвы только посредством удушения, чтобы ненароком не согрешить пролитием крови.

По «священному» Гангу сплавляется тысячи ободранных и расчлененных трупов, что, кстати, содействует распространению заразных болезней, трупоедства и, в частности, появлению хищников людоедов. Священную воду Ганга тут же рядом с проплывающими мертвецами пригоршнями пьют и умываются.

-Отчего же они по реке сплавляют умерших?

-Вообще-то у индусов принято сжигать своих покойников. Зачастую в погребальный костер бросают и вдову, если покойный был богат и знатен. Разумеется, знатен в пределах родной деревни усопшего. Но дрова, по мнению индусов, слишком дороги, потому они слегка обжаривают труп, а после выбрасывают его в ближайшую реку или сразу в Ганг. Или как в Тибете по ламаистскому обряду: выносят усопшего из деревни и оставляют на съедение падальщикам и тиграм.

-Это в Индии-то дрова дороги? В стране, где сплошные джунгли!? М-да... У меня даже в горле запершило. - Луканов обернулся к раскрытой двери в коридор. - Митька! Принеси нам водки! Что ж, Андрей Устинович, вот тебе и шепчущие пальмы, да райские птицы. А ведь уважительное отношение к своим мертвым одно из неперенных признаков цивилизованности. А они, вместо того, чтобы учиться, перенимать опыт, затевают восстания и даже много хуже: норовят учить уму разуму народы, ушедшие в своем развитии на века вперед. Европейцам следует повзрослеть. Мы отчего-то считаем, что у нас нет духовных ценностей, потому ищем их на Востоке, когда как сам Восток всю черпает духовность именно из Европы. Нам всем надо стать мудрее. Пора бы уже.

-Это верно. Но основная беда в том, что, попав в цивилизованное общество, дикарь имеет огромное преимущество перед цивилизованным человеком. Дикарь сформирован короткой историей. Он не строит свой мир, он выполняет мифические «заветы предков», но, тем не менее, без зазрения совести пользуется всеми благами цивилизации, которую, между делом, всячески поносит.

-Но, Андрей Устинович, к великому сожалению, так всегда было. Еще со времен Римской империи. Сначала римляне пригласили варваров на службу, потом они же помогли им обогатиться и, наконец, стали их должниками и данниками... В шестом веке от легочной чумы погибло сто миллионов человек, почти четвертая часть от всего населения Европы. Возможно, тогда она утратила что-то именно свое, присущее только ей.

-Оно верно. Но пора нам, европейцам оправиться и сделать должные выводы из прошлого. Ведь культурный человек с молоком матери воспринял и усвоил нормы поведения, рамки дозволенного, он точно знает – надо жить так, чтобы не мешать другим, а сказка, это только фольклор. Основа европейского гуманизма это примат Личности. У дикаря этические понятия размытые, да и направлены в основном на мифические объекты – духи предков, тотемные животные, магические рисунки. Все это дикарь волочет с собой с тех архаичных времен, когда колесо уже было изобретено, а совесть еще нет.

Дикарь, в силу своего развития, порой не в состоянии отличить реального человека, даже свою собственную «личность» от мифического дракона, реальную жизнь от сновидения, потому у него дозволено все. Вот это-то «все» и импонирует некоторой части европейского общества.

-Но это та часть общества, которая и сама недалеко ушла от гуристых наставников... Эдакие подопытные лягушки мыслителя. - Луканов усмехнулся, но тут же посерьезнел. – Ведь только Индия не отличается от остального мира, остальной же мир никуда не годится. Что ж, это не что иное, как социальная деформация и личности и самого общества.

-Вот-вот. С точки зрения истории развития искусств Индия появляется весьма поздно. Самые древние ее памятники, колонны Асоки, храмы Карли, Рарут и Санчи восходят едва ли к третьему веку до рождения Христа. К тому времени цивилизации Египта, Персии и даже самой Эллады медленно погружались во мрак упадка, а римская цивилизация, впитав в себя все лучшее, пребывала в самом расцвете.

До перевода в 1830-х годах делопроизводства на английский язык, в Индии использовался... ты не поверишь, Савелий Платонович, персидский. Странность же в том, что персидский язык в Индии понимают считанные единицы.

-Ну не скажи, Андрей Устинович. Чуждый язык вероятно был выбран неслучайно. Простому народу его не понять, потому возникла надобность в касте сведущих людей, которые могут читать и толковать законы, написанные на непонятном языке. Это очень удобное и верное средство иметь все, не владея никакими талантами. Кстати, тоже было и в венгерском парламенте до 1840 года, когда все речи произносились исключительно на латинском, что давало возможность кучке заурядных людишек именоваться «элитой».

-Элита всегда и везде состоит из посредственности. Выдающимся личностям попросту нет нужды в «элитарном» самоназвании. Ты же это прекрасно понимаешь. Можно, конечно, назвать элитой наших аристократов. Тем не менее принадлежность к аристократизму дает не сколько привилегий, но тяжелое бремя ответственности за свой народ и Отечество. Аристократ просто обязан охранять честь своей Родины и если потребует, то и отдать за нее свою жизнь. Венгрия вообще языковой казус Европы. Что уж о ней говорить-то? Но отчего британцы своему языку индусов в школах обучают? Уж коль они колонизаторы, то должны быть кровно заинтересованы в сохранении своей исключительности.

-Британцы и раджи несопоставимы по цивилизованности. О чем говорить? Но чего ж эти гуру восстания-то затевают?

-Восстание сипаев началось из-за патронов, смазанных коровьим жиром. Для них, видите ли, корова ценнее человека. Корова для них священное животное, человек же просто животное. Те же буддисты не проводят разделения между животными и людьми, хотя бы по признаку «наличия души». Только в одном Дели в первый день восстания сипаи перерезали свыше пятисот европейских женщин и детей. Их не просто зарезали, их расчленили и раскидали части тел по всей округе.

-Ну... Дикари они и есть дикари, чтобы измываться над слабыми и безоружными, даже в условиях теплого, размягчающего человеческую натуру климата. Эти «теплые» народы не создали даже колеса и получили его от европейцев в готовом виде со всякими вариациями. Сами-то сипаи вроде наемники британцев? Можно сказать, что они прямые соучастники англичан в колонизации и самих себя и своей родины.

-У индусов своеобразное представление о родине. Можно сказать, что у них вообще нет такого понятия. Дело в том, что источник недовольства туземных племен Индокитая любым правительством будь то местное или колониальная администрация англичан или французов одна и универсальна: в развитии цивилизации неизбежно наступает момент, когда племена обременяются налогами. Учитывая нивелирующий гнет буддизма, а ведь, к примеру, в одном только Лаосе треть взрослых мужчин пребывает в паразитирующем монашестве, туземцы всеми силами норовят выйти из-под государственного контроля, отсюда и отвергание самого понятия «родина». Восток вообще удивительное смешение стилей, типажей, формаций - партии, племена, игрушечные армии, тейпы, вирды, кланы, касты...

Что касается Индии, то в ней даже понятия о времени как таковом нет. И ты, Савелий Платонович, прав совершенно. Ведь по существу они сами, под руководством горстки британских офицеров, колонизировали себя. Никакого народного сопротивления, как, скажем, у нас в России во время нашествия Наполеона, там и близко не было. Недаром видно их махатмы утверждают: «Тот, кто прислушивается к мнению масс, никогда не поднимется над толпами».

-Ну, это аксиома. Чем ниже уровень развития общества, тем ниже этические понятия. Да и что ждать то от индусов?

-Разумеется. Но и мы живем в такое время, Савелий Платонович, когда люди ищут себя... Люди безутешны, когда их обманывают, но они испытывают особое удовольствие, когда обманываются сами.

-Полностью с тобой, Андрей Устинович, согласен. Современное общество кишит вымышленными героями, подвиги которых врачуют ее самолюбие. Но загвоздка в том, что люди надеются найти свой обман в дикости каменного века. Вот поэтому-то заезжие гуру изощренно и изгаляются над человеческой логикой и здравым смыслом.

Некто Бодхидхарма, что принес на восток и в Китай учение Будды, утверждал, чтобы стать буддистом, мало иметь представление о большой и малой колесницах. Необходимо лет десять покрутить молитвенный барабан. Китайцы, а если быть точным то народ хань, потому как никаких китайцев в природе нет, приняли буддизм и раскололи его на секты вроде дзен-буддизм и прочее. Ну а мы, русские, любим Ваньку валять. Нам что буддизм, что будтльник, все едино. Что взять-то с

дураков? Дескать, русский человек на голодный желудок думать не может, а на сытый - не хочет. К сожалению, эту плохость никак не исчерпать при помощи проклятий любого сорта и свойства.

-Вот-вот. Но, Савелий Платонович, не ожидал от тебя такого мнения. Ты глянь вокруг. Есть весьма умные люди, скажем, грузины. Они прямо так об этом всем и говорят. А умней их - поляки. Они, по их мнению, так просто самый умный народ в мире, потому как всегда на стороне сильного. Но самый умный человек на Земле - турецкий султан. Во всяком случае так указано в титуле Потрясателя Вселенной. В России же - куда ни глянь, кругом Ванька-дурак! А теперь возьми карту и поищи Польскую квазиимперию, да Великую оттоманскую империю. А когда найдешь, то подумай к чему привел их хваленый ум. Ну а где-то там... рядом... расположена дурная да сирая Россия, что спасла умных грузинов от бестолковых турков. Вот до чего довела ее глупость!

-Что ж... В наше ненормальное время любой нормальный человек ненормален уже тем, что он нормален.

Возникла недолгая пауза.

-Но бог с ними. - Зенон, строго, как на подсудимого, посмотрел на свой портфель. - Может быть, у англичан достанет терпения, привести индусов с их людоедской кастовой системой в цивилизацию, пока индусы рвут на свои украшения телеграфные провода и сдирают со шпал стальные рельсы.

Я слышал, что у княжны Рачинской пропал кот. Очень жаль. Ольга Александровна весьма достойная дама и, увы, в больших летах.

-Розыском кота решила заняться юная графиня Беляева.

-Я хорошо знаю ее. Чертовски, должен отметить, боевая барышня. Прямо-таки кавалерист если даже и не артиллерист-девица.

-Да... Вчера, разговаривая с Кристиной, я не стал касаться вполне вероятной причины исчезновения кота, но тебе, Андрей Устинович, скажу. Если ты помнишь, когда началось очередное новомодное безумие и как в одночасье, словно зубы дракона, взошедшие и заколосившиеся стали возникать китайские рестораны, то в Питере резко сократилось, если так можно сказать, поголовье кошек и собак. Этот фактор наводит на определенные размышления. Именно поэтому я никогда не ходил, не хожу и не буду ходить ни в какой азиатский шалман. Что только стоят одни названия с позволения сказать этих блюд - «Бой дракона с тигром» - это запеченная кошка со змеей. «Три визга» - крысиный зародыш приготовленный во чреве крысы-матери. Тьфу... И говорить-то об этом противно. Снаружи все прелестно, зато внутри... Пускай собак и кошек, одобренных сверх всякой меры химическим изменителем вкуса - глютоматом натрия, они сами и едят.

-Ты прав, Савелий Платонович. - Прокурор понизил голос. - Но Колобок, как известно, тоже катился себе... катился... Ни черт ему, ни бог был не брат. Только все равно докатился. Петербургский градоначальник, господин Клейгельс два месяца назад подписал постановление о закрытии этого глютоматного змеения и высылке поваров-искусников на родину. Правда господа социалисты подняли шум о каких-то погромах... Дескать, шашками да по мордасам! Ну, да и бог с ними. У них же этакий свободный полет больного воображения, потому и всякий повод сгодится, дабы захлопать крыльями да пошуметь. Они же полагают, что свобода вопить, что в голову сбредет, но запрет кидать булыжники в городских вопиющим отсутствием элементарных гражданских прав. Ну а там где хотя бы три социалиста всегда найдется и одна спичка. - Зенон поднялся и с чашкой кофе в руке подошел к стене. - Какая акварель! Впрочем... Вода излишне желтая, как омлет. И слишком блестит. Не надо было разбивать ее бликами. Слишком контрастно. Откуда она у тебя?

-Подарок Кристины.

-Да? Сладость без приторности и терпкость без навязчивости... А ведь акварель чертовски капризна и требует прозрачности. Я, верно, не прав. Акварель очень милая. Похожа на гениальные акварели Врубеля.

-Пустое это. Но обвинение в погромах достаточно тяжкое.

-Безусловно. Но ведь погромов-то, как ты и сам знаешь, на самом деле не было. То, что в закрытии ресторанов и высылки азиатов на родину участвовали жандармы, так это дело властей, какие именно силы задействовать. Но было все, как обычно - ушаты упреков и никаких фактов. - Зенон презгливо повел плечами. - Ну да бог с ними с этими agents provocateurs⁹. Но что с делом Шаганова?

⁹ Agents provocateurs - (франц.) провокаторы.

-Ты же читал докладную своего товарища? Пока никаких зацепок. Обнаруженные стеклянные осколки, найденные возле выломанного окна, отправлены на экспертизу. Но сравнивать их пока не с чем. Предполагаю встретиться с вдовой. Пока сыск идет не по следам, но за следами.

-В котором часу встреча?

-Я заказал экипаж на час дня. – Луканов бросил взгляд на часы. - Думаю, что на Выселках, что возле Озерков, буду в два часа. Дорога скользкая, ранее никак не получится. Приглашать же ее в Сыскное управление неловко. У нее и так горе и хлопоты, а тут еще ехать на допрос. Так что мне предстоит работа не только для ума, но, учитывая дорожные колдобины, и для тела тоже.

-Неудобно... - машинально повторил прокурор. – Но отчего не проехать по Озерковской линии Приморской железной дороги? Мимо Удельного ипподрома...

-Тогда я вообще не доеду. Усадьба Шагановых, как чухонский хутор, расположена одна одишешенька в лесу. Лес же на берегу Маркизовой лужи. Мне от железнодорожной станции до усадьбы будет просто не добраться. А по вечерам пустынные вокзалы, это все равно что край света. Этаким путем в ничто.

-Ясно. Кстати, у нас были некоторые претензии к господину Шаганову. Спекуляция земельными участками. Но теперь дело в связи с его смертью будет сдано в архив.

-Вот как? Это интересно. И что же вам удалось узнать?

-Предельно мало. Земельные махинации, связанные с постройкой аэродрома. Пособников установить не удалось, а теперь и главный подозреваемый умер... Господином Шагановым вообще двигало своеобразное любопытство: доходность предприятия и прорехи законодательства. – Зенон сделал паузу, в течение которой лицо его разительно изменилось, стало тверже. – Торговля землей сродни торговле воздухом и почти всегда связано с нарушением закона, потому и слывет делом малопочтенным. Это несмываемое пятно на деловую репутацию. Для господина Шаганова был навсегда заказан вход в уважаемое общество заводчиков, банкиров и коммерсантов, ведь аферы долго не длятся. Но достоверно ли то, что он умер от перитонита? Смерть его не была насильственной?

Луканов слушал внимательно, словно каждое произнесенное слово было взято из наставления по работе с хрупким устройством.

-Смерть наступила в результате воспаления брюшины. Я сам осмотрел тело и никаких следов прижизненного насилия не выявил. Заразить же аппендицитом невозможно. Его смерть из разряда несчастных случаев и вопиющего невежества. Доктор утверждает, что если бы больного доставили минут на тридцать раньше, то он остался бы жив и через неделю преспокойно был бы выписан домой.

-Отчего медлили? Нет ли подозрений на этот счет?

-Нет. Его вначале пытались лечить молитвами. Пригласили священника и только затем медика.

-Стало быть, Шаганов умер от излишней веры в бога?

-Нет, скорее его убило не избыточность веры. Шаганова убило отсутствие силы воли. Когда нет мужества, человек полагается на сверхъестественные силы. Ну а бог ли это или Сатана, Люцифер, Кутни, Иерарх, - Луканов перевел дух, - Гунья, Абонсам или Отраттели, так сие вопрос терминологии, не больше. Но в вашем, прокурорском деле есть какие-нибудь имена?

-Увы и ах... Нет. - Жестко сказал Зенон. - Только рапорты филеров наружного наблюдения. Некоторые косвенные свидетельства. И ничего конкретного. Нам, как и тебе, Савелий Платонович, нужен не только «живой», но еще и «свежий» материал. Его же нет, а теперь и не будет. А дневник наблюдения с комментариями филеров... Если бы у нас были имена или прямые доказательства, то мы давно бы возбудили уголовное дело по обвинению господина Шаганова в земельных махинациях.

Глава 9

К обеду ветром принесло серые снеговые тучи, все от горизонта до горизонта заволочло серой пеленой.

«Сколько лет Шаганову? Сорок. Ну а сколько, интересно, лет его жене, точнее теперь уже вдове? Шаганов выглядит на свои года. Конечно, при жизни он смотрелся по-другому; моложе или, может, несколько старше. Но это мелочи. Когда они повенчались? А ведь годы идут. Предположим, ей тридцать, тридцать пять... Что, должно быть, и не далеко от истины. Еще немного и она превратится в стареющую даму» – размышлял Луканов. Но думал он одновременно о многих вещах, и мысли его разбегались... Есть вопросы, на которые никак невозможно ответить, особенно в самом начале сыска, но узнать ответы, страсть как хочется.

Пролетка проехала мост Александра Второго в просторечии называемым Литейным, скрипуче протряслась по булыжной мостовой Нижегородской улицы, мимо бывшей клиники Виллие, а ныне Военно-Медицинской академии, в узком Финском переулке мелькнул Финляндский вокзал. Миновав Боткинскую улицу, пролетка вкатилась в снежную кашу Нюстадтской¹⁰. И прямо до Ланского шоссе. Там налево и уже никуда не сворачивая, прямо.

Лошадь предусмотрительно накрыта сеткой, и снег и лед, вылетающие из-под копыт, не попадают в коляску. Бежала она ровно и если бы не ухабы и сильный ветер, то поездку можно считать вполне комфортной.

Савелий Платонович попытался отвлечься от мыслей, глядя на прохожих, на тротуар, освещенные витрины магазинов, уже закрытые лавки. В этой части города встречались вполне деревенские усадьбы, с высокими заборами, с орущими петухами, будничным лаем цепных псов, бревенчатыми колодцами, похожих на маленькие избышки, и почти нигде неубранным снегом. Ветер хлестал дома, рвал электрические провода. В садах сухо стучали друг о друга голые ветки.

Пролетка выехала на раскисшее, превратившееся в грязное месиво Выборгское шоссе: слева Финский залив, справа хмурый сосновый лес, позади в серой дымке Елагин остров. Колготились крикливые чайки, выхватывая из волн мелкую рыбешку.

Через шоссе из леса, едва не попав под пролетку, стремглав бросилась бродячая собака. Она чудом вывернулась, испуганно взвизгнула, мимоходом ощерилась и бросилась дальше. Извозчик резко натянул поводья, лошадь поскользнулась, присела на круп, пролетку занесло и чуть не развернуло поперек дороги.

- Не бойся, барин, оси патентованные, не сломаешь! – Прокричал извозчик, выравнивая пролетку. Едва удерживая натянутыми, как струны, вожжами лошадь, он испуганно покосился на Луканова – скорость движения свыше двенадцати верст в час запрещена, а нарушителей этого нововведенного правила ожидал либо большой штраф, либо лишение права заниматься извозом с изъятием номера пролетки. Но пристав, похоже, даже не заметил заноса и извозчик успокоился, кляня себя за то, что сэкономил и не перековал лошадь зимними, шипастыми подковами.

На узкую полосу усеянного гранитными обломками песчаного берега обрушивались огромные, молчаливые волны. Они двигались медленно, длинными шеренгами, на большом расстоянии друг от друга. Споткнувшись о берег, валы опрокидывались, оставив после себя грязную пену. Сизые с черными отеками тучи, грузно переваливаясь друг через друга, наползали на побережье. В такую погоду мечтаешь о камине, о пунше, о чашке горячего куриного бульона с красным перцем.

Лес расступился, и пролетка свернула в просеку. Через несколько минут она въехала в пустой и незапертый двор и остановилась перед мрачноватым двухэтажным домом темно-красного кирпича, и гранитным цоколем; этакое «дворянское гнездо» из романа Тургенева со старозаветными колоннами, пережившее не одно поколение. Порывы ветра бились в двери, жалобно скрипела сорванная с крючка ставня. На крыльце, под огромным балконом, две длинные деревянные скамьи без спинок с прилипшими сосновыми иглами. Дом и окружающий лес воздушно утопали в белых хлопьях снега...

Глава 10

Луканов постучал тростью в косяк двери. Прислушался, но не смог уловить ни малейшего шороха. Ветер уносил все звуки. Вдруг дверь распахнулась. В проеме выступила седая, коротконогая старуха. Коротко стриженные седые волосы торчат надо лбом и ушами, что вкупе с крючковатым носом довершало сходство с разбуженной среди дня совой.

- Что вам угодно, сударь? - с хрустом почесав голову, низким голосом спросила она.

- Добрый день. Я из Сысского управления, моя фамилия Луканов.

Старуха не удивилась, не испугалась, но и не обрадовалась:

- Проходите... Сестра Анна ждет вас.

- Не боитесь впускать чужих в дом? Лес же кругом.

- Чему быть... - Неопределенно бросила старуха и пошла вперед. – Идите за мной, сударь. Я ведь уже жизнь прожила, много чего повидала. Да и чего бояться-то? Сокровищ не мы накопили, а мебель, - она обвела жестом старинные многопудовые кресла и большой стол, с хорошо оструганной столешницей, на котором стоит решето с аккуратно сложенными в него желтыми яблоками и

¹⁰ Позже - Лесной проспект.

свисающие с потолка пучки каких-то трав и вяленой рыбы, - кому это может понадобиться? - Лицо ее просветлело, словно у окрыленного проповедника.

В доме сухо и тепло. У широкой деревянной лестницы стоит высокий пожилой мужчина в домашнем халате. Лицо у него на редкость морщинистое, а глаза неожиданно живые. Он держит перед собой пухлую красную книгу с золотыми иероглифами на обложке. Проницательным мягким взглядом мужчина смотрит, казалось, сквозь книгу в лицо кому-то незримому, но очень доброму, понимающему и заранее все прощающему собеседника.

Рядом с ним, заглядывая ему через плечо, стоят сухонький, дряхлый старичок в шерстяном старомодном камзоле, с седенькой бородкой, похожий на Елизаветинскую вельможу, и такая же сухонькая седая старушка в коричневом платье с древними фижмами. Старичок производит комическое впечатление, явно стараясь казаться гораздо моложе своих долгих лет. Троица буквально раздувается от ощущения собственного величия и исключительности момента, но смотрелась весьма скорбно, словно через мгновение ей предстоит отправиться на жертвенный костер.

Деревянная лестница сияет безукоризненной чистотой. Откуда-то сверху пахнуло старой обувью и плесенью. Старуха обернулась:

- Не мешкайте. - Она кивнула на троицу. - А к вам это не имеет никакого отношения, - и что-то буркнув себе под нос, старуха, держась одной рукой за перила стала тяжело подниматься.

В полутемном коридоре второго этажа из одной двери в другую прошла барышня в светлом переднике и платке на голове с тазом в руках, она поклонилась старухе и робко посмотрела на нее, словно хотела попросить о чем-то, но, увидев Луканова, смутилась и не решилась.

Савелий Платонович приятно удивился, увидев Анну Шаганову: вдова просто исключительная красавица северного типа. Ее фигура красиво вырисовывается на фоне светлого окна. Грудь не отличается величиной, но зато обладают чудесной формой и упругостью столь исключительной, что даже тяжелое агатовое ожерелье глухо постукивало и перекатывалось на ней. Густые блестящие каштановые волосы гладко зачесаны назад и стянуты заколкой на затылке. Глаза синие, задорные, колючие, но странное, похожее на маску лицо.

Несмотря на свои двадцать один - двадцать три года, вдова явно весьма разборчивая особа. Об этом свидетельствовал ее гардероб - простые, темных тонов вещи дорогих европейских модных домов. Сложностей с наличием у нее, судя по всему, не было.

- Разрешите сесть и перевести дух? - спросил Луканов и, не дожидаясь ответа, уселся в плетеное кресло и закурил сигару.

- Устали? - Анна серьезно и доброжелательно улыбнулась.

- Да, немного. Дорога, знаете ли... не ах. Покурить в пролетке никак не получилось. Очень сильный ветер. - Пристав почувствовал симпатию к вдове. Было в ней что-то располагающее.

Анна села за письменный стол и машинально взяла в руки тяжелое пресс-папье - дикий кабан с ощеренной пастью. Над столом большое распятие черного дерева. Нигде ни пылинки, и все же казалось, что кабинет покрыт столетней пылью. Запах ладана, колеблющееся пламя свечей, неподвижные огоньки лампад, яркая позолота иконостаса, белые с вышитыми петухами полотенца на иконах...

- Простите, что принимаю вас в этом загородном сарайчике.

- Сарайчике? - Изумился Луканов. - Гм... Впрочем, пускай будет сарайчик - как вам угодно.

- Ну же задавайте свои вопросы, господин полицейский. Я, право, весьма утомлена... Но прежде условимся: мы будем говорить без протокола, а я ничего подписывать не буду.

- Разумеется... Без официальности и без церемоний. - Сказал Луканов и про себя подумал «А то обижусь и не буду ничего интересного рассказывать». - Скажите как давно вы замужем?

- Вас интересует моя персона? Отчего же?

- Меня интересует ваша семья, сударыня. Я провожу дознание по делу осквернения тела вашего мужа и меня интересуют все обстоятельства его жизни и, конечно же, вы.

- Мы женаты три года. Детей у нас нет. Бог не дал. Что еще?

- Вы заказали панихиду в катакомбной Гностической церкви Дщерей Христовых. Верно? Поясните мне, что скрывается за этим отчасти несколько странным названием?

- А в чем, собственно, дело? В России свобода вероисповедания. К тому же это христианская церковь. Ну, разве что несколько иноверческая. Так что из того? Я вас не понимаю, сударь. Какое отношение имеет панихида к осквернению тела моего мужа. Не запрягаете ли вы лошадь позади телеги? Ведь заказ панихиды произошел после смерти моего несчастного мужа.

- Вы, безусловно, правы. Но вы и ваш покойный супруг имели или имеют какое-то отношение к этой церкви. Ведь так? Верно? Вот я и хочу выяснить, что это за церковь, где находятся ее

катакомбы. Кстати, я так в первый раз слышу о катакомбах в Петербурге или в его окрестностях. Есть знаменитые пещеры в Саблино, но катакомбы?..

-Это просто название такое. Дело в том, что эта церковь начинала свои проповеди именно в катакомбах. Так в названии и осталось, как символ и напоминание прежнего лютого гонения на нее.

-Гонения, простите, от кого?

-От понтификов Римских. От патриархов, которые самозвано титулуют себя как Всея Руси. От кого же еще, как не от еретиков и осквернителей чистого учения господина нашего Иисуса Христа?

-Да? Весьма любопытно. Как бы познакомиться с вашей церковью?

-Вам-то это зачем? – Анна подозрительно взглянула на Луканова. – Осквернителей и так хватает.

-И в мыслях не было что-либо осквернять... Тем более церковь. Это церковь постоянно оскверняет мои чувства, утверждая, что бог есть. Ну да я уже привык к этому. Скажите, а имя отца Родиона, в миру Родиона Панфиловича Ухтомского вам ни о чем не говорит?

-Я не могу все упоминать своих братьев и сестер по христовой вере. Это породит дурные вибрации мирового эфира, нарушающего гармонию Космоса. Парацельс учил, что человеческое тело есть пар, материализованный солнечным светом и проникнутый дыханием звезд. Может имя, названное вами, мне что-то и говорит, а может и ничего не говорит, это как вам, сударь, будет благоугодно. Бог в таких случаях прикладывает палец к губам и приказывает молчать.

Под порывом ветра со звоном распахнулась балконная дверь. В коридоре что-то гулко хлопнуло: не то дверь, не то окно. Анна небрежно махнула рукой на дверь, словно запрещая ветру вторгаться, и позвонила в колокольчик. Тут же, словно из стены, появилась старуха-привратница, под ее тяжелыми шагами жалобно заскрипели половицы.

-Сестра Карпушка, закройте балкон.

-Слушаюсь. – Закрыв дверь на шпингалеты, старуха мимоходом вытерла на комод не существующее пятно, лаская поправила образок какого-то святого в чалме и удалилась.

-Н-нда-с... – протянул пристав, провожая Карпушку взглядом. – Ну а что по поводу друзей или деловых партнеров мужа вы можете сообщить сыску?

-Ничего. К чему земные друзья? И нашим, и вашим все равно не угодить. Даже слепой видит, что нет в друзьях никакой надобности. По-настоящему слеп лишь тот, кто отказывается видеть очевидное.

-И что же на ваш взгляд, это самое - очевидное?

-Скажите, как долго человек, что потерял мать или отца своего, чувствует себя сиротой?

-Я боюсь, что не совсем правильно вас понял, сударыня... Или вы меня. Но похоже мы с вами говорим о разном.

-Вот и я о том же. – Перебила пристава Анна. – Анатолий был как сирота, как слепой котенок, пока не встретил своего пастыря благословенного. Наставника и учителя. Благодаря мужу и я прозрела. А ведь я прежде жила, как тень... Если видят те, кто рядом с тобой, - видишь и ты. Если чувствуют - чувствуешь и ты. Вот вы, например рождены для совсем иной судьбы.

-Я? И, позвольте полюбопытствовать, для какой же именно?

-Стать поэтом... или художником, или ковать огненное железо, но не копать в клоаке людских пороков.

Луканов откинулся на спинку кресла. Его интуиция подсказывала, что вдова не хитрит. Эта дама испытывает непроходимую страсть наставления «слепых» и «заблудших». «М-да... - подумал Савелий Платонович, - если я и художник, то из тех, кто допачкался до так называемой «прикладной живописи».

Кошки и собаки, не любя друг друга, обыкновенно живут под одной крышей и есть нечто трудно уловимое в поведении и образе мыслей истово верующих и закоренелых преступников, а именно склонность к широкому жесту, к поступкам эффектным, рассчитанных на публику и сентиментальность. Даже отшельничество в своей сути состоит именно из кипучего желания хоть как-то привлечь к себе внимание, а, получив его, тут же появляется эффектно-театральное, обязательно прилюдное битье поклонов, осенения крестным знаменем и сентиментальность, в основе которой всегда лежит затаенная жестокость, тщательно срываемое злорадство и невесть откуда моментально появляется неистовое желание поучать, поучать, поучать... Пока не встретятся они лицом к лицу с непреклонной реальностью плюсов и минусов.

-Сударыня, вам не пришлось сегодня посетить городскую квартиру? Я имею в виду ваше материальное, а не астральное тело.

-Нет, отсюда я не выезжала. Если нужны подтверждения - поговорите с сестрой Карпушкой. Со вчерашнего вечера никто из нас никуда не отлучался...

-Скажите, а сестра Карпушка... Вы имеете в виду родственные отношения или духовные.

-Духовные. Что выше во сто крат плотских и суетных.

-Понимаю.

-Вряд ли. Это видно по вашим глазам... У вас блуждание ума и вам трудно понять смысл перевоплощений, божественной инкарнации, учение телемического духовного гностицизма... Для вас это пока слишком сложно. – Анна снисходительно повела плечами. - Вы не отобедаете с нами? У нас нынче сова.

Луканов невольно вздрогнул, вспомнив похожую на сову духовную сестру хозяйки Карпушку.

-Сова? Позвольте... Но отчего же сова?

-Сова в китайской кухне способствует продлению жизни.

-Вот как? Странно. Но как плоть хищной птицы может содействовать продлению жизни?

-Чтобы понять это, нужно проникнуться всем сердцем даосийским учением. Неслучайно в Элладде была монета в десять драхм, что означает «горсть», а на оборотной стороне ее была изображена сова. Сова символ богини Афины, а саму Афины называли «совоокой». Впрочем, для вас это все сложно... Может сова не так вкусна, как...

-Нет-нет. Благодарю вас, мадам, но прошу без кулинарных подробностей. Мой врач настоятельно рекомендовал мне довольствоваться овсянкой и простоквашей, а совы не входят в сие английское меню. Кроме того, я уже отобедал... м-м-м... перловой кашей.

Начинало темнеть. Вероятно, спокойствие Анны исходило от уверенности, что муж не мог быть замешанным ни в каком опасном деле или преступлении. Луканов почувствовал себя совершенно обессиленным. Все, хватит. Продолжение допроса без реальных фактов в руках ни к чему не приведет. Разве что переливать из астрально-пустого в духовно-порожнее. Вот только он выкурит последнюю сигару и в обратный путь.

Глава 11

Около восьми вечера Луканов приехал в Сыскное управление.

-Как прошел визит, Савелий Платонович? Что интересного сообщила вдова? - Алексей сидел за своим столом и позевывал, глаза у него слипались.

-Ни-ни! Но шикарная вдовица, знающая себе цену. Ну просто ангел. И как ангел сама себе завидует, что она есть у себя. Но глаза у нее, как подушки с булавками. Истины ради надо отметить, что она поражает глубиной мысли, словно молния.

Алексей недоверчиво улыбнулся:

-Что вы говорите?

-Да что там говорить, юноша! Ее даже невозможно ни застрелить, ни утопить, ни повесить. Она бесплотна. И величина ее зависит только от освещения астралом... – Луканов перевел дух и сел за свой стол. - Она разговаривает с облаками, она черпает энергию из природы, и у нее есть - как бы это сказать-то? - что-то вроде власти над природой. Во всяком случае, мне показалось, что она мановением руки пресекает всякое неурочное дуновение ветра. В общем, слабая женщина, что запросто порвет стальные цепи. Отбыл я от нее туго накачанный жизненной энергией - без чувств, без мыслей, без желаний. Но от избытка этой энергии трясло не меня, трясло землю, а с ней и мою пролетку. Все мироздание попросту гудело, плавилось и, временами, мне казалось, даже что оно гнулось спиралью. И осенило меня благостью столь сильно, что на обратном пути казались мне тени иероглифов.

-Ясно. Не вдова, а ни дать ни взять - небесное существо... Нечто вроде ангела или, бери выше, бога в дамском обличье. – Констатировал Алексей. – Значит в деле Шаганова надо искать сектантский след. Я уже вижу своим зорким третьим глазом, как неутешная вдовица участвует в черной мессе или в чем-то подобном. И даже как она лежит обнаженная на алтаре, а ее пастырь и наставник в черном клобуке совершает обряд, перетасовывая священные дары и сакральные амулеты по ее обнаженному лону. Парацельс называл подобные обряды «силами мумий».

-Так чего же тогда спрашиваешь? – Луканов пожал плечами. - Коль ты сам в одночасье прозрел третьим глазом и сам же ее видишь! Так восхищайся ею! Удивительная и неожиданная во всех отношениях вдовушка! Верит в вечную жизнь, но заботится о продлении оной, питаясь совами. Сия вера, а точнее диагноз по небезызвестному вам, уважаемый коллега, «доктору Луканову» носит

название «параноидальная чушь с запашком серы». Ее заботит вечное, но гораздо больше волнует сиюминутное. Меня же волнуют промокшие до колен ноги, что окоченели окончательно.

-Уважаемый коллега, я бы добавил, что у вдовушки ярко выраженный синдром Красной Шапочки. Говоря иначе - неосознанное желание быть съеденной.

-Возможно, коллега, - принял игру Луканов, скидывая ботинки и обуваясь в тапочки плотного фетра. - Узнай-трава, лес-стоюн да река-текун – подскажи да вразуми нас несмышленных. Но я знал женщин, которых смерть мужа взволновала куда больше. Или, может, это только мое воспаленное воображение? Сектантский же след в этой головоломке стал не просто горячим, он теперь обжигающий! Клевреты изрядно наследили. – Савелий Платонович вздохнул. – Вот уж воистину прав Рильке, говоря, что «Каждый ангел ужасен». Господи! Забуду ли я когда про ту окаянную сову?

Сугробин взглянул на Луканова жалостливым взглядом умудренного жизнью философа, выслушавшего горячечные речи юнца и близоруко прищурился:

-Сова это не птица, сова это еда такая. Разумеется, сова не гусенок и не вальдшнеп. Как писал Ницше в своем «Чрезмерное - враг необходимого»: «Вот мудрая сова, раскинув крылья, Слетела на Олимп с плеча Афины...». И как там далее?

Совенок сердца моего забился и затих,

И ярый жар его, несчастного, угас.

Меня на гвозди подымали и снимали с них...

Все, дальше не помню. Но лучшей дичи, нежели сова, для продления жизни, вероятно и не сыскать, но, по моему мнению, не следует ее фаршировать, скажем, трюфелями. Ну а пока у вас, ваше превосходительство, в душе кипят подозрения, вам крайне необходимы святыне дары, а именно - хлеб и вино, дабы отвлечь свой растревоженный ум и унять вязкость мышления. Нам крайне необходимо удостоится дивных прозрений. Причем в самое ближайшее время.

-Возможно да.

-Люблю все загадочное. Ведь пока нет каких-либо улик или, хотя бы, вялых подозрений. Но все же разум разумен везде и всегда. Надо только хорошенько поискать кончик сей истории. Тайны, а если применить эзотерическую терминологию – арканы, бодрят.

-Ты прав. Это дело чрезвычайно запутанное и бодрящее, но досадливо грыз ногти не будем. И Шехерезаду застанет утро, и она прекратит дозволенные речи... Так что дишциплина, монсеньер, и только дишциплина¹¹. Десять лет назад в моем производстве находилось одно дело. В Лахте разбойники убили и ограбили странника. В его котомке они нашли лишь хлеб и сало. Хлеб съели, но сало оставили, поскольку был Великий пост, а в пост, как известно, есть сало великий грех. Вот ответ на извечный вопрос, что такое истинно верующая душа. Да и великомученикам надо выбирать между забвением, насмешками и использованием их смерти в корыстных целях, а не кидаться сломя голову в «подвиги» и «подвижничество» и прочие суррогаты бессмертия...

-Но! Что тогда есть гуманизм? – Возвышенно произнес Сугробин, подняв указательный палец.

-Гуманизм, Алексей, есть то, о чем в этом деле уже поздно спрашивать. Но если мы намерены сидеть и разглагольствовать ни о чем, то давай устроимся поудобнее и попросим сварить нам кофе. Уф-ффф! Передохнуть. Вздохнуть-передохнуть-отдохнуть... – Луканов достал из стола коробку печенья «Бликген и Робинсон» и початую бутылку Шустовского коньяку. - Но, коллега, не без сарказма разглагольствуя ни о чем, мы рискуем тем, что нас может занести сквозь дебри лысых, голых истин в такие глубины Космоса, откуда можно вовсе не выбраться.

-Хендрик Лоренц утверждает, что все движущиеся во Вселенной объекты сокращаются в размерах, а время замедляет свой ход. Если это правда, то мы станем вечными. В этом есть притягательность, этаким суспенс.

-Особенно учитывая, что, став вечными, мы сократимся в размерах до ничто.

-Однако ж, уважаемый коллега, разве вам не знакомо такое понятие, как преднамеренный риск? Человек же суть переходящее... Ну а чудес и знамений было уже достаточно. В том, что мы их не поняли, нам остается обвинять лишь самих себя.

Луканов благодушно пожмурился:

-Это становится скучным.

-Но кто-то же должен быть занудой, а кроме меня, как всегда, никому.

¹¹ Не опечатка (прим для редактора).

-Алексей, твоя энергичная настойчивость ныне прощается, но только как моему помощнику, которому по неписаному уставу Сысского управления позволено лезть вперед батьки, а подчас даже и требовать от меня пояснений.

-Что ж, я не всадник, я всего только конь. - Алексей строго блеснул стеклами очков. - Тогда я буду молчать. Впрочем, слово не воробей, много не нагадит...

-Вот и прекрасно. Давай умно и талантливо помолчим.

Налетевший с севера ветер высушивал грязные мостовые, лужи, крыши... На удивительно чистом небе остро замерцали звездочки. Надвигались заморозки.

Глава 12

Визит в приют бездомных животных ничего не дал. На самом деле приюта не оказалось вовсе, одна кривобокая видимость: облезлая вывеска над дряхлым деревянным сараем спрятанного в глубине третьего, проходного двора. Но, согласно докладу околоточного надзирателя, данного им по телефону, именно этот, готовый вот-вот завалиться, сарай и являл собой «Приют бездомных животных». По иронии на стене сарайчика приклеена афишка - «Заготовка шкурок мелкого скота и собак. Коты не принимаются». Внизу вывески какой-то шутник химическим карандашом коряво подписал «Черти тоже».

Боязливо косясь – Кыш-кыш, славное создание! - на любопытную и крайне худую бродячую собаку, Кристина обошла сарай: никого и ничего. Собака тихонько, почтительно тявкает и виновато моргает, будто говоря – «Ну и что? Не все, конечно, меня любят, но я бездомная и у меня нет выбора».

Существовал приют лишь на бумаге для сбора пожертвований и был организован, как это иногда бывает с подобными заведениями, проходимцами. Всегда сыщутся доброты, готовые заняться презрением бродячих животных. Обыкновенно их занятия ограничиваются тем, что они в течение года собирают пожертвования, а под рождество таинственно исчезают, дабы не отчитываться о своей деятельности. Учрежденное в мае сего 1901 года Ветеринарное управление и Ветеринарный комитет при МВД, по всей видимости, пока не озаботились проверкой подобных «приютов».

Второй день Кристина обходила близлежащие с домом княжны улицы и дворы. Задача усложнялась тем, что буквально в нескольких минутах пешком от Конногвардейского бульвара, расположен столичный Почтамт и «Двор почтовых карет и брик», где всегда, и днем и ночью, полно публики, бродящих торговцев и ломовых возчиков.

Дворники, лавочные разносчики и консьержки, что, как правило, прямо-таки сочатся любезностью, по-разному реагировали на вопрос - не видели ли вы белоснежного, явно домашнего кота, откликающегося на кличку Бармалей? - и моментально преображались. Кто-то сочувственно улыбался, кто-то сухо качал головой, а кое-кто даже подозрительно оглядев, предлагал немедленно покинуть вверенную его заботам территорию. Одних сердило, что, сказав что-нибудь, они снизойдут до просительницы и теперь будут просто-таки обязаны какой-то услугой. Другие же полагали, что прежде чем они что-то скажут, им обязаны оказать хоть какую-нибудь услугу. А третьих, и их было большинство, попросту злило, что перед вопросом о каком-то - прости господи – коте Бармалее им не дали на чай... ну хотя бы двугривенный.

От одного развеселого с утра дворника, грязного, небритого и насквозь прокуренного, Кристине пришлось даже выслушать древний анекдот, как белый конь, что женился на зебре, весь медовый месяц пытался снять с супруги полосатую пижаму... Дескать, охлопывая ее по ходовым местам, конь жутко кручинился. Но, рассказав, дворник опамятовался и, возгорев служебным рвением, достал свисток, чтобы вызвать городского, чем действительно рассмешил нашу сыщицу:

-Давайте без интриганства, а? – Предложила она дворнику. – И спасибо вам наполовину.

В ее голосе прозвучало нечто такое, что заставило дворника всунуть свисток обратно в карман фартука:

-Ну-ну... Так-растак-так да на все четыре ветра! Поди, барский кот-то? Но допытывать да особенно в такую рань, да еще... без рассолу. – Обиделся дворник. – Што, котяра улизнул? И кабыть охота вам его ловить, как запыхавшаяся мышь? Нет, чтобы по нужному делу из-зволить. Вам бы только в театре сидеть или вот, скажем, в симфоническом собрании да кофей из блюдца кушать. И-э-э-хх! Жисть, жисть... Но рази ж с кофей дух ядреный, да нарядный выйдет? Туда-сюда, да понапрасну... А нуть-ка по всякой падали кручиниться? А тут? Да по кошаку-то? Да кручины и не хватит-с. Больше подметок исшарыгаешь. Вот бабы, а! Ретна... ретро... - дворник поднял в верх глаза, шевеля губами и наконец выпалил - ретрогадные вы, вот. Он хотел еще что-то добавить, но,

буркнув – Седни мне нездоровится, вроде как простудимшись – досадно крякнул, поплевал на руки и с остервенением стал сгребать снег.

Сегодня Кристина мобилизовала своих двух горничных, но толку от них оказалось мало. Никогда в жизни они не видели столь разношерстной толпы: тут и бродяги и крестьяне-батраки, ремесленники и лавочники, базарные торговки и гризетки, студенты и старьевщики, господа, матросы, городовые, гвардейские офицеры и нижние чины. В толпе снуют продавцы тульских пряников, сбитня, табака и махорки, запеченных в булку карасей и вяляной корюшки. Извозчики, ломовики и телеги с бубенцами, расписанные ярко, как холмогорские подносы.

Подле водосточной трубы на войлочной подстилке сидит безногий оборванец и сиплым голосом зазывает покупателей на свой товар – ржавые напильники, сломанные замки, позеленевшие пуговицы с орлами, дворянскими венками и значками привилегированных учебных заведений. Сбоку примостился сборщик на построение храма в никому неведомой лавре. Лохматый трех его свирепо нахлобучен на глаза, а борода и усы в ледышках пивной пены. Изредка сердобольные прохожие бросают ему медяки в деревянный стаканчик с образом Святой Троицы. Сборщик беспрерывно что-то канючит себе под нос и крестится, каждый раз энергично ударяя себя кулаком в грудь для пущей убедительности.

В раскачку, хмельно, по середине тротуара прошел высокий детина в распахнутой телеграфской куртке перешитый в полушубок на рыбьем меху, за ним бежит, норовя ухватить за фалды, крикливый мальчишка-газетчик в ватном картузе с наушниками.

Плавнo покачиваясь на английских рессорах, проехала сияющая черным лаком гербовая карета, запряженная четверкой превосходных вороных. Свежевычищенная, отполированная, обложенная по верху стразами и с двумя ливрейными лакеями в беличьих полушубках на запятках. Лампасные штаны лакеев, заправлены в унты тюленьей кожи, а высокие медвежьи шапки, завязаны под подбородком. Взгляды по холопски надменные, а весь вид их выражает презрение ко всему окружающему.

За зеркальным стеклом кареты, поверх задернутых занавесок, мелькнуло бледное одутловатое лицо и седой, явно подбитый пухом, парик. Следом, боязливо обгоняя господский экипаж, по молодецки гикая и лихо щелкая кнутом, пролетел лихач. Сани его сильно трясутся на булыжной мостовой и пронзительно скрипят. Следом, в пароконной коляске с верхом, проехал молодой человек в военной шинели с поднятым воротником, под башлыком щегольская конногвардейская фуражка.

Горничные привыкли молчать, пока к ним не обратятся, потому стеснялись подходить к незнакомым людям и судорожно пыталась придать своей физиономии равнодушное выражение. Равнодушие, по их мнению, означало спокойствие, что, разумеется, не соответствовало действительности. Набравшись храбрости подойти, спрашивали про кота невнятно и скороговоркой, но при этом так краснели, что тертые консьержки откровенно насмехались над ними или угрюмо говорили, что, дескать ступайте себе, бога ради, не вводите в грех. Особенно девушки робели перед грозными на вид дворниками. Чтобы там не говорили господа анархисты и социалисты, но люди отличаются друг от друга какими-то непостижимыми признаками: по классу ли, по породе ли или по роду занятий. Девушки очень старались, но психологически не подходили на роль сыщиков. В час дня Кристина, напоив замерзших безуспешных помощниц горячим шоколадом, отправила домой.

Приближенной к господской жизни прислуге вообще свойственно хотя бы на миг почувствовать себя выше кого-то. Показать и в первую очередь себе, что и они не лыком шиты, а из «общества». С Кристиной они обходились довольно почтительно, чувствуя в ней врожденный аристократизм и непринужденное достоинство, рядом с которым любая франтиха из разночинцев будет выглядеть, словно разрисованная курица на фоне благородного фламिंगо.

Интуитивно Кристина чувствовала, что хождение и опрос малоэффективны: и погода, мерзкая и промозглая, когда вся благоразумная живность прячется по подвалам и чердакам, и площадь возможного пребывания Бармалея существенно превосходила возможность запросто обойти ее за день, два. Даже если она и узнает, что в каком-то дворе видели белоснежного кота, то что это даст? Взрослый кот не будет стоять на месте в ожидании, когда его возьмут и отнесут домой. Да и дастся ли он в руки незнакомому человеку, каким была для него Кристина? А если его кто-то приютил? Тогда найти его шансов вообще нет. Но она упрямо думала «Грош мне цена, если я не справлюсь с этой задачей» и продолжала обход дворов, парадных и подъездов.

Толкнув чугунную решетку ворот, Кристина завернула в очередной двор. «Вон еще один информатор, – сказала он про себя, увидев у подъезда мальчишку. – Будем его расспрашивать? –

спросила она сама себя и себе же ответила – Отчего бы и нет? Я ведь пока допытывала всех подряд. Зачем же нарушать сложившуюся традицию?».

На вид мальчику лет восемь, на нем серая гимназическая шинель и фуражка, рядом, почти в луже, валяется ранец. Он сидит на корточках и играет в свайку: подбрасывает вверх - Опля! - перочинный ножик, внимательно наблюдая, как тот падает на дощечку что лежит на асфальте перед ним, стараясь попасть в центр железного кольца. Но ножик каждый раз подает мимо и плашмя. Возможно, ему не приходило в голову, что чуть изменив наклон, можно заставить нож втыкаться в центр кольца. Или ему просто доставляло удовольствие подбрасывать ножик и смотреть, как он шлепается на доску с противным глухим стуком. Снова и снова он повторяет эту бессмысленную процедуру, бормоча про себя:

Нос - картошка, глаза - слива,
Лоб - могильная плита.
Руки длинные, ноги кривы,
Вшива грива, борода¹².

Кристина некоторое время молча понаблюдала за ним.

-Привет, малыш! - наконец произнесла она.

Мальчик поднял лицо. Небрежно размазанная по щекам грязь исчертила его рожицу устрашающим дикарским боевым узором, которую особо подчеркивал белый форменный шарф.

-Испарись, - бросил он, но тут же спохватился. – Впрочем... Здравствуйте, мадемуазель. Но вы до невероятности некстати, что весьма досадно.

Кристина рассмеялась:

-Ну же, малыш, не горячись, - сказала она, - я просто хочу кое о чем спросить тебя.

-Да? - в голосе мальчишки прозвучала ирония. – Это, пожалуй, даже увлекательно.

-Ты не видел, здесь у вас во дворе не появлялся белоснежный, очень ухоженный кот? Зовут его Бармалей.

Мальчик полоснул ее острым, как бритва, взглядом:

-Нет. И вообще, вы разве не видите, что я занят?

-Хочешь научиться кидать ножик?

-Хороши пеньки... Да это любой болван умеет. Я и сам хорошо устроен, надо только потренироваться. – Мальчик миролюбиво кивнул, показывая, что бестактность незнакомой барышни его вовсе не задела. - Была здесь какая-то кошка. Большая, жир-рная. Жаль, не успел пой-мать. Удр-рала. А белых котов, madame, у нас нет, разве что рыжие и полосатые... Ah, non! - И он, забыв о Кристине, увлеченно продолжил свое занятие.

На углу Конногвардейского бульвара и Почтамтской улицы внимание Кристины привлекло свеженаклеенное объявление на зеленой афишной тумбе, возвещавшее: «В четверг, декабря 19-го дня, сего года в зале Народного дома, что в Александровском парке, состоится лекция доктора философии г-на Беневоленского-Маликова. Тема лекции «Судьба Мира в веке XX». Начало в 3 часа дня. Билеты в кассе...».

Низ объявления оказался несколько сморщенный, видимо расклейщик по недосмотру или поспешности не протер его своей тряпичей.

Касса оказалась рядом, и Кристина взяла два билета в партер, в центре четвертого ряда - для себя и Алексея. Мысль о том, что будет ли он свободен и сможет ли пойти на заинтересовавшую ее лекцию, Кристине, как истинной женщине, даже не пришла в голову.

Ничто не могло испортить ей настроение...

Глава 13

Рабочий стол Луканова в Сыском управлении сегодня, 19 декабря, как никогда завален объявлениями о розыске, циркулярами полицейского департамента и донесениями филеров. Сам Савелий Платонович с утра находится в Окружном суде, что на Литейном проспекте в доме четыре. Разбирать казенные бумаги без прямого указания пристава Алексей не имел права, и оказался свободным. Без четверти три он и Кристина подкатили на извозчике к входу массивного здания Народного дома.

¹² автор неизвестен

Сумрачная даль Кронверкского проспекта мигает огненными точками редких фонарей. Крупные слипшиеся хлопья снега, падая на землю, тут же таяли, и мощенная плитками панель перед Народным домом сплошь в лужах с ледяными островками. Парадные двери распахнуты настежь, и свет из холла падает на ступени и черные перила широкого крыльца. Кристина поскользнулась на обледенелых ступенях и упала бы, если бы не Алексей, поддерживающий ее за локоток.

Недавно отстроенное здание пахнет краской и сыростью. С верхнего яруса спускается широкий марш мраморной лестницы. Сразу за входом, в фойе, чуть справа на треножнике за толстым красным шелковым шнуром на четырех столбиках с кольцами стоит большой портрет доктора Беневоленского-Маликова. Мудрый взгляд мэтра обращен вдаль, в будущее, вид задумчивый, слегка грустный, но оптимистичный. И весь он словно выхвачен из темноты бледным овалом лунного света.

– Поторапливайтесь, господа! До начала лекции осталось всего несколько минут. Торопитесь! – пыхла грузная капельдинерша, проверяя билеты и отрывая «контроль». От усердия или от волнения платье ее пропотело подмышками, а глаза лихорадочно сверкают.

Публика, собравшаяся на лекцию доктора философии Беневоленского-Маликова, случилась самая разная: от мастеровых до господ, барышень и дам среднего возраста с налетом мечтательности в безвинных глазах и даже одного адмирала, что, позвякивая орденами, фланирует по центру фойе, заложив руки за спину и бросая по сторонам рассеянные взгляды. Лицо его дышит иронией, но иронией напускной и отчасти смущенной. Господа и дамы, невольно пересекая его путь, ускоряли шаг, а некоторые даже переходили на короткий бег. Если адмирал поворачивал в сторону, публика почтительно расступалась, освобождая ему дорогу. Когда же он случайно встречался с кем-то взглядом, ему едва заметно кивали.

Доносятся приглушенные реплики: «Без веры скорбеть невозможно», «Это была прекрасная теория, жаль, что в век электричества она лопается», «Он знает, кто такие ангелы»...

В буфете бойко звенят стаканами и ложками: торгуют сельтерской и мороженым с несколькими сортами варенья на выбор. Складывалось впечатление, что многие пришли на лекцию, что бы только побаловаться мороженым и вволю напиться искусственной минеральной водой.

Звонок, призывающий занять свои места в зале, прозвучал резко и значительно.

Мягкий полумрак огромного полукруглого зала. Публика быстро и как-то суетливо расселась. Воцарилась абсолютная тишина: ни покашливания, ни шушуканья, ни скрипа кресел.

На сцене стоит стол, покрытый черным бархатом, над ним огромный плакат с изображением квадрата внутри круга. Квадрат разбит еще на 25 квадратов, и каждый имеет какой-то номер, иероглиф или особый магический знак.

Доктор философии Беневоленский-Маликов вышел на сцену в сопровождении господина среднего роста и возраста с лицом плоским, невыразительным но твердым, как кулак и одетого в белый суконный балахон с простой железной цепью на шее. Господин производит впечатление сундука, припорошенного слежавшейся серой пылью.

Сам Беневоленский-Маликов в высшей степени импозантный и успокоительно-надежный: высокий лоб мыслителя, швейцарский костюм, такой же сдержанный, как его хозяин. Очки в спокойной оправе, скромная прическа, лишенная вычурности, аккуратная борода с благородной проседью, узкий неброский галстук в горошек. Все продуманно, все в одном стиле.

За ними следует странная пара: рыхлая дама лет пятидесяти тащит за руку вялого молодого парня. Парень вертит головой и озирается, а лицо его – землистое, пухлое, с коротким вздернутым носом – морщит ласковая слюнявая улыбка. Этаким бесплотный дух с лошадиной головой и весь он какой-то невнятный.

На рыхлой даме грязное голубое пальто и огромная, когда-то модная шляпа с букетиком искусственных цветов, надетая, очевидно, с целью заявить о своей особой женственности. Голова дамы наклонена вперед, но лицо обращено к залу.

Внезапно на щеках парня вспыхнул румянец, а трепещущие ноздри и расширенные зрачки стали столь выразительны, что Беневоленский-Маликов и господин с плоским лицом сами несколько опешили.

– О-о... не могу... Я больше не могу!.. – простонал молодой человек.

Дотащенный рыхлой дамой до кресла, молодой человек рухнул в него, сотрясаемый беззвучными рыданиями.

Дама наклонилась к господину в балахоне и с цепью и что-то прошептала ему. Господин мелодраматически встрепетул и громко, так, чтобы было слышно в зале, с апломбом сказал:

– Не надо денег!.. Не надо мне платить!.. Я его исцелю совершенно бесплатно!

-Уважаемые дамы и господа! – Громко произнес в зал Беневоленский-Маликов. – Да благословит господь, собравшихся ныне здесь! Как истинно утверждал Гомер в своей «Илиаде» - «Опытный врач драгоценнее многих других человек», и потому позвольте сразу же представить почтеннейшей публике доктора тибетской медицины достопочтимого Анатолия Казимировича Вомановича. Прошу любить и жаловать!

Зал дружно разразился аплодисментами. Доктор Воманович подошел к рампе и раскланялся:

-Спасибо, друзья! Спасибо вам всем! Спасибо и вам, Андрей Михайлович. Вы мой верный талисман! – С лицемерной радостью, как конферансье, провозгласил достопочтимый Воманович и с чувством пожал руку Беневоленского-Маликова. После широким жестом вдел золотой монокль в правый глаз и по-хозяйски сел за стол.

-Анатолий Казимирович разработал совершенно новую медицину - Геометрическо-интегральную и сегодня, только для вас, уважаемые дамы и господа, продемонстрирует сеанс исцеления этого бедного юноши. - Беневоленский-Маликов показал на молодого человека с лошадиной головой. – Без всякого аспирина и морфина, господа, и совершенно бесплатно! Давайте же возрадуемся этому чудесному событию!

Зал вскипел овациями. Некоторые рукоплескали стоя, огласились неуместные «браво» и «бис».

Дама, сидящая справа от Алексея и Кристины с опаской покосилась на них, нервно поправила шаль и покачала головой:

-Простите великодушно... А почему вы не аплодируете?

Кристина пожала плечами:

-Еще рано. Мы ждем лекцию, которая была объявлена и на которую продавали билеты. Кстати, вы не знаете, а что тут делает этот Воманович?

-Как что? – Ахнула дама. – Он бог... Он вылечивает все. Он разработал совершенно новую медицину. Она так и именуются - геометрическо-интегральная медицина доктора Вомановича. Нам всем просто повезло, что нынче он сообразовал прийти к нам. Вы разве не слышали об «акватории тела»?

Алексей и Кристина переглянулись.

-Увы, нет, мадам. Аквагория... Это название связано с тем, что человеческое тело состоит более чем из воды?

-Человеческое тело ничто. – Твердо изрекла дама. – Но вода информативный накопитель всех наших жизней. В общем, что-то связанное с инь и янь. Я сама еще только в самом начале пути познания...

-По-моему мы уже видели нечто подобное. – Прильнув к Кристине, прошептал Алексей. – Две недели назад... Нет. Чуть больше. В зале иноверческой церкви, что на Николаевской. По делу Алтуфа. А, Кристина? Полюбовались кудесниками и хватит. Может, пойдем отсюда?

-Давай посмотрим, что будет дальше.

В битком набитом зале повисла гнетущая тишина; никто не двигался и ничего не говорил. Все, затаив дыхание, ждали, переваривая и осмысливая услышанное.

Доктор Беневоленский-Маликов начал тихо говорить:

-Разум погрузился в хаос смутных страхов и ужасных видений. Кто сможет... Нет! Кто посмеет опровергнуть это? Никто! Я, академик всемирной академии естественных наук, доктор философии утверждаю: мои многолетние исследования земного эфира и науки будущего Инфляционной Лингвистики, особенно ее восьмого постулата привели к закономерному результату - свободно парить в полном сиянии пространстве может только праведный человек. Я призываю вас, братья и сестры, станьте праведными! Те из нас, что с легкостью поддается дурному влиянию и низменным страстям, будет погублен необратимо.

Раздался короткий стук. Это молодой человек, сидящий под пристальным взглядом рыхлой дамы, скинул ботинки и забрался в кресло с ногами. Утвердив их, он подпер руками голову, закатил высь очи и по его подбородку протекла новая порция слюны.

Шум не смутил доктора, и он, как ни в чем небывало продолжал. Голос мэтра, казалось, проникал в тайники каждой души, и сотни взглядов устремились к нему, словно притянутые магической силой магнита, ведь известно, что слепота совершенствует слух.

-Растворившись в абсолюте, человек перестает быть человеком в земном смысле этого слова. Он вознесется в великое Неизвестное... Истинно, истинно говорю вам: кто соблюдет слово Христовое и его Гностическое учение Живой Этики, тот не увидит смерти вовек. Воззри! Отбросив цепи, из глубины небесного Света, которым насыщается ваша аура, устремится луч, пребывающий над

числом... – доктор показал рукой на висящий над столом плакат с изображением квадрата внутри круга. – Омела и знаки Зодиака! Числа эти были воспеты еще великим Пифагором! – Последние слова доктор произнес едва слышно, словно впал в экстатический транс. – Лишь тогда хвори и сомнения отступят от вас, когда вы наполнитесь сознанием, что ваше плоть – не больше чем оболочка для вашей вечной души. И стоит оно не больше вашей одежды, а подчас и гораздо меньше. Помните, дорогие мои, что за постом всегда следуют праздники.

На пороге земной смерти тело устает и настолько ветшает, что душа не имеет возможности развиваться в нем дальше. Наступает время покинуть оболочку. И вот душа отрешается от тела, принимая форму, сходную с телом и ее может наблюдать любой человек, наделенный сверхтонким зрением. Наступает смерть, и серебряная нить, соединяющая тело и душу, делается все тоньше, а затем обрывается: душа уносится ввысь. Смерть – суть рождение в иную жизнь. С ее приходом меркнет и свет жизненной силы, гаснет аура, которую испускает всякое живое существо.

Теперь же, братья и сестры, немного прервемся. Я приглашаю двух добровольцев подняться ко мне на сцену для демонстрации психологического опыта энергетической подпитки. Вы сейчас воочию увидите, как можно достичь нирваны. Но это только демонстрация, уважаемые дамы и господа! Ибо для достижения полного просветления и истинной, глубокой нирваны необходим многолетний труд. Нужна работа над собой под руководством Учителя...

На сцену готовно вошли две дамы средних лет – костлявая шатенка повадками похожая на суетливого хомячка и невзрачная брюнетка, цыганского типа с непропорционально большой грудью и покатыми плечами. Шли они дружно, почти в ногу и через два-три шага объемисто приседали, как бы кланяясь.

Беневоленский-Маликов метнул на подопытных холодный, скользящий взгляд и, сделав несколько пассивов, усадил в кресла. На виду у всего зала дамы начали получать «энергетическую подпитку». Закрыв глаза, они дружно покачивались и внимали обвораживающему воркованию академика всемирной академии естественных наук:

– Обуздайте свои блуждающие мысли. Слегка откройте рот. Дышите через узкую щель между губами. Это поможет вам контролировать блуждающие мысли. На выдохе произносите «Оум-мм... Оум-мм... Оум-мм...». На каждом новом «Оум-мм...» вы испытываете легкое напряжение внизу живота, это ваш живот медленно сдувается, но не позволяйте нижней части живота опуститься полностью. Выдыхайте до тех пор, пока у вас почти не закончится воздух. Затем снова наполните низ живота воздухом...

Зал зашелестел «оум-мами», принялся в так с дамами раскачиваться и тоже стал подремывать. Казалось, что багровые пенистые шары друг всплыли в пространстве. Ударяясь друг о друга они, сливаясь, дробились на капли, в пыль, в радуго... Или это всего только разноцветные да разной яркости лучи прожекторов с угольными лампами инженера Лодыгина? Под пристальным светом яркого луча, бубнящий доктор философии смахивал на ожившего мертвеца. Многим в зале стало вполне ясно, что этот человек держит в руках все жизни и судьбы; и нет в мире того, кто рискнул бы прекословить ему. Соседка справа, интимно обняв себя за плечи, спала... Нельзя сказать, что сон ее¹³ безмятежен, изредка она вздрагивала и что-то глухо бурчала. Так во сне, бывает, повизгивает и дергается пес, которому снится охота.

Кристина наклонилась к Алексею:

– Может пойдем отсюда? Жалко терять время на эту интегрально-геометрическую ахию.

– Давай еще немного посмотрим... Это же просто цирк со скоморохами.

– Разве что остается сидеть с зажмуренными глазами...

Негромко и внушительно Беневоленский-Маликов увещевал паству и подопытных, руководя погружением в нирвану:

– ...белыми звездами нарцисса и темным кипарисом увит огонь Элевиша. Отринь суетное! Отринь преходящее! Душа живет в мозге. Только мозг бессмертен! Разве, потеряв все, мы взамен не обречены покоя? Кто отдыхает сутки напролет, если не нищие? Что может быть счастливее песни бедняка, что праздно сидит без гроша в кармане? Всем нам придется умереть, но лучше обрести утешенье теперь, чем лить слезы после. Неужто вы не знаете, что после смерти всех нас ждет покой? Нет, даже и не покой, но вечная слава! Так стоит ли нам скорбеть над умершими, вместо того чтобы трудиться, но трудиться только во славу божью? Это истинное учение Живой Этики! Недаром в сердце народном, в преданиях вечно хранится память о святых Серафиме Саровском, Сергии Радонежском, Елене Блаватской, принявшей ради вашего спасения имя Радда-бай и многих других,

¹³ Без всяких «был» (напоминаю – был, это прошедшее время от глагола быть)

отдавших себя подвигу служения людям. Вовсе не случайно дочь фараона выловила из волн корзинку с младенцем Моисеем, давшего всем нам Ветхий Завет и пламенную веру в Свободу, Равенство и Братство. Ибо мало иметь знание... - Мэтр экспансивно перевел дух, но неожиданно потерял нить проповеди и запнулся. – М-м-м... Пусть впаду я в руки господя, ибо велико милосердие его; только бы в руки человеческие не впасть мне...

-Ну-ну... засмолили Моисея, покатили и пустили в Окиан. Тоже мне - князь Гвидон, что-де сын славного царя Салтана. Но в руки не впасть... Кристина, я отойду на минутку.

-Ты куда?

-Т-с-с... Я сейчас... У меня личный интерес геометрически интегрировался в профессиональный.

-Славься, господи! Воистину, был... был послан ангел Гавриил от бога в город Галилейский, называемый Назарет. К деве, обрученной мужу, именем Иосиф, имя же деве Мария, а отцом ребенка был дух святой. – Заливался доктор философии.

Через несколько минут вернулся Алексей.

-Ты что так долго? Где ты был? – Спросила Кристина.

-Справлялся по поводу эльфов. Их здесь явно не достает. Но обещали быть...

Минут через пятнадцать в конце зала возникло какое-то замешательство - в центральном проходе появилась небольшая группа людей, среди которых особо выделялась тучная фигура околоточного надзирателя с тщательно нафабранными усами и пухлыми, багровыми щеками. Зажегся полный свет. Кое-где послышались жидкие, но неуместные сейчас аплодисменты. Околоточный зычно крикнул:

-Кончай балаган! Что за непотребные откровения да знамения! Эй, ты! Уши-то растопырь! – Прикрикнул он Беневоленскому-Маликову. – Иль заложило? Сейчас вмиг продую, чудо стокопытное. Мозголомку, ишь ты, учинили тут...

Молодой человек, с лошадиной головой, неожиданно проворно натянул башмаки и бегом пустился со сцены. Может, ангел-хранитель шепнул ему из-за правого плеча (за левым-то, как известно, дьявол топчется), то ли сработало знаменитое шестое чувство, только он первый среагировал на появление полиции, что и дало ему возможность удрать.

Рыхлая дама испуганно присела, словно в реверансе, и с совершенно безумными глазами впала в ступор. Достопочтимый доктор тибетской и интегрально-геометрической медицины Воманович в необычайном волнении, собрав всю волю свою в кулак, напрягся, воздел руки, выплюнул из глаза монокль и... прыжками, путаясь в балахоне, понесся к боковому выходу со сцены, скрытому в кулисах. Цепи его весело позвякивали. Но скрыться он не успел и попал в широкие объятия дюжего городского. Другой городской, настигнув Беневоленского-Маликова почти в кулисах, рванул его за ворот пиджака, выдернул на сцену и без всякого пиетета завернул академику всемирной академии руку за спину. Тот не сопротивлялся, лишь часто хватал воздух открытым ртом, бессмысленно озирался и пытался что-то сказать. Городовой добродушно похлопал его по толстому загривку и сказал:

-Закрой рот, любезный, а то дух святой до срока вылетит.

В зале раздались смешки. Так всегда бывает: стоит лишь кумиру хоть немного покачнуться, как только что возносившая его толпа, готова всячески помочь ему завершить падение, а после дружно приступить к затаптыванию. Для многих из пришедших на лекцию иной раз трудно удержаться, чтобы не пнуть человека в самое уязвимое место, испытывая при этом мистическое блаженство. Особенно сладостное по причине того, что всегда можно оправдаться или отовратиться явной или вымышленной хворью, своей неразумностью, незнанием или инфантильностью. Справедливо полагая, что каждый сам кузнец своего счастья, а также и несчастья, и если человек желает уподобиться скотине, то, значит, такова воля божья. Дескать, не мы решаем, за нас решают, да и не всем же быть венцами творения!

Да и что еще делать, если само существование этих людей насквозь пропитано ужасом небытия, а стремление понять действительность, мешает ее принять, что и порождает заманчивое чувство потерянности. Но потерянные, как и побежденные, всегда жаждут только мести и неспособны на милосердие.

В первых рядах партера, некоторые господа тут же углядели, что пиджак Беневоленского-Маликова явно с чужого плеча, да и сам-то он весьма сходствует с мышью, а рот у него какой-то щелястый... Жизненный успех прощается лишь при одном условии, когда его великодушно соглашаются разделить с другими. А как, скажите на милость, его разделить, коль пришла полиция?

Пожилой господин в пиджачной паре, сидевший в левом углу первого ряда партера, тяжело поднялся, открыл рот, собираясь что-то сказать, но внезапно осекся и провел по лбу трясущейся рукой, после воззрился на свои лакированные ботинки, изумленно, словно только что проснулся, огляделся и, не оглядываясь, шаркая пошел к выходу.

Публика покидала зал, будто очнувшись от кошмара, привидевшегося под общим наркозом - Яви нам чудо! Преврати нам гадость в радость!

В природе ничего не исчезает, кроме идеалов и, вероятно, присутствующие на лекции люди уже были изрядно измучены поисками пути к просветлению и кардинальному исцелению, и теперь искали верный путь избавления от мучений предыдущего поиска. Ну а пока в дверях зала образовалась сутолока: верить в божественное воздаяние, сидя в теплом мягком кресле это одно дело, а вот угодить в суетный полицейский список свидетелей это уже совсем другое.

Душа человека - сфера еще не изученная. Это обстоятельство хорошо известно проповедникам, которые пользуются им без зазрения совести, безапелляционно вещая свои мыслишки. Делириум, получивший печатный вид, создает идеальные условия для обогащения пройдох. Со всех сторон к пожелтевшей мессиианской кормушке сползаются аскеты-пророки, праведные апостолы, отважные эксперты да юродивые очевидцы, и начинают всем скопом метать икру в форме лекций, книжек, уточнений, воплях на площадях, комментариев чуть ли не вчера открытых жизнеописаний и святых посланий. Однако, следуя логике, должно признать, что корова «естественнее» бифштекса.

Забавно, но факт - во все времена и у всех народов мессии и проповедники всегда выбирали города, а не пустыни и дремучие леса. Понять почему именно так - не сложно: кто ж поедет в холодный сырой лес или опаленную зноем пустыню за благодатью? Вовсе неслучайно у всякого всегда наготове оправдание-отговорка, что вот бы де съездил, да дела совершенно измучили и времени решительно нет. А еще удобнее так это купить восковую, но никак не сальную или парафиновую свечечку. Светить, правда, она почти не светит, но вдруг против черта или еще для чего-то пригодится? Но, может, не стоит зря разоряться и на свечку - жить проще в темноте и на ощупь.

Обязательное условие успешной религиозной аферы это то, что жертве не придется прилагать много усилий для приобщения к божеству и познанию истины. Это условие непреложное, поскольку в сети мошенников попадает исключительно две категории человечества: те, кто верят, что за малое можно получить многое и те, кто в детстве застрял в своем духовном развитии.

Несмотря на благостный религиозный винегрет в головах, неопиты расходились грубо и молча. Некоторые, отбившись от основного гурта, еще долго метались по коридорам и лестницам Народного дома, ища выход. Но выход не из интеллектуального тупика, после благостной резьбы по мозгу, но выход на улицу. Потеряв чувство уютной плотности, некоторые неопиты уже вспотели и слегка подвывали от страха и собственной потерянности. Они свято верили, что боги - владельцы, а все мы их собственность. Здравая мысль о том, что собственность не может в суете и томлении духа искать своего хозяина, просто не приходила им в голову. Один юноша в студенческой шинели уже отчаянно дергал себя за волосы и скреб голову обеими руками, укрепляя ореол из перхоти и время от времени жалобно что-то восклицая...

Нет, чтобы за каждым из них ходил некто и нескончаемо напоминал, что есть воистину несчастные. И что истинный путь к любому богу, это не туманный набор абстрактных идей и не платные лекции проповедников, что трясут бородками всех цветов радуги, фасонов и вероисповеданий, но помощь сирым да убогим.

Сколько мудрецов убеждает нас, что честность изначально заложена в человеке. Возьмите, к примеру, слуг, говорят они нам, слуги уверены, что праведность это честно прислуживать. Но если взглянуть на воришек, спросим мы, то выходит, что самое честное занятие, это красть.

Христос крупно обманулся, заявив, что блаженны нищие духом - блаженными могут быть только сытые, тепло одетые и здоровые, ибо думают не о брюхе пустом и не о боли неослабной, но о душе бессмертной. И именно поэтому даже самый что ни на есть экзальтированный религиозный фанатизм не сможет обратить мир в пустыню, населенную скопцами и управляемый лжецами. В этом счастье всех нас, что нам не дано замкнуться в скорлупе свинцовой убогости и надежда всех нас на лучшую жизнь, где каждый сам творец своего сущего. Жизнь, в которой не будет лукавых толкований всевозможных богословов, потрясающих своей морозной мудростью и трактующие Библию либо обратно вложенному в нее смыслу, либо с учетом «текущего момента». Да и чтобы они теперь не говорили, им вовек не прикрыть словесной шелухой судилища именем Христа, казни именем Христа, войны именем Христа... Мир жил до бога, мир будет жить и после бога!

Человек - это вешалка для слов. Потому-то мессии и проповедники веками травят умы, выедают души вечными словами «любовь», «вера», «свобода», «братство». Слова эти размножаются во все новые, по виду здоровые и правильные, но изначально больные изнутри. Больные слова рождают некрозные идеи, что умирают не сами по себе, но вместе с жертвами своими. Идеи французских просветителей в начале разавернулись в красивый лозунг «Свобода, равенство и братство», а затем свернулись в кровавую баню революций и наполеоновских войн. Закон природы: пули, отливаемые для волков, рано или поздно достаются охотничьим псам. Не стоит забывать Наполеона, что на Аркольском мосту скомандовал: «По наступающей сволочи - картечью - пли!».

Мудрецы белые, мудрецы желтые, мудрецы красные и черные, что деликатно потупились или склонили головы в глубокой задумчивости... Каждый из них изрекает Истину, не слыша соседей своих, которых и людьми-то он может назвать не иначе как формально. И куда же бежать из этого мира «формальному» человеку, в котором «Все правы»? В религию? Это проще всего, ибо известно, что бессмертных возвращают смертные.

Однако истинная религия может быть только духовным опытом, но никак не навязыванием идей, убогих по самой сути своей. Бог же, если он есть на самом деле, не нуждался бы в земных посредниках и толкователях воли своей. Но, в конечном счете, люди верят собственно не богу, но обольстителю. Слова же «обольщение», «прельщение», «прелесть» происходят от корня «лесть», что по-славянски означает «ложь». Когда же миссионеры говорят про духовность, неофиты воображают летние васильки с порхающими бабочками, но обретают осенние, промозглые погосты.

Вера - это эмоциональное отношение к надежде. Люди, верящие в то, что они верят в бога и, соответственно в рай, испытывают жгучее желание попасть именно в рай, но это, на первый взгляд невинное желание, побуждает их юлить и обманывать и себя, и близких, и весь мир, и даже профанировать саму идею бога. Но высшей профанации достигли праведники-отшельники, что удалились от земных забот и посвятили себя вселенской любви к богу и тем, как бы, достигли сути просветления и, более того, права беспристрастно наставлять на праведный путь любого желающего. Но делает нас беспристрастными лишь отсутствие любви, как и отсутствие всех и всяческих желаний. И как тогда поверить отшельнику в искренность его любви к богу?

Скромность праведника, не что иное, как сокрытая кичливость и обратная сторона сластолюбца. И, наконец, самое страшное - у верующих нет и быть не может чувства долга, потому как все свои обязанности и заботы - бог даст и не все воля божья - они взвалили на плечи бога, делая его ответственным и за свою жизнь и за дела свои. Недаром великий уроженец Фуэндетодоса Франсиско Гойя, вслед за потрясающим атеистом и безбожником Веласкесом, утверждал: «Сон разума рождает чудовищ» или, как сказано в Экклезиасте, «Глупый сидит, сложив руки, и съедает свою плоть»... и поделом - не возноси себя, принижая других. Мир на удивление переполнен мессиями, вот только некому всходить на Голгофу, некому воскресать и некому взять на себя все грехи людские.

Глава 14

После ухода Луканова Анна Шаганов, в обществе уже знакомой нам старухи, пообедала совой, приготовленной на пару без соли, и прилегла вздремнуть. Но только она стала погружаться в сладкий дневной сон, как приехал посыльный от Варвары Андреевны Тюриной с упористой просьбой срочно приехать к ней. Уж как ни хотелось Анне вздремнуть после обеда, но отказать Варваре Андреевне она не могла.

Варвара Андреевна, дама пятидесяти лет, всегда облачалась в странные наряды черного шелка и бархата. Сейчас на ней черная бархатная куртка¹⁴, никер-бокеры (широкие шаровары до колен), черные шелковые чулки, круглая черная шапочка и черные лакированные туфли. Лицо ее старое, с мелкими чертами, с далеко вперед выступающим подбородком, но гладкое как мрамор и почти без морщин.

В Петербурге Варвара Андреевна слыла великой гадательницей. Она предсказывала будущее на игральных и гадалых картах, на кофейной гуще, на таро и утверждала, что умеет гадать, бросая землю через плечо, хвасталась, что по прямой линии происходит от знаменитой Адриины, снискавшей себе громкую славу прорицательницы в царствование Петра Первого, и что до сих пор хранит некоторые из зловещих тайн своей прапрародительницы. Помимо того, Варвара Андреевна утверждала, что она единственная ученица и последовательница Фредерики Гауффе и потому умеет перемещать предметы в пространстве одним лишь взглядом своим.

¹⁴ Только никаких - «была», «было» (прим. для редактора).

-Милочка, - вместо приветствия дрожащим голосом произнесла гадательница, открывая дверь Анне, - я опрокинула во время гадания графине Санниковой семисвечник с черными свечами, и огонь опалил три карты из ее гадательной колоды. В этом ужасном происшествии графиня усмотрела мрачное предзнаменование. Кроме того, карты остались немymi, и утаили нечто важное. Санни уехала вся в слезах. Я так расстроена.

-Ну что вы, Варвара Андреевна, успокойтесь, прошу вас. – Анна обняла хозяйку за плечи и провела ее в гостиную. – Присядьте, а я сейчас разденусь и принесу вам воды с бромом или настойкой валерианы...

Варвара Андреевна резким движением смешала карты на столе, оттолкнула их, откинулась в кресле и уставилась на Анну в упор. Господи, какой же у гадательницы холодный, оловянный взгляд...

-Милочка, вы же понимаете, что в гадании жульничать нельзя. Ведь как-никак речь идет о жизни или... смерти. Ой! Скажи, ты сейчас ничего не слышала?

-Нет.

-А мне почудился голос. - Варвара Андреевна захлопала в ладоши. – Из-бавь ме-ня и сох-рани от чер-товс-ких коло-вра-ще-ний! - Внезапно ее лицо покрыл легкий румянец, тусклые глаза с красными веками широко раскрылись, а худая морщинистая рука сотворила крестное знамение. Порывисто вскочив, она начертала древесным углем на западной стене гостиной магическую пентаграмму:

-Глянь!.. - умиленно прошептала Варвара Андреевна, плюхаясь обратно в кресло. - Ибо нет ничего страшнее знака сего для грешных душ, избегших по божью промыслу геенны огненной!

В гостиную вошел супруг гадательницы Арнольд Владимирович, толстяк маленького роста с усами и жабьей кожей на лбу и щеках. Время слегка, как раз в меру, посеребрило его виски, придав заурядному облику налет вальяжной элитарности. Даже туповатый взгляд, за который в реальном училище его окрестили «Кирпичом» слегка смягчился и приобрел некоторую глубину осмысленности. Будучи человек от природы неглупый, он сохранил в себе натуру, лишенную воображения и с годами приобрел свойство прятать все неприглядное в своей личности, а все мало-мальски привлекательное выставлять напоказ.

-Вот, милая Анна, к чему приводит истерики. Варвара сама себя же и изводит. Вас вот побеспокоила. Вызвала. Ну, дорогая, - он нагнулся и положил руку на плечо супруге, - перестань суесться и посмотри на меня. Успокойся, мы все просим тебя. Черт с ними, с этими картами!

-Господи, прости меня, Арнольд... Прости, дуру старую...

-Ну что ты, милая...

-Ах!.. Оставьте меня. Дайте мне придти в себя.

-Анна, пойдемте в мой кабинет. Пусть наша прорицательница немного успокоится.

Они прошли широким гулким коридором в кабинет Арнольда Владимировича.

Каждая деталь в кабинете продумана и тщательно подобрана. Основной фон составляют разные оттенки дерева стенных панелей, наборного паркета и отделки потолка. Единственное окно, как всегда, занавешено плотной коричневой портьерой. Рядом письменный стол, два кожаных кресла и диван. Над диваном портрет чернявого мужчины, азиатского типа в белоснежной чалме, сбоку в маленькой серебряной рамке фотография Блаватской в накиннутой черной шали, брошенной на покатые плечи.

В камине сердито шипят и плюются сырые поленья. Красноватый свет высокой настольной лампы освещает пространство перед камином, оставляя углы темными. Пахнет лежалой бумагой, сургучом и сырым деревом, как в захудалом присутствии.

Усадив гостью и вальяжно сев за письменный стол, Арнольд Владимирович неожиданно спросил:

-Сестра Анна, а что с вашим мужем?

-Вы же знаете... Бог призвал его к себе... Анатолий умер. А тело его осквернено... мозг похищен.

-Да-да... Но истинно сказано - мозг не имеет стыда. - Тюрин хитро прищурился. - Но я не об этом.

-Тогда я вас не понимаю, Арнольд Владимирович.

-Понять меня, сестра, достаточно просто. Вы знаете, с каким участием мы относимся к вам и относились к нашему брату и вашему покойному супругу. Не скрою, нас весьма волнует ваше будущее. Петербург большой город, в котором много соблазнов... Вы дама не юная, но еще молодая, неискушенная и как знать, что готовит вам будущее?

-Так и я этого не знаю. Оттого и гадаю с вашей супругой.

-Оставьте, голубушка. Гадания... Предсказания... Это все для великосветских байбаков и нищих баб-поденщиц. Там где большие деньги, там не гадают, там, голубушка, имеют планы и соблюдают взятые обязательства. Как это принято в среде умеренности и аккуратности. Кроме того, гадание великий грех. И мы вынуждены отмаливать грехи нашей сестры и моей супруги Варвары. Но... Впрочем, это неважно. Одно только могу сказать, что мы понуждены грешить во славу нашей церкви. Для распространения истинного слова божьего. Но мирские обязательства всегда остаются обязательствами.

-О каких обязательствах вы говорите? Мой муж остался вам должен? - Румяная, в ореоле густых каштановых волос под короткой вдовой вуалью, Анна почувствовала себя неловко, она предпочла бы даже упреки, но не разговоры о денежных делах.

-Нет. Я прежде всего подразумеваю духовные обязательства. Но и о деньгах, а лучше сказать, о налаженном деле, также. Аэродром, который ныне строится на Комендантском поле, преимущественно будет размещен на землях, которые мы продадим за свою цену или не продадим вообще. Воздухоплавательное общество патронируется великим князем... Впрочем, это для вас, Анна, очень сложно и мы сейчас не будем обсуждать этот вопрос.

Наступило неловкое молчание.

Анна то краснела, то бледнела. Она боялась неосторожным словом настроить против себя влиятельную в катакомбной Гностической церкви Дщерей Христовых семью Тюриных. Церковь эту она уважала всем сердцем и единственную в которую, как и ее покойный муж, искренне верила. Анна твердо полагала, что без церкви Дщерей Христовых жизнь ее не имеет смысла... Хотя сама идея святости ей, как молодой, здоровой женщине, претила.

До крещения в церкви Дщерей Христовых Анна отчетливо ощущала, как мельчает душевно, съеживается и гаснет духовно. Она физически ощущала свое особое состояние «заброшенности в мир» и просто ждала, и была заранее готова обменять знакомые тяготы жизни на незнакомые, потому и жить она начала, только как вступила в церковь. Или ей просто грезилось, что она вернулась в жизнь? Постепенно у нее созрело убеждение, что самой судьбой ей предначертано принять деятельное участие в возвращении женственности божественной сущности. Самообман, стувивший многих дам... Честность против лживости проигрывает всегда. Ну а тотем, это всегда образ «отца», но никак не «матери».

Но как можно считать жизнь полной, если само существование под неослабным страхом запретов: в еде, в одежде, в мыслях и даже не иметь, без специального на то благословения епископа, свободу передвижения? К жестокости легко привыкнуть - трудней поверить в добро. Но глупо каждый свой день воспринимать как чей-то подарок. В конечном счете, именно поэтому любая вера уносит надежды. Когда-то прочитанные и поразившие ее своей глубиной слова Монтеня «Кто рабски следует за другим, тот ничему не следует» пропали для нее втуне.

Но сейчас у Анны проснулась гордость женщины. Чувство это давно забытое и потому пугающее, но ей захотелось прервать тягостное молчание, доказать, что она остается безупречной и верной последовательницей гностической церкви и, не находя слов, она откинула вуаль и в упор, почти дерзко посмотрела на Арнольда Владимировича. На лице ее появилось нечто вроде мечтательной улыбки, и одновременно от шеи вверх, к щекам и лбу, стала разливаться меловая бледность, на лбу выступили капли пота.

Скрипнула дверь кабинета и показалась деbeatая дама, круглолицая и румяная. Тюрин кивком показал ее, что он занят. Дверь тихо закрылась.

-В морг приезжал сыскной пристав Луканов. – Прервав паузу, сказал Арнольд Владимирович. - После он посетил вас. Что вы ему сказали?

-Ничего. Да и что я могла ему такого сказать. Муж умер от перитонита... Есть медицинское заключение. - Анна говорила тихим голосом, почти шепотом, но весьма богатой интонациями.

-Но он же о чем-то вас спрашивал? Верно? Вы же не сидели молча друг против друга? К примеру, что пристав спрашивал по поводу погребения нашего брата во Христе?

-Ах, вы об этом... Ну... Да, собственно, ничего такого он и не спрашивал. Так, общие фразы. Впрочем... Он интересовался, отчего панихида заказана в нашей церкви.

-И что вы ему на это ответили?

-Да ничего особенного. Сказала только, что в России свобода вероисповедания.

-М-да... С-с-страхуеться, старый пес. Трупоносец. Не доверяет, видишь ли... Нас за идиотов держит. Но эмоции, сестра, работают против вас, когда вы даете показания полиции. И тогда все происходит где-то вне нас и неведомо для нас. Ну и как он отреагировал?

-Да никак. Сказал, что, дескать, где проводить панихиду ваше дело. И уехал.

-И все? Сестра, вы мне все сказали?

Анна кивнула.

-Хорошо. Благочестивые слова! Да будет так! Бестрепетно обопремся на посох истинной веры и все оставим по-старому. Помни, сестра, что страдания посылаются нам не в наказание, но для исправления сознания. А долгие ожидания всегда вознаграждаются, бог от нас лишь терпенья просит. Не кланяйся, сестра, иным богам, остальное все можно. Не до канонов нынче - Апокалипсис на носу. Ну а теперь, - Арнольд Владимирович встал, - давайте возвратимся в гостиную...

Мучимая дурными предчувствиями Анна вернулась домой без четверти десять вечера. Отвела двуколку, которой правила сама, в конюшню. Едва не порвав лайковую перчатку, открыла дверь дома своим ключом и сразу же поднялась к себе на второй этаж. Тихо. Даже некая оцепенелость. Карпушка, присматривающая за хозяйством уже спит, что очень обрадовало Анну. Сейчас она никого не хотела видеть и ни с кем разговаривать.

Анна медленно разделась и вошла в маленькую комнату перед спальней, зажгла на столике свечу, нежно взглянула на алхимические диаграммы Джона Бьюкера, взяла книгу «Голос Безмолвия» Елены Блаватской и, подложив сатиновую подушку под себя, села на стул. Чудесный миг: она наедине с Учительницей и никого рядом. Желание на одиночество, на собственное несчастье жило в ней всегда, но лишь в последний год оно отважилось пробиться наружу, оно цвело, разрасталось, охватывало ее колючей изгородью. Одиночество, в которое за Анной никто не последует. Но вместе с жаждой уединения ей хотелось вдыхать запахи лугов и лесов, хотелось взглянуть на Луну, на небо, которое после суетного дня опять простерло свою гладкую ночную темноту, населенной мирами...

Лезвие ножа вошло в тело Анны чуть позади ключицы, у основания шеи, срезало верхнюю часть легкого и пронзило правую легочную артерию. Кровь залила открытый бронх, вызвав рефлекторный предсмертный кашель, от которого струя крови через рот хлынула над головой Анны, заливая стол.

Падая, Анна тщетно пыталась дотянуться рукой до ножа, погруженного в шею по самую рукоятку. Лишь хриплый сип вырвался из ее глотки, тело рухнуло на стол, а затем обмякшей грудой соскользнуло на пол.

Шея широко распахнута до позвоночника, мышечные волокна разрезаны. Прямо над обнаженной левой грудью колотые раны, почти идеально вертикальные. Нож втыкали быстро и с такой силой, что отпечатались следы рукояти.

Левое легкое проткнуто почти насквозь. Сонные артерии перерезаны. К моменту, когда убийца почти обезглавил ее, Анна была мертва.

Ночная рубашка Анны задралась, и стали видны ее стройные ноги в белых кружевных чулках и белые туфли с низкими каблуками. Сейчас она особенно красива: смерть расслабила мышцы лица и оно стало более живым, чем было при самой жизни. Идеальные пропорции...

Высокой кадыкастый парень с пегими волосами, слюняво оскалился, сорвал бретельку с правой груди, обнажил ее, поцокал, пнул в живот, сплюнул и вышел из комнаты.

Глава 15

Кристина вначале обиделась на Алексея за то, что он вызвал околоточного в Народный дом. Выходя из зала, она буркнула: «Ты мстителен, Алексей, как стареющая любовница». Но после, подумав, она пришла к выводу, что он был прав; не стоит превращать благое начинание, каким намеревались сделать общедоступные залы основанного графиней Паниной Народного дома, в гнусный балаган и шаманский притон, тем более что уголовным уложением Российской Империи подобная публичная «терапия» каралась длительными годами каторги.

Поздние утренние сумерки сменились тусклым белесым ее похороны днем декабря двадцатого дня. Луканов, сидел за своим столом в кабинете Сысного управления и после подробного рассказа Сугробина о спектакле в Народном доме, долго, до слез смеялся.

-Ну и где теперь эти чудотворцы?

-В управлении, Савелий Платонович. Сидят по разным камерам. Вот, протоколы допросов, снятые еще в околотке, сразу после задержания. – Алексей достал из папки несколько листов бумаги и положил их на стол перед приставом.

-Хорошо... Ну а что скажет наша дама?

-Ох... Савелий Платонович, прям не знаю... Верно, меня черт попутал. – Кристина мило улыбнулась. – Хотелось лекцию о будущем двадцатого века послушать, а там оказывается, примитивное облапошивание. А название лекции так, пустая завлекалка, оказалась.

-Но, Савелий Платонович, - заметил Алексей, - в словесном мусоре Беневоленского-Маликова меня заинтриговала фразы о том, что «душа живет в мозге» и что «только мозг бессмертен». Сами-то по себе эти словеса полнейшая бессмыслица, но с учетом осквернения трупа господина Шаганова... Имеющего явный религиозный, ритуальный оттенок... Весьма и весьма настораживающие. Впрочем, я возможно ошибаюсь и попусту навожу тень на плетень.

-Ну что ж... - Луканов коротко просмотрел протоколы допросов. – М-да... Давай-ка сюда... ну, скажем... А вот с Беневоленского-Маликова, пожалуй, и начнем. Совместим, так сказать, нужды пастыря с интересами паствы. Распорядись, Алексей.

-Это крепкий орешек. С кондачка не возьмешь.

-Орешек? Стало быть, он незыблем как крепость Орешек? Который по-теперешнему – Шлиссельбургом называется? Что ж, штурмовать сию фортецию, будем спокойно и методично, - Савелий Платонович лукаво усмехнулся, - не под батальонный барабанный бой, но как бы под салонную музыку Вивальди. Совершенство всегда мнимое, потому довольно самой малости, чтобы разладить непогрешимость.

-Мне уйти? - скромно осведомилась Кристина. – Ведь присутствие при официальном допросе-штурме посторонних лиц возбраняется.

-Отчего ж? – Луканов весело взглянул на нее. – Вы у нас будете присутствовать в качестве эксперта. Одна из весьма приятных привилегий, которыми я располагаю в силу своей должности, это возможность привлекать в дознании и сыске специалистов и экспертов по своему усмотрению. И если вы, графиня, расположены участвовать в допросах и вообще в расследовании этого дела, а я говорю о деле Шаганова, в качестве эксперта, то я, и Алексей будем весьма рады. Помимо того, при всех возможных вариантах кто-то из нас троих всегда должен оставаться с холодной головой. Так как? Можно на вас полагаться?

-Безусловно! Эксперт. Мне нравится, как это звучит. «Эксперт», - повторила Кристина и пересела за письменный стол Алексея. – Именно как эксперт, которому крайне необходимо рабочее место, а не скрипучий стул, подпирающий стену.

Сугробин развел руками:

-Где же прикажите мне теперь сидеть? Над большими входящими и исходящими бумагами?

-Но ведь стульчик же я освободила.

Алексей притворно вздохнул и вышел отдать распоряжение.

Измочаленная самокрутка никак не соответствовала вальяжному виду Беневоленского-Маликова. Проведя ночь в камере, он немного освоился со своим новым амплуа – страдальца за веру. Руки его невинно сжаты на животе, чтобы продемонстрировать чистоту намерения, но во властном взгляде сквозит подбострастие. Он, верно, с превеликой радостью, сменил бы роль мученика, влекущее за собой от трех лет каторжных работ на менее престижное, но уголовно ненаказуемое.

Пиджак он оставил в камере и его привели в кабинет в брюках и исподней рубашке с аккуратнo, по шву оторванными рукавами. Темные наколки странно выделялись на фоне изнеженной белой кожи предплечий, отливающих голубизной. Несло от Беневоленского-Маликова затхлым мужским потом и табачным перегаром.

-Ну, господин Беневоленский-Маликов, что вы нам поведаете? – Спросил Луканов, откидываясь на спинку кресла. – Мы вас внимательно слушаем.

-А... что там? Чего говорить-то?

-Вы соловьем-разбойником заливались со сцены. Говорили этак гладко, убедительно. Отчего ж теперь-то скуksились и мямлите? Вы же владеете каруселью слов блестяще.

-Что ж... Соловей-разбойник был беглым языческим жрецом, нашедшим убежище в глухих лесах. Во всяком случае так указывалось в былинах об Илье Муромце, до того, как их отредактировали святые отцы. Но последние события развивались для меня так стремительно, - сказал лже-философ извиняющимся тоном, - что я до сих пор не могу опомниться.

-Да, иногда такое случается, - равнодушно заметил Алексей. Он взял стул, сел напротив Беневоленского-Маликова и обратил на него строгие стекла очков. – Ищи-свищи, но заявились в подкованных пудовых сапогах архангелы, напичканные сверх меры скептицизмом и разом все изменилось. Прежде были вы пастухом, а ныне стали подконвойным. Паства, как водится, разбежалась и ни один из исцеленных или просветленных вами не явился к нам со слезным прошением о вашем освобождении.

-Андрей Михайлович, давайте поговорим на веселую тему. Верно, смеяться будут не все, но что ж тут поделаешь... Начните с события в Народном доме. Расскажите, как вас угораздило встать

на путь порока и угодить под следствие. Отделим, так сказать, реальность от галлюцинаций. – Предложил Луканов.

-На все ваши вопросы я отвечу или не отвечу, по своему усмотрению. – Лже-философ возвел грустные, иконные глаза к потолку, скользнул в сторону, на стену и остановился на приставе. – Но говорить я буду только в присутствии адвоката.

-Вот как? Вас, сударь, взяли с поличным. Чего ж от теплого-то отпираться? Только наперед прошу, не крестите перед собой воздух размашистыми жестами. Сколько бы вы не повторяли – изыди, нечистый! - я никуда не денусь. Проверено. Не нужно искать и сложных объяснений, если есть простое. У меня лично вызывает подозрение даже одно чудо, а у вас они сыпались словно крендели из дырявого мешка. Не слишком ли много чудес сразу? – Луканов пожал плечами. - Сомневаться - это моя служебная обязанность. Так давайте вместе и взглянем на ваши чудеса, так сказать, со стороны кулис, а не из зрительного зала. Что касается адвоката, то на стадии предварительного следствия и тем более сыска к делопроизводству он не допускается. Ну а теперешние ваши показания более необходимы именно для вашего адвоката и присяжных. Это вопрос вашей судебной канализации, если угодно. Так как? Будете рассказывать о своем жульничестве?

-Да сам не знаю... Черт, верно, попутал. Да и о каком жульничестве вы говорите? Каждый человек время от времени бывает в чем-то виноват. Но иногда он совершает проступок умышленно, а иногда случайно. В этом все и дело... Дать маху может каждый. И если за каждую ошибку наказывать, так, пожалуй, и наказаний на всех не хватит. Я, господа, уже устал повторять - все, что служит облагораживанию человека, смягчению общественных нравов, не может считаться жульничеством.

-Эт как же?

-Да вот так, господин пристав! Как говаривал Адам Смит, «коли есть спрос - будет и предложение». Я же призывал людей к смирению, к ненасильственности, к доброте. Такие как я всем сердцем своим содействуют улучшению общественной нравственности. Пробуждению у людей милосердия, а вы мне статью с параграфами. Нонсенс! Это ваш великий грех.

-Осуждать - грех. Но обличать? Разве обличать злоумышленника грешно?

-Да поймите, если нет бога в душе, тогда в ней сатана поселиться!

-Вот значит как? Стало быть, все перевернется, и часовая стрелка вспять пойдет? Уж если без вас, так вновь всемирный потоп всенепременнейше начнется? Оно, видать, и верно. Но только потоп вашего словоблудия. А если не веруешь в бога или в богов, то ты в уготованную адову сковородку обязательно угодишь? Что ж, по-вашему, если не веришь, то и судьбы иной идолом не предусмотрено, кроме как разглядывать людей сквозь прищур алчности? Неужели выбор таков - либо крестик на груди, либо бесовский прищур? Что, нет людей, у которых есть и то, и другое? Или нет людей, у которых ни того, ни другого нет?

-Человек в мире одинок. Он страдает... - Менторной интонацией произнес Беневоленский-Маликов. – На то ему и даны святые, чтобы скрасить земную юдоль. Главное не ошибиться в выборе веры. Необходимо избрать истинную.

-А вы кто? Экзарх? Верховный жрец? Моральные принципы были определены за тысячу лет до появления, к примеру, христианства. Да и что это у вас за бог такой? Что сотворил людей по образу и подобию своему, а после, видать спохватился, принялся учить свое подобие доброму да вечному? А для нерадивых учеников приготовил геенну огненную!

-Просто вы многого не понимаете...

-Да бросьте вы... В основе божественного страдания, если, конечно, так можно сказать, лежит «неумолимость бытия». Все это мы уже не раз слышали еще до вас, а посему не будем отвлекаться. Расскажите-ка лучше, как вы, не имея никакого образования, арендовали зал, выпустили афишу со своим именем и заведомо лживым титулом «доктор философии».

-Но, простите...

-И пока все на этом. – Перебил лже-философа Луканов. – Довольно пикировок и вернемся к цели нашего разговора. Умерьте свои чувства и пойдем, так сказать, в обратном направлении - от сегодняшнего дня в прошлое. Только не надо упоминать черта, который вас попутал. Излагайте просто, по существу и без ссылок на божий промысел. Ну, например, сколько стоили билеты на вашу лекцию-профанацию?

-Ну... Не так много... Всякому по карману.

-Что значит «по карману»? Цены на билет так сильно били по карману?

-Что вы... что вы. Нет, конечно. Это я неудачно выразился.

-Нет. – Тихо заметил Алексей. – Это вы неудачно в столицу на гастроли приехали. В среде уголовников есть поговорка – «В Санкт-Петербург много входов, но выход один - через Кресты». Да оно и понятно, любому татю крупное всегда спереть хочется, просто потому что оно большое.

-Но меня-то? В «Кресты»? За что, господи?! Я же не украл, не ограбил. Я хотел как лучше.

-Ну да... – Луканов пододвинул к себе протоколы допросов. – Вам бы в подворотном поганнике проповедовать, а вы в Народный дом обманом влезли. Нехорошо это. Вы, сударь, будучи доморощенным философом, вещали о каких-то иллюзорных истинах жизни! Вы что? Их видели, эти «истины»? Шупали? Нюхали? Или ваше имя Артур Шопенгауэр, который как и вы призывал к отказу от жизненных интересов, от деятельности, полюбить в себе бога и тем успокоиться и быть счастливым?

-Но... Нет, конечно. Какой же я Шопенгауэр? Но, откровенно говоря, есть высшие истины, привнесенные в мир Буддой, Иисусом. Умалчивание слова божьего и породило общество заменившее храмы биржами, а соборы нефтяными вышками... Это именно нынешние прохиндеи, превратили чистоту в гигиену, а святость - в религию. - Беневоленский-Маликов патетически возвысил голос. – А пьянство! Семеро не заработают, сколь один пропьет. От того-то в голове народной мокро, потому как все вином сверх меры залито, и хлюпают в ней редкие мыслишки, что рождаются и тотчас же захлебываются. Да что там говорить, если символом державности уже вполне можно изображать двуглавой бутылкой. Самоупийцы!

Мы живем в то время, господи, когда общество вступило в устойчивые сумерки своего существования. Его устои колебали философы, колебали естествоиспытатели, колебали инженеры, выдумывающие бесовские машины, колебали нигилисты. В результате человек стал статистической единицей большого общества.

-А-а, ну да - идите да узрейте! И где же вас, таких умных, делают, скажите на милость, мы еще пару дюжину закажем. Однако у нас с вами кураж другой совершенно. Так что, сударь, перестаньте юродствовать! Можно при желании вполне служить Будде и Иисусу совершенно иным образом. Без алчного обмана доверчивых. Кстати, вы уполномочены названными вами лицами на вещание истин от их имени? Если это так, то предъявите оформленный по всем правилам документ, удостоверяющий ваши полномочия. Ну? Не тяните, сударь. Так есть документ, уполномочивающий вас вещать от имени бога?

-Нет. Да и откуда он может взяться.

-Верно. Вот тут вы правы. Следовательно, нам следует сделать вывод, что вы сами себя уполномочили говорить от имени бога или, если вам угодно, от имени богов. Вы даже причисляете к лику святых, как это вы походя сделали на своей лекции. Отчего это вы вдруг некоего Прошку Мошнина канонизировали под именем Серафима Саровского? За то лишь, что он, во славу божью, три года простоял на столбе? Или вот упомянули Сергия Радонежского? А ведь он был двуперстником, то есть старообрядцем-раскольником и потому еретиком. Откуда у вас эта зазнайская самоуверенность?

-Не соромно то и не зазорно – воздавать почести. Но ведь и попы в церквях тоже вещают от имени бога. Почему им, псевдонимным, можно? Почему, скажите на милость, у вас невиновные должны всегда выглядеть виноватыми?

-Попы не вывешивают перед церковью афиш, что, дескать, приходите, будет лекция «Судьба Мира в веке XX».

-Да ваша церковь что батальоны с развернутыми знаменами, способные устроить кого угодно. Да на лицах солдат уже нет той елейности, что любят напускать на себя батюшки.

-Зато все настоятели храмов в обязательном порядке состоят на службе в охранке. – Тихо, чуть слышно процедил Алексей. – А это вам не бутыл со «святой водой» вскрыть посредством наперсного креста.

-Допустим. – Луканов укоризненно взглянул на Сугробина. - Но в собор люди приходят добровольно, да и вход в него бесплатный, если, конечно, вы обратили на это внимание. Не припомню также, чтобы в церкви проводили сеансы публичного лечения. Впрочем, - Луканов досадливо махнул рукой, - рая на Земле попы тоже не построили... Церковь без Христа. Ну а если верить Иисусу, то церкви и прочие каменные храмы, по сути своей богопротивны и будут разрушены. Однако вы, сударь, не имея врачебного образования, устроили в Народном доме медицинскую проповедь, мороча своими шаманизмами головы доверчивой публики.

-Как же... Попы и не лечение. А экзорцизм?

-Так это всего лишь изгнание беса из человека. Вопрос веры и поповского словоблудия.

-Значит, коль рукоположили тебя в чин попа, так...

-Да перестаньте. Нет в причте такого чина «поп».

-Ну как же нет, когда есть?

-Слово «поп», да будет вам известно, произошло от сокращения «пастырь овец православных». В прежние времена священники на казенных бумагах перед своим именем ставили первые буквы этого звания, то есть «п. о. п.». Отсюда и пошло «поп». И хватит об этом. Расскажите лучше, вот о чем. Судя по всему, публика, что собралась на вашу лекцию, заранее знала, что будет происходить. Откуда?

-Так внизу афиши, помельче и было указано: «Духовное исцеление. Исповидимый путь».

-Значит, мы просмотрели... Стало быть, лекция «Судьба Мира в веке XX», крупным шрифтом так, для прикрытия? Маскировка? Так сказать, смотри по эту сторону заката...

-Ну да. Наша постоянная публика уже знает этот фокус.

-Ну а где вы печатали свою афишу?

-В Типолитографии Станкевича, что на Гороховой в доме 46. Но господин Станкевич здесь ни при чем.

-Я понимаю. Верно, вы воспользовались подложными документами для оформления заказа?

-Ну...

-А что вы можете сообщить о вашем подельщике Анатолии Казимировиче Вомановиче?

-Ничего. Но он имеет некоторое отношение к медицине.

-Вот как? И какое же?

-Он коновал.

-И что? Уже врач, что ли? Какое же отношение к медицине имеет коновал? Даже если он не просто кановал, а... - Луканов взглянул в протокол допроса, - геометрически-интегральный коновал и имеет железную цепь на шее?

-Ну... Не знаю. Но мне так показалось.

-И как часто вас посещают видения? – Неопределенно спросил Сугробин и презрительно бросил. - Зрячие да зоркие... сами находят свои жертвы. Но если что мерещится, свистеть по утрам необходимо. Или креститься.

Беневоленский-Маликов поджал губы и попытался свернул самокрутку, но дрожащие пальцы рассыпали табак:

-Позвольте папиросу.

-Курите. – Луканов пододвинул портсигар. – В общем так. У вас отсюда есть два пути. Первый, это возвратиться в камеру с бумагой и все подробно написать. Второе, нынче же вы будете переведены в охранное отделение и уж будьте уверены, там найдут убедительнейшие аргументы, с которыми вы быстро согласитесь и дадите любые показания.

-За что ж в охранку-то? У меня билет куплен. Хочу я, знаете ли, совершить паломничество на гору Афон, да и отдохнуть немного. - Беневоленский-Маликов позеленел и душно задышал. - Что я такого этакое сделал?! - Он прекрасно понимал, что в сложных делах лучше «сесть» по простой уголовной статье, ибо в этом случае его не будет допрашивать тайная служба. Как понимал он и то, что не стоит делать из себя героя - иголки под ногти и дыба еще никого не красили.

-Как что? А недозволенное изучение науки будущего «Инфляционной Лингвистики»¹⁵, особенно ее «восьмого постулата»?

-Так это же так... Одни порожные слова. Вы же понимаете...

-Порожные? А я вот, представьте себе, сомневаюсь, что это только слова. Но уверен, что в особняке у Биржевого моста вы все подробно и растолкуете. Впрочем, ваши слова следует счесть как признание в мошенничестве?

Лицо Беневоленского-Маликова сменило окраску и из зеленого превратилось в густо красное, жилы на лбу вздулись, а голос внезапно сменился хриплым полупшепотом:

-В каком еще мошенничестве? Я вправду проводил исследования... Докажите что это не так.

-Эк... вы как хамелеон, право. С вами занятно беседовать. Не угадаешь, какого вы станете цвета в следующий момент... Но мы вам ничего не будем доказывать. Это вам предстоит доказывать, что этот ваш «восьмой постулат» не направлен на сотрясение основ монархии. Все. Возвращайтесь в камеру и готовьтесь к переезду.

-Ну погодите, господа! Ну, нельзя же вот так. Вы просто давите на меня. Я не могу собраться с мыслями...

¹⁵ Без предлога «в» (прим для редактора).

-Мы давим на вас? – Луканов размял папиросу и медленно закурил. – Эка новость. Кстати, а что за изображение квадрата внутри круга висело на сцене?

-Квадрат Имхотепа, архитектора Египетских Пирамид. Некоторые почему-то называют этот квадрат «тибетским пентаклом».

-А-а, ну да... Что-то вроде Наполеоновского: «Камараде, сорок веков смотрят на нас с вершин этих пирамид»... И что? Сей пентакливый квадрат тоже лечит?

-Как знать... Имхотеп постиг силы Вселенной еще за три тысячи лет до появления Христа. И задолго до Моисея, Пифагора и Кришны. Квадрат или пентакль, это своего рода магическое укрепление, преграда на пути всевозможных злых сил. Он обеспечивает защиту ото всех темных духов, от всякой нечисти, которой кишат параллельные или нижние миры, иногда же эти миры называют брамфатурой. Скажем, земная брамфатура называется Шаданакаром. – Лже-филосов сделал многозначительную паузу и продолжил. – Ведь для древних египтян именно с востока приходила жизнь, а на западе лежала страна, куда отправлялись умершие. Там их судил Анубис, бог с головой шакала. Перед судом умерший произносил отрицательную исповедь. Он перечислял грехи, которых не совершал, например, м-м-м... «Я не богохульствовал, я не лгал, я не прелюбодействовал...

-Это план вашей следующей лекции? Нечто вроде «Пирамиды и судьба России». Да-а... Замусорили вы себя вылинявшей ерундинкой основательно. Тут же боги, тут же и мошенничество и прочие... восточно-западные параллельные миры. Впрочем, одно другому не мешает, но веско дополняет.

-Отчего это ерундинкой? Вот вас, к примеру, взять. Вы знаете, что ваша фамилия «Луканов» новозаветная?

-Вот как? Отчего это вдруг?

-Она происходит от имени евангелиста Лука и древнего слова «нов» - «новый», то есть вы Новый Лука.

Савелий Платонович усмехнулся и махнул рукой:

-Вы в любом найдете тайный смысл. Хоть в имени, хоть в чем угодно. Лучше скажите, откуда у вас татуировки?

-Да так... Ошибки молодости.

-Разве? Но у вас, видимо, не просто шутовские рисунки. Алексей, где у нас атлас татуировок? Принеси, будь любезен.

Сугробин вышел.

-Так что же вы можете поведать нам о ряженном подельнике-коновале, прилюдно разгуливающим в белом балахоне и с железной цепью на шее? Этаким схимнике. Цепь эта что - наградная? Или указывает на принадлежность к какой-то секте?

-Я его почти не знаю. Я с этим стручком нематым познакомился, три, нет четыре дня назад в трактире «Бонон», что в Гусевом переулке. Мы там кушали без вина. А цепь?.. Да так... Антураж. Но на публику хорошо действует.

-Значит цепь это вроде аксессуара младшего жреца. Деталь сценичного костюма, для пущего эффекта, как собственно и сам белый балахон? Ясно. Но вы вот так случайно познакомились с Вомановичем и тотчас же его на сцену целить? Да по полной программе? А если бы он подвел вас? Не справился бы, скажем, с диагнозом? Вы же там сулили вылечить некоего молодого человека. У вас, верно, происходят всякие казусы?

-Держал я этого коновала на коротком поводке. Да и познакомился я с ним не совсем случайно. Меня с ним свел Тюррье. Да и чего там лечить-то? На роль больного специально студент недоучка был нанят. Когда полный зал разношерстного месива, то можно свободно нести любую чушь. Слопают и добавки попросят. Главное себя впитать большой темой, завестись, в кураж войти. Важен не смысл слов, важно, как держатся на сцене. Потому все, что прежде народ был, а теперь просто публика.

Ну а публике, особенно дамам, нравится твердость, напористость, им не важен смысл слов, они симпатизируют уверенности. – Лже-философ усмехнулся. - Количество разума на Земле постоянно, а население растет. Ведь сам-то мир уже в критической плотности и не может ни расширяться, ни сжиматься. Это как капля воды на носике чайника, которая не может ни упасть, ни втянуться внутрь. Доктор Фрейд говорит, что это не парадокс, а нормальное отрицание отрицания.

-Скажите на милость. А вы, сударь, подкованы не только в мифах о богах, но и в серьезных вещах. Надо же, какая неожиданность! Ну, а дама, что сопровождала вашего больного? – Луканов взглянул в протокол. – Андреина. Так ее зовут?

-По мне так и пускай хоть Андреина, хоть Кандреина, да хоть как. Это вообще... Буквально перед выходом на сцену из фойе пригласили, вроде как помочь болезному выйти на сцену. Их-то анахоретов, по их глупому виду и пустым глазам за версту видать, они и сами рады помочь, только что от счастья не мурлыкают, да и платить им не нужно.

-А кто такой Тюррье? Что свел вас с коновалом? Он что, и есть подлинный вдохновитель вашего предприятия?

-Ну, он вам, господин пристав, совсем не по зубам. Тюррье большущий человек. У него связи в самом Зимнем... Эх! Высокого он полета птица!

-Как много мелких штрихов и деталей, и узнавания нового... Этот Тюррье и принимал у вас клятву Гиппократу посвятить жизнь борьбе за здоровье и просветление публики посредством мозговой клизмы? Но мы еще поговорим о нем, о его птичьих делах и что почем. Выясним заодно его связи в Зимнем дворце и прочее. В наши силки птички и не столь высокого полета попадались.

-Да я вам говорю, что он вам...

-А две бабы? Что вышли на сцену в качестве добровольцев? - Перебил лже-философа Луканов, слегка повысив голос. - Кто они?

-Да... Подсадные. Я этих трамбовок нанял накануне у пивной «Чижик». Нужно было заранее отрепетировать роль. Обычные шаромыжницы, что вечно возле пивнушек пасутся, одержимые желанием напиться на дармовщинку. За штоф водки они вам что хошь сделают.

-Стало быть дамочки хотели просто повеселиться, но попали на чужое похмелье? Верно скучно им стало быть честными, но трезвыми и с крестом на шее, а не на хребте. Оно понятно - ни шарма в сем, ни выдумки... Хотя все роли у вас были расписаны, но игра пошла не по сценарию. Вам что-нибудь известно о ритуалах связанных с использованием человеческих органов? Ну, там... сердце, или, скажем, печень?

Беневоленский-Маликов вздрогнул:

-Ну, это у папуасов, индейцев или у африканских дикарей... Прямо таки жутко, господин пристав. Я этим, вот вам крест, не занимаюсь.

-Я имею в виду в Санкт-Петербурге. А о вас речь еще впереди.

-Нет. Ничего о подобном не слышал. Может быть, какие-нибудь сектанты и проносят жертвы на своих шабашах. Ну, там... мышь, черного петуха, рыжую кошку... Да и то это вряд ли. Скорее все же пользуются символами.

Возвратился Сугробин. Подойдя к своему столу, он с Кристиной углубился в изучение иллюстраций и в сличение их с татуировками Беневоленского-Маликова.

-Ну так что? Ваше «нет» как следует понимать?

-Я не знаю ничего о таких сектах. Даже краем уха ничего не слышал о них.

-Что вы имели ввиду, когда в своей лекции утверждали что, дескать «душа живет в мозге» и что «только мозг бессмертен»?

-Это я у каких-то сектантов позаимствовал. Теперь точно не помню. Как будто у Гностической церкви Дщерей Христовых что ли...

-Катакомбной? Если я не ошибаюсь.

-Вроде бы, да. Но достоверно не помню.

-Хорошо. Мы еще возвратимся к этому вопросу. Ну что там, - Луканов обернулся к Алексею и Кристине. - Выкопали что-нибудь хоть отдаленно похожее?

-Да, - Кристина взяла атлас и подошла к лже-философу. - От вас, сударь, больше от уголовника, чем от порядочного человека, каким вы себя пытаетесь представить. Картинки на ваших предплечьях указывают, что вы три года находились в ссылке по делу о мошенничестве. Верно?

-Верно. Чего уж там. Ну, привлекался я к суду... И с каким только недоверием надо относиться к внешности.

-Кстати, - спросил Алексей, - а куда делись рукава вашей рубахи?

-Оторвал. В камере очень жарко и влажно. Прямо-таки дышать невозможно, а платка обтирать пот нет.

-Да-а... - Сугробин усмехнулся. - Довелось вам, сударь, даже свое исподнее на платки рвать.

Есть люди, к которым проникаешься симпатией с первого взгляда, другие начинают нравиться со временем, а есть и такие, которых хочется оттолкнуть от себя подальше. К этим последним Луканов причислил Беневоленского-Маликова.

-Ладно, - слегка хлопнув ладонью по столу, сказал Савелий Платонович, - Хватит мне голову морочить. Не хочу слушать! Бумагу с собой в камеру возьмете?

-Да. – Буркнул Беневоленский-Маликов, зрачки его расширились. В дверях он остановился, было ясно, что его одолевает какая-то подспудная мысль. – Но если я все опишу, смогу ли я надеется на снисхождение суда?

-Ну, вам-то, сударь, просить о снисхождении. Вы же сами ходячая добродетель, что карала да миловала, а в промежутках проповедовала законы выгоды и лжи. Вы можете только надеяться на то, что вы не переедете в охранное отделение. Не забывайте об опрометчивом публичном признании исследования «Инфляционной Лингвистики», и ее «восьмого постулата». Кропайте, сударь, мемуары. И дай вам бог усердия!

-Но ведь все, что я говорил на сцене - белиберда!

-Белиберда. – Согласился пристав. – Но и за гораздо меньшую белиберду отъезжают на Сахалин. Причем отъезжают на пожизненное жительство!

-Но, а как же благодарность... - Спросил лже-философ с профессиональной солидностью.

-Что, ужас краденого счастья гложет? Благодарность! За что же мне вас благодарить-то? Благодарность вещь очень милая, но только когда есть время выслушивать любезности и соответствующая обстановка. Идите, сударь. Однако если вы вспомните серьезные, относящиеся к делу подробности, то, милости прошу – дайте знать.

-Но укажи мне на человека, лишенного пороков и страстей...

-Да перестаньте даром сотрясать воздух. Тоже мне: библейская овечка. Идите, сударь! У вас время ограничено. – Отрезал Луканов и бодродушно усмехнулся. - Не правосудие ловит человека, он ловит себя сам. И да благословит вас ваш господь за доброту вашу!

-Я согласился и вот теперь, извиняюсь, такое отношение ко мне...

-Что-что? – Чуть слышно, но назидательно произнес Алексей и улыбнулся. – Да вы не волнуйтесь так, господин мыслитель, наша тюрьма гостеприимством известна, почти как Зимний, вот только труба пониже да дым пожиже. А скоро вас в Кресты переведут, так вам там совсем уютно будет. Вы же знаете, что Кресты единственная тюрьма в империи, имеющая в каждой камере клозет со сливом и даже водяной кран для питья и умывания. Да и репутация безупречная. До горы Афон нынче вам все равно не добраться, так что отдыхайте пока в камере. Согласитесь, грех предаваться унынию, когда у вас есть и другие грехи. Грех ведь, как глоток воды во рту, а вот святость – сушит.

-Э-эх, вы... опричники! – С вековой печалью заявил Беневоленский-Маликов и, в сопровождении двух конвойных, вышел за дверь.

Луканов встал, расправил плечи, подошел к окну и тихо продекламировал:

«Часть силы той, что без числа,
Творит добро, всему желая зла»¹⁶.

-Что, Савелий Платонович. Вы что-то сказали? – Спросил Алексей.

-Да нет. Так. Бредовые теории космического льда... Это Мефистофель говорил Фаусту. Однако директор Лондонского монетного двора и великий физик Ньютон, к примеру, всю свою жизнь с великим вниманием изучал книгу пророка Даниила. Не понимаю...

-Спрашивать человека о смысле его веры также бесполезно, как толковать шум дождя. Впрочем, и сам дьявол прячется в деталях.

-А я вот хорошо понимаю церковь, которая так сильно ненавидит науку... – Твердо произнесла Кристина. Немного подумала и добавила: - А ведь действительно, Мефистофель в «Фаусте» говорит: «Я зло, которое творит добро»... Но отчего так? Надо обязательно перечитать Гете.

Пристав повернулся к Алексею:

-Вот так. Стало быть, Гностическая церковь Дщерей Христовых постулирует, что де душа пребывает не иначе как в мозгу. До чрезвычайности интересно. И панихида по усопшему Шаганову заказывали именно в этой церкви. Необходимо срочно найти место ее пребывания. Но! Удвоить осторожность и не рисковать без надобности. Чувствую, что люди там собрались безмерно гнусные, готовые на все. Кстати, что дало посещения твоего, Алексей, букиниста?

Зазвонил телефон, Савелий Платонович взял трубку.

-Луканов у аппарата!

Слушал он молча, лицо его выражало удивление и ужас и хмурилось все больше и больше.

¹⁶ «Фауст», И. В. Гете.

-Боже милостивый!.. Сжав трубку, Савелий Платонович машинально взглянул на часы и быстро, поверх трубки, сказал:

-В своем доме семнадцатого декабря была убита Анна Шаганов. - Лицо его стало холодным и непроницаемым, глаза сузились, он глубокомысленно потер подбородок. – Как все-таки легко вспыхивает в глубинах души человека свирепая и первобытная жестокость. Такая шикарная женщина... Но что самое поразительное, так это то, что ее уже похоронили. Вот так: накануне поздно вечером убили, труп обнаружили в семь утра, в десять состоялись похороны, а нам сообщают об этом только сегодня.

-Как!? – Одновременно вскричали Алексей и Кристина.

-Да так вот, дамы и господа...

-Ограбление? – Деловито осведомился Сугробин.

-А вот и нет. В доме много ценных вещей, но ничего не похищено. Это убийство смахивает на расправу или даже на... смертную казнь. За свою сыщицкую практику я вполне понял, что у «громких смертей» не бывает одной, конкретной причины. Домушники же обычно не убивают. В таких делах всегда все так намешано... Мда-а. Но, Алексей, что тебе удалось узнать у букиниста о сектантских ритуалах?

-Пока, увы, ничего определенного. Но литературы по религии много, так что шансы обнаружить что-то о культовом обряде опорожнения черепов умерших есть.

-Хорошо. Тогда ты отправляйся снова к букинисту, а я съезжу к Анне, вернее в усадьбу Шагановый. Может что-то удастся узнать.

-А я? – Обиделась Кристина. – Вы мне не желаете дать поручение, Савелий Платонович?

-Ну как же... Если нетрудно и вас это не покоробит... Съездите на Богословское кладбище, участок 12. Взгляните, что за могила у Анны, уж, случаем, не общая ли, и... Ладно. Пока все. Вечером жду вас у себя дома. Кстати, пока не забылось. Алексей, надо будет пассивных соучастников - Андреину и двух поденщиц выпустить. Только предупредить под роспись, чтоб из Петербурга на время следствия не выезжали.

Сугробин кивнул и взял трубку телефона...

-И вот еще, Алексей. – Луканов пристально взглянул в глаза Сугробина. – Ты сделал большую догадку, назвав диагноз Анны Шагановой. Помнишь?

-Э-э... Простите, упустил из памяти.

-Ты как-то пророчески обмолвился о синдроме Красной Шапочки. Трагическая смерть Анны Шагановой придала ее жизни стилистическую завершенность.

Глава 16

На углу Никольского и Большой Подъяческой, занимая весь первый этаж доходного дома, расположена неприметная на вид ресторация. Тайный советник Меркулов, со дня открытия своего заведения в 1897 году так и не удосужился снять старые вывески «Галантерейная торговля сестер Шеклет» с одной стороны и с другой - «Часовых дел мастер. Ремонт и сборка часов по вкусу клиента». Но и особой нужды в том не было - в Санкт-Петербурге ресторация Меркулова была хорошо известна всем: от самого распоследнего бродяги до министров и синодальных чиновников.

Назначая деловую или амурную встречу в ресторане, его так и называли между собой «заведение без вывески» или «заведение без огласки». Во всей ресторации не было даже ни одного зеркала, чтобы никто не смог за кем-нибудь тайно проследить, а стены были обиты толстым войлоком, заглушающего все звуки. Для большей же неприметности, воспрещалось ставить экипажи прямо напротив главного входа и это понятное всем правило неукоснительно соблюдалось.

Городовым и околоточным при форме и по службе, вход был заказан. Кто отдал такое предписание никто не знал, но соблюдалось оно чрезвычайно прилежно. Если охранка и присутствовала здесь, то об этом никто не знал, а те, кто начинал интересоваться этим вопросом, таинственным образом менял место жительства, переезжая из столицы в глухую деревеньку в Сибири, либо, не в меру любознательный господин, вообще исчезал.

Петербургские жиганы и прочие «фартовые» дельцы находили здесь радушие только в том случае, если были при немалых деньгах и имели солидные рекомендации. В основном же публика была чинная, чистая, благородная, что говорила вполголоса и преимущественно на французском, а в чужие дела не лезла.

Общего зала, обычного для заведений подобного рода, не было. Для гостей, которые заглянули перекусить на скорую руку, сразу за гардеробной, в квадратной комнате, круглосуточно стоит фуршетный стол, а в углу пятиведерный, всегда кипящий мельхиоровый самовар знаменитой

фирмы «Баташов и сыновья», возле него огромный медный поднос с рюмочками водки. Низкая лампа светит в таинственном фиолетовом кругу в центре помещения. Другая лампа с белым матовым стеклом на резной ореховой подставке освещала какую-то картину в коричневых тонах и в массивной позолоченной раме. Искусно препарированное чучело орла широко раскидывало крылья под мягким турецким диваном, стоящим у противоположной стены.

В углу фуршетной комнаты день и ночь пылал камин, выбрасывая на кованый лист дымные жаркие угольки. Окна задернуты плотными бордовыми шторами и стойкий запах устоявшегося табачного дыма и картошки, жареной со шкварками и луком.

От фуршетной, за массивной дверью мореного дуба, идет длинный, полутемный коридор, устланный красной дорожкой и драпированный тяжелыми порттьерами, за которыми притаились двери в кабинеты для людей-невидимок. Потолки в коридоре ниже, а свет тусклее. Упирался коридор в узкую дверь, что выходила в стиснутый соседними домами двор-колодец. Насквозь во все стороны проходной двор позволял посетителям, при желании, уйти глухими переулками в неизвестном направлении.

Гостей неизменно, со дня основания ресторации, встречал тихий, незаметный и бесшумный швейцар Александр Моисеевич. На нем всегда бархатная с серебряными позументами куртка, расстегнутая на верхнюю пуговицу, а вместо галстука бантик «заячьи ушки» фиолетового шелка. Глаза, притушенные тусклой поволокой, а волосы, седые, пышные, с голубоватым оттенком, напоминают сбитые сливки, что выбились из-под фуражки. Александр Моисеевич всегда и всем в любое время суток желал доброго утра и после делал паузу для ответного пожелания: по интонации и тембру голоса он безошибочно разгадывал людей и определял, кто что стоит. На улыбки и взгляды Александр Моисеевич не скупился, но отличался плохой памятью на лица и имена. Но в общем, он славный малый, никогда не теряющий хладнокровия и только к двум вещам испытывал жгучее отвращение: к своей службе и к полиции. К службе - потому что считал, что она, благодаря постоянным сквознякам, вредна его здоровью, а к полиции - потому что она не раз сажала его в тюрьму.

Охранное отделение и Сыскное управление прекрасно знало, что прежде Александр Моисеевич был просто Санька по кличке «Мокрый», промышлявший карманными кражами в Большом Гостином Дворе и Пассаже, но до странности безразлично относились к сему факту – мало ли у кого какие были грехи в молодости?

В пятницу, 20 декабря, ровно в час дня, выдыхая морозные клубы пара, в ресторан степенно вошел господин в пальто элегантного покроя с бобровым воротником и шелковым котелке. Александр Моисеевич обвел господина внимательным взглядом, слегка прищурился и сверил его вид с полученным описанием. Придя к выводу, что это именно тот господин, которого ждет дама в седьмом номере, он прикоснулся двумя пальцами к своей фуражке с галуном и голосом Марьи Искусницы, тихо, как было здесь принято, произнес:

-Доброе утро, вашество.

-Доброе...

-Сегодня довольно прохладно, вы не находите?

-Пока не искал, потому, верно, и не нашел.

Александр Моисеевич хладнокровно, как рыба в леднике пропустил сарказм мимо ушей, выставил нижнюю губу, сдунул невидимую пылинку с рукава бархатной куртки своей и спросил не любопытно:

-Что интересует барина? Или вам назначено?

-Нет. Мне не назначено, но я хотел бы отобедать в седьмом номере.

Александр Моисеевич сделал неодобрительное лицо и незаметно дернул шелковый шнурок, что висит за его спиной. Где-то мелодично прозвенел колокольчик и тут же из потайной двери появился мальчик с бледным, как мел лицом, взгляд запавших маленьких его глаз - волчий.

-Проводи, его благородие, в седьмой кабинет, – сухо бросил ему Александр Моисеевич.

-Можно-с! – Кивнул мальчик и быстро пошел вперед.

Главное место в кабинете, прямо против двери, занимает роскошный мраморный камин. Рядом с ним, почти вплотную, стоит величественный ампиный буфет, красного дерева. На стенах развешаны репродукции фламандских натюрмортов с изображением дичи. Тихо потрескивая, горят в серебряных подсвечниках свечи. Зимний день едва пробивается сквозь плотную порттьеру, и это делало кабинет похожий на склеп. Витает легкий запах перегретого яблочного повидла. За скромно накрытым овальным столом сидит дама в глухом черном платье, лицо ее скрыто густой вуалью.

-Итак, - произнесла дама вместо приветствия. - Клятву на Библии или Коране приносить не будем. Но прошу вас, рассказать мне всю правду.

-Какую именно правду вы желаете знать? – Господин неспешно снял пальто и положил его на спинку дивана. – Здравствуйтесь, князь...

-Никаких имен и титулов. - Резко перебила его дама. – Вы должны были принести мне рецепт тинной бумаги. Где же он?

Господин усмехнулся, поправил скромный шелковый галстук и сел за стол, прямо напротив дамы:

-Ох, и ерундовое место вы выбрали для randevu. Стекла, видать с год не мыты. А рецепт? И свет скрижалей вечной на той тинной бумаге... Гм... В чужие руки таких документов не дают. Никто не знает моего секрета, кроме вас. Вот, извольте получить *poste restante*¹⁷... м-м-м... патронесса. – Он вынул из внутреннего кармана пиджака лист бумаги и жестом, похожим на движение сеятеля, протянул его даме. – Но помните, сие есть тайна велика и не познана! Однако приятно, черт возьми, испытывать ощущение вечной тайны смерти...

-Перестаньте. Я не люблю лубок, а в эзотерические рамки и вовсе не вписываюсь, - дама досадливо махнула ручкой в перчатке черного атласа, - однако не спешу и укладываться в гроб. Верно я одной ногой уже в могиле, но еще вполне голубушка. Надеюсь мне не понадобится нечто экзотическое, вроде сушеных лапок дрозда или сердцевина бублика, который необходимо расплавить в тигле...

Пробежав взглядом бумагу, она пожала плечами:

-Что это? Вроде написано кириллицей, но смысл латиницей.

-Это Зосима.

-Кто таков? Простите мое невежество и я, не скажу что с удовольствием, но готова выслушать вас.

-Зосима один из основателей алхимии. Уроженец греческого города Панополиса и жившего в четвертом веке от рождения Христа.

-Ну... и... что? Вы хотите сказать, что любая философия заканчивается химией? Так я это и без вас знаю.

-В своих сочинениях Зосима ссылался на имя своего учителя Гермеса, впервые назвав его Гермесом Трисмегистом - трижды величайшим, повелителем душ и магом богоравным. За восемьсот лет до Зосимы, воины Александра Македонского нашли могилу Гермеса Трисмегиста, а в ней каменную плиту - «Изумрудную скрижаль Гермеса». На ней, помимо тринадцати наставлений потомкам и был запечатлен рецепт вечной молодости. В седьмой пункте он гласит: «Отдели же землю от огня, тонкое от грубого, с величайшей осторожностью, с трепетным тщанием...».

-Ну, хорошо. Отделили. Дальше-то что? – Нетерпеливо произнесла дама. – У меня мало времени, чтобы выслушивать античные мудрости. Нельзя ли покороче? Только не говорите мне, что у вас есть патент на этот рецепт.

-Никакого патента у меня, разумеется, нет. Но уже упомянутый мною совет должен помочь тем, кто был занят поисками «философского камня», превращающего одни вещества в другие, скажем железо в золото, а заодно и в средство вечной молодости. Восемь столетий никто так и не смог разгадать, что это ни что иное, как рецепт вечной молодости и, по существу, вечной жизни. Зосима его разгадал.

-У вас есть оригинал?

-Разумеется. Нуте-с! – Господин достал из внутреннего кармана свернутый в трубочку пергамент. - Вот извольте.

-Тут вообще черт ногу сломит. Как читать сие? Что за шрифт?

-Шрифт? Да заурядный шрифт. Именуется – «каролингский минускул». Самый обычный для средневековых минускульных шрифтов. Возник в девятом веке, при императоре Карле Великом, от которого и получил свое название...

-Хватит. Я устала от ваших лекций.

-Кстати сказать, Гермеса Трисмегиста отождествляют с древнеегипетским богом-чародеем Тотом. Как знать, может статься, что это одно и то же лицо.

-Ну и как? Удалось посредством этого примечательного рецепта, превратить презренное железо в благородное золото?

¹⁷ *Poste restante* - До востребования (франц.).

-Добычей золота из железа или свинца или даже ртути забавлялись только шарлатаны. Как ни странно, но и среди алхимиков были свои шарлатаны. Впрочем, и ныне среди ученых пруд пруди шарлатанов, для приличия прикрытых громкими титулами и обогативших науку своим присутствием в ней. В современной науке важен не сам процесс, но его результат. Однако нельзя же приступать к разгадыванию загадки уже зная верный ответ. Нет, сударыня. Смысл поисков серьезных алхимиков состоял в том, чтобы снова и снова повторять очистку субстанции и его возгонку, все более, и более постигая при этом, что именно здесь может родиться синтез психического и духовного. Причем без всякой религии. Потому-то этот синтез стал бы единым для всех людей, не зависимо от вероисповедания.

Вы, сударыня, сейчас держите в руке, рецепт изготовления тинной бумаги, которую изобрел Гермес Трисмегист. Эта бумага необходима для процедур омоложения. Ее нужно вымочить в настойке питуиты или, как его сейчас называют - гипофиза¹⁸. Впрочем, состав этой настойки вы уже знаете. Далее тинную бумагу, на манер горчичников, нужно прикладывать к лицу и телу. Вы понимаете, что в чужие руки такие раритеты не дают. И я весьма надеюсь, что больше никто этот рецепт не увидит.

-Безусловно. Я возьму этот рецепт, но вы можете на словах рассказать мне состав этой бумаги? Поделитесь мудрыми умозаключениями этого Зосимы. Я, знаете ли, люблю добираться до самой сути.

-Извольте... - Господин хмыкнул и многозначительно прокашлялся. – Итак, нужно взять четверть гарнца тины, подсушить ее, раскрошить и, смачивая чистой водой, разминать полчаса. Затем массу положить в сосуд с десятипроцентным раствором хлорной извести и поставить на огонь. Чуть только смесь закипит, прилить четверть чайной ложки двухпроцентного раствора серной кислоты, а затем тщательно промыть массу водой. Далее добавить несколько капель нашатырного спирта, положить массу в сито и опустить в таз с водой. Когда тина равномерно осядет на сито, осторожно вынуть его из воды. Подсушить. Положить в сито обычную бумагу и, слегка надавливая, отжать воду, а потом аккуратно выгрузить тину на этот же лист. Затем положить сверху еще один лист бумаги и прогладить горячим утюгом: у вас получится замечательная тинная бумага. Именно ее и необходимо применять в омолаживающих процедурах. Видите, как простенько? Вполне соблюден античный принцип простоты замысла и исполнения.

Дама внимательно выслушала, еще раз пробежала текст и кивнула.

-Хорошо. С этим более-менее понятно. Теперь же я желаю знать совсем малость, а именно – то, что вы принесли мне в склянке, откуда оно у вас. От кого и когда взято?

-Вы не шутите?

-Ни капли... Скажите, в вашем деле много обмана? Мелкие происки и увертливые искательства истощают дух. Поверьте. Я вам передала для товара чашу богемского стекла с крышкой. Вы же доставили его в каком-то горшке. Отчего так?

Господин взял фужер, дыхнул на стекло, протер салфеткой и поднес его к глазам. Смотря сверлящим взглядом на даму, он с усмешкой произнес:

-И что? Товар потерял заявленную ценность? Обвинять меня черт знает в чем, это и есть, по-вашему, светская беседа? Да и вам ли говорить об истощении духа? Но вы, кажется, в состоянии мировой скорби? Это пройдет, уверяю вас. Ну а ваша чаша... Я полагаю, что вы не думаете, что я ее присвоил? Нет? Вот и правильно. Ее разбили. Да и была эта ваша чаша весьма не удобная для нашей цели.

-Но... Как это не удобная? Вы понимаете что говорите? Таких чаш всего две. Работа старинная, таких ныне не делают. Что теперь прикажите делать с оставшейся?

-Ну, если вам доставляет неудобства и излишние воспоминания вторая чаша, то подарите ее кому-нибудь. Но разбили вашу чашу неумышленно, вот и пришлось воспользоваться случайной емкостью. Чистой, разумеется. Так что ничего дурного не случится.

Бесшумно появился официант в черной фрачной паре. В руках у него серебряное блюдо с аккуратно нарезанной осетриной. Слегка наклонившись и изящно взмахивая серебряной лопаточкой, он разложил ее на тарелки, добавил хрена и полил желто-зеленым соусом.

-Вот что, любезный, - процедил господин, обращаясь к официанту, - вы дайте мне цыпленка в сухарях с румяной корочкой под белым соусом с петрушкой, укропом или кинзой. Только поскорее, пожалуйста! А эту рыбину с желтизной уберите от меня подальше.

-Слушаюсь!

¹⁸ Питуита (устар. название) или гипофиз (соврем. название) – железа, расположенная в головном мозге.

-Мадам, но что же случилось? Отчего вдруг вы столь срочно вызвали меня? Я надеюсь, что у вас есть на это достаточно серьезные причины?

-Нет. Но высказать их необходимо.

-Прошу вас. Я внимательно слушаю.

-Нам необходимо продолжить наше сотрудничество. Возникли некоторые сложности... Вы понимаете, о чем я говорю?

-Пока нет. Но я готов вновь стать вашим паладином¹⁹. Только с чего конкретного мы начнем?

- В глазах господина вспыхнули яркие радостные огоньки. - Предлагаю прежде, просто для начала, назвать сумму.

-Какую сумму?

-Желательно побольше, сударыня, учитывая, что вы накинули на меня петлю ледяной секретности. Но, право, отчего такая секретность? Ваша вуаль столь густа, что мне даже не видна интересная бледность вашего лица. Я согласен быть при вас мальчиком на побегушках, но не даром и не при случайности.

-Секретность в нашем деле крайне необходима и вообще наши свидание нужно назначать тихо и таинственно. Лучше даже то тут, то там. - Медленно сказала дама, словно давая господину возможность осознать ее слова. - Полнейшая секретность и анонимность. Хотя бы из соображений полезности. Вы же не хотите выступать в суде в качестве обвиняемого?

-Что случилось? Или уже можно зубочистку против собственной головы ставить? Или товар случился не той, нужной вам кондиции? И вообще, о чем идет речь? Не знаю, как рассуждает полиция, но я ни в чем не виноват. И не беспокойтесь, я свято верю, что лучше семь раз покрыться потом, чем один раз инеем. Но уж коль дело дойдет до суда, то в судебном присутствии я буду куском льда.

-Ой ли, сударь? Или голова в кустах или зад в репьях? Да вы, верно, святой? Вы обладаете даром внушать самому себе веру в собственную непогрешимость? Впрочем, я не суд присяжных. Вижу, что вы джентльмен. Просто хронический джентльмен. Но дело не, как вы изволили высказаться, в товаре, но в последствиях получения его. Вы со своими сообщниками изрядно наследили. Дело принял к производству Луканов. Слышали о нем?

-Разумеется. На коротке не был, но по случаю имел честь лично с ним побеседовать.

-Ну и каков он, на ваш взгляд?

-Противник серьезный. Мне показалось, что он в уповании, что воздаяние все-таки настигнет каждого злоумышленника. Одного он не берет в толк, что ведь нельзя же всех преступников... Они же тоже люди. Но может быть, Луканов из-за совершенно отсутствия эмоциональности и обладает нещадным чувством порядка и справедливости?

-Вот именно. Но Луканов отнюдь не страдает бедным воображением. Я, верно, уже предприняла кое-какие действия, но их явно не достаточно. Необходимо ваше содействие, чтобы сыскные не раскрутили это дело.

-Содействие. - В тон даме произнес господин. - Мда... Не я хочу, а я не хочу. У многих есть великое прошлое, но у меня, благодаря вам, судя по всему будет величайшее будущее. В своем прошлом я с трудом, но ориентировался, а нынче... Одно меня греет, что не до конца жизни сей полет. Не каждый день в жизни праздник, и не каждый праздник бывает при жизни. Что ж, после всякого праздника всегда чего-то жалко. И каково будет... анонимное пожертвование за мое содействие? Я надеюсь не слишком секретное?

-Не секретное, но достаточное. Однако торг ныне проводить не будем. Я предлагаю ту же сумму, что вы уже получили. Вас устраивает?

-М-м-м... Отчасти. Велик же у вас, сударыня, арсенал обольщений. Но вы желаете купить меня, причем за мои же деньги. Спешу напомнить, что в прошлый раз вы дали мне пустышку-промокашку. Сударыня, вы меня за босявку держите?

-Вы меня в чем-то обвиняете? Разве я вас обманула? Чек, что я вам выписала, оказался фальшивым и вы не получили своих денег?

-Нет, чек был самый что ни на есть настоящий. Просто вы его выписали на сумму, которой нет в банке на вашем счете. Чек, разумеется, приняли к исполнению. Но пока его обработали, а это заняло несколько дней, пока передали мне отказ в выплате... Мне пришлось изрядно изловчиться, чтобы вернуть вам ваш же чек и получить от вас свои деньги...

-Ну так я же выплатила вам наличными. Чего же вы еще хотите?

¹⁹ Паладин - в средневековой Европе рыцарь, преданный своему государю или даме.

-Сударыня, я потерял суконно и бездарно почти неделю.

-Ну я просто-напросто превысила свои расходы... Я не ожидала, что на счете не хватит денег... Впрочем... Сударь, вы вольны отказаться. Если вы отказываетесь от моего предложения, то мы к этому разговору больше не будем возвращаться. Я все сделаю сама. На это, конечно, уйдет больше времени, но я все равно добьюсь своего. Что вы еще хотите?

-Ничего особенного. Я желаю в этот раз получить сразу наличными и больше, чем в прошлый раз.

-Вам мало денег? – Удивилась дама.

-Мало. Вполне достаточно денег только покойнику и окончательная сумма будет зависеть от масштабов моего содействия. В прошлый раз я, по-видимому, чуток в цифрах ошибся. Первоначальные расчеты оказались ложные. Посему требуется исправить досадную ошибку. Договорились?

-Договорились. Предварительно. То, что вы сказали весьма малоубедительно. Но обойдемся без склоки и спорить не будем. У нас мало времени, чтобы тратить его на пустословие.

-Но в споре рождается...

-Вы хотите сказать - истина? Пустое это. В споре рождается не истина, но озлобление. А этим приятным занятием мы займемся после того, как уладим наше дело.

-Я всецело с вами согласен. Посему предлагаю поступить просто и без споров – я напишу на этой салфетке сумму, а вы, не переча, ее выплачиваете или я беру тайм-аут.

-Отчего на салфетке писать изволите?

-Для секретности.

-Э, бросьте, мой дорогой. Но признаюсь, меня радует, что вы не теряете прекрасное расположение духа. Все же перейдем к делу.

Господин подвинулся к столу боком. Открыл бутылку и налил что-то в маленькую, изящную рюмочку. Густая, ярко-изумрудная жидкость заиграла в гранях рюмки.

-Это надо пить осторожно, - сказал дама, - это абсент.

-Да? Что ж, пусть будет полынная водка. Верно от нее верный путь в могилу, но, эта жизнь...

- Господин хмыкнул и махнул рукой, выпил, сморщился, наколол на десертную вилку оливку. Затем медленно обнял зеленый шарик губами, всосал и с натугой произнес:

-Что ж... перейдем к делу. Вы знаете с чего начинается дорога, ведущая человека в ад?

-Нет.

-С ритуала...

-Тьфу ты, господи! Терпеть не могу всякую сентиментальщину. В глубине души люди не способны верить ни в рай, ни в ад. Одни словеса. Что же вас, сударь, то таковских и семью пестами в ступе не уловишь.

-Ох, - притворно вздохнул господин, - верно никогда я не стану эстетом. По причине того, что я предпочитаю количество качеству. Придется гасить мечту. Впрочем, я не жертва ситуации - я стал жертвой задолго до «ситуации». А что делать? Уж коль влюблен в луну так и живи ее обманом.

-Да полно вам паясничать. Ну что вы дурака валяете? Солгите мне, что вы еще и в бога веруете.

-Да какая там вера. Нынче даже просфирки за день плесневеют, и кагор киснет, какие уж там святые, одна схизма. Да и сама святость. У мусульман, к примеру, имам непогрешим. Но значит ли это, что питье вина ему дозволено? Да что там имам, коль сам Христос, проповедуя простить врагов, но сам же Иуду не простил и даже проклял и обрек на вечные муки. Ну а пока ответов на эти казусы нет, мне и без бога уютно. Я ведь меритократ²⁰, сударыня. Возможно даже, что я бесхитростный гений, правда, в свернутом виде и пачкающийся во всем.

-Кокетничайте, сударь, сколь вам угодно, но не очень уж виляйте бедрами.

-Обижаете... Кто из нас мудрый волшебник?

-Вы, разумеется. Из разряда балаганно-уличных. И давайте перейдем к делу. Позвольте ознакомить вас с фактами... Да перестаньте вы жевать, наконец! Вы что? Голодны?

-Нет, почему же... Но я действительно голоден...

Сильный северный ветер завывал, будто живое существо; казалось, сам воздух страдал от холода. Тонкий как пудра, твердый и острый, словно наждачная крошка, мерзлый снег со свистом хлестал стены домов, закручивался вихрями в арках, клубился поземкой вдоль тротуаров. Сумрак сгустился, наполнив улицы таинственными тенями.

²⁰ Меритократ - человек выдвинувшийся из низов благодаря своим способностям.

Глава 17

Луканов собрался постучать, но в это мгновение щелкнул механический замок, дверь дома Шагановых широко распахнулась, и он оказался лицом к лицу с Карпушкой.

-Добрый день! - изобразив на лице любезную улыбку, сказал пристав.

-А что? - не приняв любезного тона, агрессивно спросила старуха. - Вы кто таков?

-Я сыскной пристав. Вы разве не помните? Я был у вас во вторник, семнадцатого числа. Давайте войдем, - предложил Савелий Платонович. - Мне необходимо задать вам несколько вопросов и осмотреть место убийства Анны.

Если бы Луканов не знал точно, что Карпушка осведомлена об убийстве Анны, то он непременно сделал бы вывод, что эта старуха действительно не догадывается, что нужно от нее неожиданному посетителю. На лице ее нет даже следа тревоги.

-Ну, как? Можно войти? - повторил пристав.

-Тс-с! Не знаю, как и доложить-то. - Прощедла Карпушка и неохотно отступила в сторону.

Луканов перешагнул порог. Горит камин, на диване сидит тщедушный человечек с маленькой головой и сморщенным, как у мумии, лицом. Живыми казались только пронзительные черные глаза. Увидев пристава, лицо его вмиг посерело, он дернулся, будто его ужалили, вскочил и поспешно проскользнул в боковую дверь.

-Допустим, что сестру Анну даже и убили. Разве это повод для того, чтобы кого-то обвинять? - Проворчала старуха, поднимаясь по лестнице.

-А разве я кого-то обвиняю?.. - Начал было Луканов стараясь сообщить своему голосу по возможности ободряющий тон, но его прервал громкий голос толстяка маленького роста с усами и жабьей кожей на лбу и щеках, что широко, по-хозяйски расставив ноги, стоял наверху лестницы. Одет он в темно-синюю пиджачную пару английского сукна. За ним начинался тускло освещенный короткий коридор, упертый в дверь:

-Да как это можно!? Натоптали снегом. Вон какая лужа от вас. А визит ваш крайне неуместен. Савелий Платонович поднял голову и после первого изумления тихо сказал:

-У меня есть веская причина...

-Никакая причина не может служить оправданием. - Твердо произнес толстяк и сыто усмехнулся. - В доме траур! Не успели только похоронить хозяйку, как полиция тут как тут! Вы, сударь, поступаете вопреки всем принятым традициям...

Брови Луканова удивленно поднялись, но глаза его остались внимательно-спокойными.

-Как? - спросил он толстяка. - Не может быть, что траур! Но кто вы? Ревнитель традиций?

-Как это - кто я? Я - Тюрин. И я, вернее, мы наследники и продолжатели дела Шагановых. Мы призваны исполнять долг высшей душе, и выполнить долг вселенский. А вот вы, сударь, кто такой.

-Я сыскной пристав Луканов Савелий Платонович. А вы, стало быть, сектант? И что за конфессия? Позвольте полюбопытствовать.

-Ничего не знаю, и знать не желаю! - Пропустив вопрос, заявил Тюрин. Держался он так, словно вокруг никого не было. - Мне кажется, что это налет. Да. Именно налет полиции. Сударь, я требую, чтобы вы немедленно покинули этот дом. Какое бесстыдство! Приходить в дом, в котором святой траур. Я буду жаловаться на вас! Карпушка, - обратился он к старухе, - немедленно проводите этого сыскаго, заprite за ним дверь и впредь никого не пускайте без моего разрешения. Никаких не званных визитеров!

Совиное личико Карпушки испуганно вздрогнуло:

-Извините, Арнольд Владимирович...

-Так значит ваше имя - Арнольд Владимирович? Отлично! - Луканов хмыкнул и внимательно осмотрел господина. - Ну, а фамилия ваша как звучит? Тюрин?

-Как надо, так и звучит, - сердито отрезал Арнольд Владимирович, вытер губы батистовым платком, аккуратно засунул его в нагрудный карман и скрылся за дверью.

-Пойдемте, сударь. Так будет нам всем удобнее. Эта усадьба частное владение. - Карпушка поежилась, будто от холода и разинула рот от удивления собственной смелости, но щека ее предательски дернулась от тика. Казалось тело ее распалось пополам: верхняя часть выдалась вперед и застыла в почтительной неподвижности, нижняя - отпятилась назад и судорожно завияла.

-Ну, так и что, что частное? Хозяйка этой усадьбы умерла не от старости или сердечного приступа. Не стоит делать тайну из ничего. Или вы и Арнольд Владимирович желаете, чтобы я прибыл сюда с толпой полицейских? - Последние слова Луканов громко произнес в дверь, за которой скрылся Арнольд Владимирович. - Смотрите, не переборщите!

Дверь неожиданно распахнулась:

-С толпой?.. Башибузуки! - Арнольд Владимирович презрительно посмотрел на Луканова, но взгляд его слегка смягчился и приобрел некоторую глубину осмысленности. – Да мне плевать... Да хоть с толпой жандармов.

-Это вам сейчас так кажется. – Обрезал пристав. – Но после вам станет скучно и уныло.

-Это вам... Это вы здесь один, а не я. Эй! Арефий и Исейка! Подь сюда!

В прихожую вышли два крепких парня с землистого цвета лицами. Один из них держит в руке скомканный мешок, другой веревку. У обоих надменный взгляд, что, мгновенно отразив сложную смесь чувств, сложился в услужливую, отчасти слащавую улыбку половых захудалого трактира. Оба они смотрят верх на лестницу, буравя взглядом пристава.

«Оп-ля! Силы неравные. Уверен, в недалеком будущем мне придется ловить их. Этих парней ничто не сдержит - ни воображение, ни страх перед последствиями. А жаль! Легче разыскивать осторожных и рассудительных преступников. Черт! Надо было прихватить с собой филеров. Впрочем, кто же знал, что меня здесь так поганенько встретят?» – подумал Луканов и спросил:

-Вы мне что – угрожаете?

-Много чести. И вообще, что вам надо?

-Осмотреть комнату, где была убита Анна. Это первое...

-Понятное желание. – Перебив Луканова, усмехнулся толстяк. - Для вашего возраста интересоваться покойниками дело самое естественное.

-Потом допросить привратницу, - невозмутимо продолжил Луканов, - ну и может быть кого-нибудь арестовать.

-Арестовать... - поперхнулся Арнольд Владимирович. – Кишка у вас, сударь, тонка. Вот что я вам скажу. И вообще, отправляйтесь-ка туда, откуда прибыли. Вам здесь никто ничего не скажет. Комнату, в которой была убита Анна, уже осматривала полиция. Она же всех кого надо и допросила. Все по закону. Я уж язык обмозолил отвечая на гнусные сыскные вопросы.

-Ну если по закону, то все очень просто. Я задаю вопросы, вы отвечаете. Вы можете отказаться отвечать, можете вызвать своего адвоката, можете выставить меня из дома. Но все это я зафиксирую в протоколе.

У Карпушки неожиданно задрожали губы, и она прикрыла рот ладонью. Мельком взглянув на нее, Арнольд Владимирович сухо спросил:

-Что вы хотите знать?

-Для начала вашу фамилию и постоянное место жительства. Весьма надеюсь взглянуть на ваш паспорт и на завещание.

-Да... - Арнольд Владимирович возмущенно поперхнулся. – Да вы себе представляете, с кем вы говорите?!

-Пока смутно. Но мое первоначальное мнение таково – вы просто напыщенный индюк, что мнит себя могущественным и неприкасаемым. Но это иллюзия. Уверяю вас. Итак. Я повторяю свой первый вопрос – ваша фамилия?

-Тюрин.

-Ну... Дальше!

-Что дальше?

-Вы кем приходились Шагановым? Родственником? Тогда потрудитесь сообщите степень родства.

-Все мы братья.

-Вот как? Странно! Судя по вашим предыдущим словам, так все мы простачи враги друг другу.

-Вы большего не заслуживаете. – Презрительно бросил Тюрин.

-Так значит, вы меня знаете?

-Нет. И знать не желаю.

-Тогда откуда у вас такое мнение, что большего я не заслуживаю? Впрочем. Это уже неинтересно. Свое мнение обо мне вы вполне можете оставить при себе.

-Да я...

-Тихо, тихо, - Луканов остановил жестом Тюрин. – Сие потом, а сейчас ответьте, что вы здесь делаете?

-Я наследник всего движимого и недвижимого имущества семьи Шагановых.

-Вот как? Наследник? Гм... но от осины, как известно, не родятся апельсины. И что, уже вступили в права наследования? Вот так быстро? Можно даже сказать – мгновенно. Третьего дня

хозяйку убили, вчера похоронили и вы уже тут как тут. Приняли наследство в полном объеме. Это по какому закону? Кстати, я уже предлагал вам предъявить заверенное у нотариуса завещание. Где же оно?

-Не ваше дело.

-Да нет, сударь, именно мое. Биографии да родословные дело темное. Уверю вас, нет ни одного точного жизнеописания. Потому то и верится больше составленному по всем правилам завещанию, нежели пустым словам. Но, я уверен, что нам следует сменить обстановку. Как? Не желаете посетить Сыскное управление?

-Вот еще, - буркнул Тюрин. – Что мне там делать?

-Давать честные показания. В общем, ничего сложного. Сиди себе смирно и искренне отвечай на вопросы.

Брови Арнольда Владимировича удивленно поползли вверх, взгляд его стал будто стеклянным:

-Какое это имеет...

-Мы уже договорились, - покачал головой Луканов, - что я задаю вопросы, а вы отвечаете. С вами так хлопотно, но я прекрасно понимаю, что вы, господин Тюрин, в глубоком трауре. Верно, быть одному вам сегодня не стоит. Не имеет смысла, и оставаться в этом доме - у вас все будет валиться из рук. Значит, нужно отвлечься. Заодно и уточнить ваше право на пребывание в этой усадьбе.

Громадный кадык на горле Тюрин заходил ходуном. Он надул щеки, хлопком выпустил воздух.

-В общем так, Арнольд Владимирович. Что нам тут на лестнице беседовать? В понедельник двадцать третьего декабря я жду вас в Сыском управлении в половине двенадцатого. Ваше неявка будет сочтена как злостное уклонение от дачи показаний, что повлечет репрессивное воздействие. Знаете, как оно иной раз бывает после репрессий? Много любви, а в аптеку сходить некому. А теперь прощайте и убедительно прошу не впадайте от досады в нирвану. Всего хорошего! Да! Во избежание недоразумений, захватите с собой завещание и этих двух симпатичных молодых людей. Вот так, как они сейчас и стоят – с мешком да с веревкой.

-Я никогда ничего не боюсь. – Буркнул Тюрин, но в его голосе слышалось недоумение.

-А я и не сомневаюсь в этом.

-Как вы смеете? - зарычал Тюрин. – Вы, вульгарный сыскай! Что вы о себе возомнили? Думаете, вам удастся меня задержать?

-Я? Думаю? Что вы! Я о вас пока даже и не задумывался. Но вот если возникнет надобность, то поместить вас в четыре стены с маленьким оконцем под потолком смогу очень даже просто. Да вы в понедельник сами в этом убедитесь.

Первой мыслью Луканова, когда он приехал в Сыскное управление, была послать в усадьбу Шагановых наряд полиции и арестовать всех, кто там находился. Он даже взял трубку телефонного аппарата, чтобы отдать необходимое распоряжение. Но положил ее на место, решив подождать до понедельника. Все же у людей траур, взвинченные нервы. Возможно отсюда и хамство. И он ограничился запросом в картотеку. Ответ принесли неожиданно быстро. В архиве департамента полиции отыскалось довольно объемистое досье на Тюрину Варвару Андреевну, которая дважды привлекалась к дознанию и сыску за мошенничество, но до суда оба дела так и не дошли.

В досье значилось: «Тюрин Арнольд Владимирович, 1859 года рождения, православный, мещанин Псковской губернии, муж известной гадательницы Тюриной Варвары Андреевны, 1861 года рождения, крестьянки той же губернии. Проживают в гражданском браке²¹ (зарегистрированном, но не освященный церковью) по адресу: Санкт-Петербург, дом надворного советника Сольнеса по Казанской улице».

Собственно Арнольд Владимирович попал в картотеку департамента полиции именно благодаря своей законной супруге – полиция в обязательном порядке заводила специальные учетные карточки на лиц заметных и тех, кто имеет хоть малейшее отношение к великосветскому кругу. Варвара Андреевна значилась знаменитой спириткой, гадательницей и толковательницей пентаграмм.

«Что ж... Где катакомбная Гностическая церковь Дщерей Христовых, там и гадатели. Только вот как наследники семьи Шагановых, гадатели явно не подходят. Значит, их связывала катакомбная

²¹ Гражданский брак – регистрация в канцелярии градоначальника назван так в отличие от церковного брака – венчания в церкви или сожительства – брак без регистрации или венчания.

да притом еще и гностическая церковь». Савелий Платонович чуть заметно улыбнулся, аккуратно положил карточку в верхний ящик письменного стола и уехал домой.

Глава 18

Дверь в гостиную скрипнула как раз тогда, когда Луканов начал слегка задремывать. Звонка и щелчка замка входной двери, он не слышал, что было очень странным: дверной звонок Савелий Платонович находил чересчур звонким.

В гостиной царит полумрак, шторы на окнах спущены, в углу горит лишь напольная лампа под матовым стеклом.

-Добрый вечер, Савелий Платонович. А что, Алексея еще нет? - Вошла Кристина, слегка румяная с мороза.

Пристав, чуть запрокинув голову, кивнул:

-Как видите. Верно, закопался в книжках у своего букиниста. Да вы не волнуйтесь. Скоро будет.

Кристина украдкой взглянула на Луканова и подошла к телефону:

-Вы позволите?

-Разумеется.

Сняв трубку, Кристина назвала номер. Соединили почти сразу.

-Алле! Здравствуйте! Будьте добры, пригласите, пожалуйста, господина Сугробина. Да. Ну что случилось, Алексей? Уже две четверти восьмого. Я у Савелия Платоновича. Мы уже волнуемся даже... Ладно-ладно, не ершись, а в латынях и я наслышана... - Она сделала паузу в несколько секунд. - Ну хорошо. Приходи скорее, мы ждем тебя. Что? - Кристина зарделась. - И я тебя...

Сразу вслед за Алексеем пришел взвинченный прокурор Зенон. Еще в вестиб-люе он сделал резкое замечание Митьке заявив - «Нет, милейший... Какой еще, к черту, чай? Черного кофе... и лимон!», чем весьма удивил Луканова.

-Надо же. Наш, Андрей Устинович, верно, пришел с чем-то экстраординарным. Впрочем, Митька в последнее время совсем разболтался и прокурорское внушение ему не помешает.

-Вы слышали новость? - Едва войдя в гостиную, заявил Зенон, оправляя свой мундир с золотым шитьем действительного статского советника.

-Это смотря какую... - Савелий Платонович жестом пригласил прокурора садиться. - Вы, Андрей Устинович, сегодня при полном параде.

-Наш знакомец Шнейфер-Экзекутор влип в большую неприятность. - Пропустив фразу о мундире мимо ушей, сказал прокурор. - И ныне пребывает с лицом недельного удушенника. Он написал интервью, которое он якобы брал у великого князя Константина Михайловича. Интервью, в общем-то, верноподданническое и если бы великий князь его в самом деле давал бы, то, думается, текст немногим бы отличался от Шнеферского. Но вот в заключительной фразе своего опуса, во фразе, которою якобы произнес великий князь: «Я твердо уверен в необходимость веровать», Экзекутора черт попутал и фраза поучилась простачи скандальная, а именно: «Я твердо уверен в необходимость воровать». Наборщик, учитывая склочное имя автора статьи, так и набрал текст, не задумываясь и не вникая в смысл.

-А сноску наборщик не поставил? Вроде такой: «Опечатка допущена с ведома и согласия автора статьи». - Хмыкнув, Алексей пересел в кресло подле лампы и, чтобы занять себя, открыл книгу «Родная речь» - пособие для учеников классической гимназии. В середине книги выдрано несколько страниц и русская народная сказка «Маша и медведь» забавно перетекала в сказку Шарля Перро «Красная Шапочка». Он купил эту книжку у букиниста специально, чтобы позабавить Кристину.

-Жаль нашего Пучегона. - Произнес Луканов. - Этаким конфуз ему даром не пройдет. Великий князь сам склочник еще тот. Нужно как-то помочь Экзекутору выпутаться из этой истории.

-Полно вам, Савелий Платонович, - отложив книгу, возмутился Сугробин, - вспомните только, сколько он на вас грязи вылил... И в деле Радецкого, и в деле розыска списка барона де Рэ? Отчего проявлять ему милость?

-Да не ради его. А ради нас, Алексей. Ради людей.

-Это как же понять, Савелий Платонович? - Спросила Кристина.

-Как притчу. Знаете, однажды к царю Соломону явился смрадный оборванец и потребовал денег и крова лишь за то, что он, якобы, философ. Соломон дал ему и денег и кров. Когда же придворные стали укорять царя в попустительстве наглому бродяге, царь ответил им, что дал ему то,

что он требовал не ради самого бродяги, а ради всех нас, что бы мы оставались людьми. А без Экзекуторов жизнь была бы скучноватой.

-И еще... - Зенон раскурил сигару. - Экзекутор, выходя после тяжелого разговора из дворца князя, поскользнулся на ступеньках крыльца и сломал левую ногу.

-Действительно, не повезло... Чем же он теперь будет писать? - посочувствовал Алексей. - Как ныне быть без творца волшебного-богатырских фантазий на тему уголовной и прочей истории? А ведь господин Шнейфер мастер начинать почти каждую свою хронику с ужаса всемирного потопа. И как теперь мы узнаем, к примеру, местоположение Атлантиды с точностью до лаптя или отчего вымерли троглодиты?

-В самом деле. - Виолончельным голосом вставила Кристина. - Царственный Экзекутор поразительно верен своему девизу «Апокалипсис нау энд форэва» или, говоря по-нашему, - кердык всему и всем. Он непобедим, потому что его, по всей видимости, уже победили. Его псевдоним, вероятно, теперь следует писать с маленькой буквы.

Алексей кивнул:

-Но, помимо прочего, опасность псевдонимов хоть с большой хоть с маленькой буквы в том, что они заменяют личность автора фантомом. Видимо неспроста они так редко похожи на настоящие фамилии.

-Ну да ладно! - Хлопнул в ладоши Луканов. - Хватит вам. А то ишь, разошлись мыслители! Бог с ним, с Пучегоном. Время уже восемь и Андрей Устинович видимо, пришел не за тем, чтобы посетовать об Экзекуторе?

-Разумеется. Но прежде мне хотелось бы узнать, что удалось обнаружить господину Сугробину в лавке букиниста.

-Да. И я надеюсь, что Алексей не увлекся и искал кощунственные обряды только в христианских сектах. - Луканов посмотрел на Сугробина. - О всяких там буддистах-индуистах речи пока нет.

-Безусловно, только христианские. Переворочил все, начиная от провозглашения богом Иисуса Христа на первом Вселенском соборе в Никее в 325 году императором Константином.

-Не слишком ли глубоко? - Спросила Кристина, усаживаясь поудобнее.

-В самый раз. Кстати я узнал много нового о самом христианстве и очень любопытное о службах церковных от послушников до понтификов.

-Алексей, - укоризненно произнесла Кристина, - в слове «послушник» ударение падает на первый слог.

-Да я знаю, но так привычнее...

-Да ладно вам... ударения. Глупистика какая-то. Поделитесь лучше сектантскими познаниями. Что, скажем, в понимании Дщерей Христовых означает «гностическая»? - Осведомился Зенон. От его нетерпеливого движения затрещало кресло.

-Гностики находят Демиурга, творца всего мира, весьма злокозненным существом. Христианским же гностикам, в частности святому Валентину, важнее всего в боге то, что в земном своем воплощении Христос «ел, не отдавая». Сей казус они и облагородили греческим словом «гнозис», что означает «познание».

-Перестань, Алексей. - Возмутилась Кристина. - Твоя эрудиция восхитительна, но у нас же не лекция по физиологии.

Алексей хитро улыбнулся:

-Ты права. Скорее лекция по криптозоологии. До Владимира Красное Солнышко Русь насчитывала без малого пять тысяч лет культуры и письменной истории. Попы сожгли все рукописи и уничтожили все памятники, объявив, что до принятия христианства никакой Руси вовсе не было. Вот за эту ложь попы и держаться как за якорь, а иначе им нельзя. Иначе эти профессиональные сказители попросту обычные уголовники, что украли историю целого народа. Вот так и появилось племя сиволапых Иванов, родства не помнящих.

Ныне существует секта «паниашковцев», считающие, что максимально интенсивное испускание кишечных газов и является истинным изгнанием Сатаны. Как известно, Манихейская и Альбигойская церкви, почитали дьявола как своего благодетеля. Святой Доминик, основатель инквизиции, «искоренял» их с неслыханной жестокостью. Эта дикость докатилась даже до девятнадцатого века - двадцатого августа 1877 года в Мексике сожжены пять ведьм. Через два года уже у нас в России сожгли известную ведьму Аграфену. Но об этом в другой раз.

Потроша историю и современность христианства, я пришел к твердому убеждению, что концы дела о похищении мозга надо искать не в христианстве, а именно в восточных верованиях.

Даже несмотря на то, что сведения о самом христианстве фрагментарны и крайне запутанны. Тут уместны любимые поговорки хлыстовцев о Библии: «Ты эту книгу сложи, да под себя положи» и «Кто Библию прочтет, тот с ума сойдет».

-Вот как? – Поморщился Луканов. – Нам бы, Цицерон ты наш желанный, поконкретнее да более вразумительное.

-Поконкретнее... - Проворчал Алексей. – В лавке букиниста у меня словно бы даже мозги задымались. При пережевывании книг гимнософистов, теософов, омфалоскептиков пот выделяется даже у мумии. А тут еще спириты выстукивают свои послания из потустороннего мира. Прямо странно, как еще все эти Блаватские, Олкотты, Анкетили дю Перроны²² и прочие не были в кандалах да на каторге. Им бы сразу лечь на дно, да и замереть там, а не ходить с гордым, всезнающим видом и вещать лживые истины. Столько мерзости... Впрочем, Елена Блаватская за свою ложь дважды была привлечена к суду и оба процесса блестяще доказали ее патологическую лживость. Кстати сказать, сам Олкотт, будучи прилежным учеником мадам Блаватской отзывался о ней весьма своеобразно, - Алексей достал свою записную книжку и прочел, - «Она была обаятельнейшей, умнейшей и гениальнейшей шарлатанкой».

Отсутствие логического мышления у учителей эзотеризма можно продемонстрировать на примере высказывания все той же Ган-Блаватской: «Но теософия, как вы говорите, не является религией?.. Конечно нет, ибо она суть всех религий и абсолютной истины». Масло-не-масленное... Это все равно, что сказать: Адам был прародителем человечества, но сам человеком не был.

-Да и бог с ней! С этой мифоманкой. Кому Блаватская интересна? Не проще ли прочитать романы Эдварда Литтона, откуда Блаватская черпала свои «прозрения»? Романы этого англичанина значительно интереснее косноязычных пересказываний мадам Блаватской. Единственное чем может гордиться Теософское Общество так это тем, что одно время его возглавлял генерал Эбнер Даблдэй, что нашу лапту переделал в американский бейсбол.

Русский народ как был атеистом, так и остался им. И никакой теософией его не испугаешь и не соблазнишь. Разве что она дотлевет последними угольками в головах провинциальных прозелитов. Так что мы возмущенно ногами топать не будем. Земля круглая не только в физическом смысле. – Махнул рукой Луканов. – А Москва, как известно, Третий Рим...

-Вот-вот. Эту фразочку, дабы польстить Ивану Грозному, выдумал митрополит Московский Зосим Брадатый. Сей поп, чтобы сохранить свой пост и свое богатство предал всех своих друзей. Но это ему не помогло. Царь Иван Четвертый, как известно не любил предателей; ни своих, ни чужих, и сослал ушлого митрополита в монастырь, что весьма способствовало прозрению попики. В монастыре Зосим написал, - Алексей снова открыл свою записную книжку и с чувством прочел, - «А что то царство небесное, а что то второе пришествие, а что то воскресение мертвых, ничего того нет».

-Ну а что там с кощунственными культовыми обрядами? – Осведомился Луканов. – В твоей записной книжке что-нибудь, помимо цитат прохиндеев, есть?

-Христианская церковь вполне допускает хоронить тело расчлененным. К примеру, король Франческо Второй. Тело его выпотрошили, набальзамировали. Сердце и внутренности похоронили в родовом замке Сан-Пийнод. Остальное, с большими почестями, в княжеском склепе монастыря святого Иоанна, что в Штампе. Все действо совершалось под благословением папы Римского.

-И что, сам понтифик присутствовал при этом языческом обряде? – Удивилась Кристина.

-В Европе отцы церкви присутствовать при расчленении тела и захоронении фрагментов оного избегают. Кодекс Феодосия запрещает вскрывать тела умерших под страхом суровых наказаний. Кстати, этот же Кодекс предусматривает строжайшие наказания за один лишь запах ладана. Впрочем, если верить Ватиканской «Католической Энциклопедии», то «Папа может изменить божественные законы, так как он наделен не человеческой, а божественной силой». Это самозванство и высокомерное приравнивание себя богу, возводит понтификов в сан закоренелых еретиков.

Но и православие недалеко ушло. Например, в Пятикнижии пророка Моисея вторая заповедь гласит о запрещении поклоняться изображениям, то есть иконам. Православные попы тщательно замалчивается этот факт потому как продажа икон приносит более прибыли, нежели соблюдение каких-то там законов божьих. Но, тем не менее, сей конфуз ставит православие вне христианства. Как и не давнее отлучение от церкви Льва Толстого с подачи некоего Иоанна Кронштадтского.

-Но ведь православие служит объединению русского народа. За это можно многое простить ему. – Сказал прокурор.

²² Именно «дю», а не «де» как это «исправлено» в «Империи в ладони» (прим для редактора, корректора).

-Позвольте не согласиться с вами, ваше превосходительство. Православие не объединяет русский народ, но разъединяет. Причем весьма агрессивно разъединяет и разобщает.

-Как это? Принято считать...

-Да полно вам, Андрей Устинович. – Махнул рукой Алексей. - От православия откололось более чем тысяча сект, как и само православие откололась от Римской, то есть католической церкви, в одиннадцатом веке. Большинство сект непримиримы меж собой, враждуют до кровопролитий и погромов. Но кто, как не русский народ, состоит в этих сектах? Кто как не русский народ числится в секте под именем «православие»? Какое тут к черту объединение! Да и не выбирали русичи православие. Русь крестилась в десятом веке, а тогда православие и католичество были единой церковью, в которую входили и баптисты и все прочие адвентисты, это она после раскололась, деля меж сребролюбивыми владыками верховенство.

-Мда... - буркнул Зенон. - Странные идеи, как известно, рожают и странный мир. Впрочем, чего ждать от попов. Ведь они вовсе не святые подвижники, но чиновники, состоящие на жаловании от церкви, да и то зеваючи.

-Вот-вот. Именно поэтому в России патриархи сами участвуют в кошунственных ритуалах. Примеров множество. Но тщета православия в качестве религии достаточно выявлена еще в Византии, когда православие бесславно пало под робким напором ислама и, более того, оно само дало исламу миллионы сторонников...

-Ну да, да... - Нетерпеливо перебил Алексея Луканов. - Это еще Чаадаев писал, что православие как царь-пушки и царь-колокола, из коих, первая никогда не стреляла, а второй никогда не звонил.

-Разумеется. Но, господа! Если церковь производит расчленение трупа для последующего захоронения его фрагментов в разных местах, она делает это открыто и с соблюдением пышного ритуала. Так что, если угодно, мой вывод - катакомбная Гностическая церковь Дщерей Христовых организована на основе теософии. Если точнее, то на смеси христианства с восточными религиями.

-Но как же наименование «Дщерей Христовых»? – Удивился Савелий Платонович.

-Это обычная подмена понятий. Сектанты всегда камуфлируют свои «прозрения» под давно известное учение. Быстренько сварганить нечто целостное или синтезированное, расчлененное или аналитическое и в названии невзначай упомянуть христианство. За примером далеко ходить не надо. Взять хотя бы «Общество Сторожевой Башни» или как они теперь себя именуют «Общество Свидетелей Иеговых». Сверху будто христианство, а поскребешь ноготком, выступит язычество в самом гнуснейшем его виде. Или, скажем, «Церковь Иисуса Христа святых последних дней», они же мормоны Иосифа Смита со своим многоженством и заключением браков с умершими. Кстати, сам Смит имел семьдесят две жены, а его «Книгу Мормона» Марк Твен назвал «хлороформом на бумаге». Видимо за то, что мормоны понимают Библию буквально. Примеров множество. Но меня заинтересовала секта рата-йога, основанная Шри Матаж Нурмо.

-А это что еще такое? – Спросил Луканов.

-Секта на основе йоги.

-Но поточнее. Всяких йог множество.

-Верно. Всего известно их около ста видов - бхакти-йога, хатха-йога, сахаджа-йога и так далее. Одни из них плавно перетекают из одной в другую, как, например, карма-йога, бхакти-йога, джняна-йога, сахаджа-йога или «Всемирная Чистая Религия» и раджа-йога. К примеру, раджа-йога, некоего Патанджали, в свою очередь имеет восемь ступеней. Но все учения йоги эклектичны, крайне скучны и формализованы, никуда не ведущие кроме как отказу от своей жизни и пустой созерцательности. Основная цель йоги - соединение души отдельного человека «дживатма» с неким верховным вселенским духом – «параиатмой».

-Но ведь йога это всего лишь некие физические упражнения. Ну, там... дыхательные или пробуждение пресловутого кундалини, например. – Пожал плечами Зенон.

-Отнюдь не только упражнения и пробуждения. Обязательным условием восточных «учений» и что их всех и объединяет, это медитация. Буквенный символ следует произносить длительно и сжав губы. Человек нарушает нормальный ритм своего дыхания, мозг начинает испытывать кислородное голодание и давать сбой, эту патологию гуристые наставники и преподносят как нечто божественное и просветляющее. Но это всего лишь физиология. Точнее – патофизиология.

Ну а йога, причем абсолютно любая ее разновидность, это примитивная, первобытная религия, где место бога занимает очередной основатель очередной школы. Но избавитель, как известно, не нуждается в реальном существовании. В частности, в Европе название бхакти-йога трактуется как «йога любви к людям». На самом же деле «бхакти» - это «йога любви к богу». Но не к

богу милосердному, а жестокому и мстительному идолу. Или вот раджа-йога. Это, по сути своей, поклонение другому йогическому идолу Патанджали. Но все секты йоги, также как брахманизм, индуизм, и буддизм объединяет одно – все они проповедуют реинкарнацию, что уже само по себе абсолютно антигуманно.

-Вот как, - удивилась Кристина, - но разве внушить убогому, что в следующей жизни он станет богатым и здоровым, антигуманно? Пусть даже это и ложь, но эта ложь во спасение. Не зря же императрица Елизавета Петровна признала буддизм традиционной религией Российской империи.

-Не зря. Но для бурят. Однако ж, увы. Реинкарнация по своей сути отрицает сострадание и милосердие. Если уверовать в индуизм, брахманизм или буддизм то всякий, кто поможет нищему, больному, увечному, бездомному или умирающему от голода человеку, действуют против закона кармы. Люди, по уверению лам и махатм, страдают, чтобы погасить свои кармические долги, а если вы им поможете, то им придется вновь вернуться и страдать еще больше, чтобы избыть и этот долг. «Любовь», в понятиях восточных людей, категория демоническая. Буддист или индуист по сути своей Антихрист, ибо Христос, как известно, учил «Бог есмь Любовь!».

-Но ведь, к примеру, ламы проповедуют добро и ненасильственность. Хотя, - поморщилась Кристина, - я в это не верю.

-И правильно делаешь. Во многих тибетских монастырях есть красочные фрески, изображающие сцены пыток, которые ожидают сомневающихся в истинности ламаистской веры: им выпускают внутренности, сдирают кожу и выковыривают глаза. Да что там говорить, если супруга как бы добрейшего бога Шивы, а значит и сама богиня Кали изображается пляшущей на мертвец с ожерельем из черепов. В одной руке у нее меч - в другой отрубленная человеческая голова. Правда некоторые адепты утверждают, что Кали олицетворяет своим танцем смерть собственного «я» – важнейший шаг на пути к просветлению. Но сия отговорка нелепа по сути: а причем здесь ужасное ожерелье, меч и отрубленная голова?

Никакое восточное учение, имеющие тысячелетнюю историю, так и не дало ни куска хлеба голодному, ни крышу над головой бездомному. Более того – оно даже и не пыталось это сделать! Людоедская идеология не породила ни одного великого подвижника или гуманиста. Сипаи, к примеру, бросают своих раненых товарищей на поле боя без всякой помощи и сострадания. В общем, как учит Бхагават Гита, «Идя по пути йоги, делай свое дело, отрешившись от привязанности, и сохраняя хладнокровное спокойствие и в успехе, и при неудаче».

-Но люди ищут смысл жизни. – Встала Кристина. – Трудно ставить это желание им в вину.

-Разумеется. Но смысл жизни это подведение итогов всей жизни. Говорить о смысле жизни, можно только когда жизнь прожита уже вся, без остатка. Зыбкость и неустойчивость судеб человеческих таковы, что порой довольно ничтожного толчка, и все враз меняется. Потому и бессмысленны поиски этого «смысла».

-А что это за рата-йога? – Спросил Луканов. – Чем именно она тебя заинтересовала?

-Рата-йога основана Шри Матаж Нурмо, если верить преданиям, две тысячи лет назад. В принципе ничего нового и каких-либо отличий от других систем йоги нет - в маскарадной лавке всегда можно взять напрокат любую нужную форму. Рата-йога также, как и некоторые виды йоги, допускает ритуальное людоедство и, в частности, поедание головного мозга у поверженного врага, то есть у живого человека. В некоторых других йогах этот обычай смягчен, и правоверные едоки ограничиваются мозгом живых обезьян. Учитывая вегетарианство йогов, эти факты особенно пикантны.

Кристина отвернулась и издала непередаваемый звук, как будто ее тошнило. Сразу же стремительно вошел Митька, неся стакан воды, в которой позвякивает лед.

-Гм... Говорят, йоги могут двигать горы, хотя, пожалуй, затруднительно найти тому доказательства. - Луканов взглянул на прокурора. – Все настолько чудовищно... Поедать мозг живого человека. Жуть! Думаю, что вывод Алексея несколько натянутый и поспешный.

-Но пока другого-то нет, Савелий Платонович. – Зенон кивнул Сугробину. – Продолжайте, прошу вас.

-Так вот, в общем-то, пока все. Однако я не думаю, что мозг господина Шаганов похищен, чтобы захоронить его отдельно или... съесть.

-Вот именно, Алексей. – Пристав ткну окуроч сигары в пепельницу. – Жена Шаганова тоже состояла в церкви Дщерей Христовых. Названьице сей церкви абсурдное, учитывая, что материнство и христианство - вещи взаимоисключающие. Но это так, к слову. Так что же мешало им вынуть мозг Шаганова в спокойной обстановке, без взлома и ночного проникновения в морг? В крайнем случае,

заплатили бы доктору, он и изъял бы мозг, тихо и мирно. Тут явно нечто такое... Да и убийство Анны... Я так в совершенном недоумении. Кстати, а что с могилой вдовы?

-Обычная могила. – Сказала Кристина, поставив стакан на стол. – Холмик... Обелиска пока нет. Стоит скромный деревянный крестик, а на нем венок из хвойных веток без ленты.

-Андрей Устинович, нам необходимо разрешение на эксгумацию трупа. Весьма странное в своей поспешности захоронение.

-Я ожидал от тебя этой просьбы. Собственно именно поэтому я и заехал к тебе, Савелий Платонович. – Краска бросилась в лицо Зенону. – Дело в том, что я сегодня был в Царском селе... Там весьма озабочены делом Шаганова. Требуют, как всегда, быстрее его раскрытия. Но смерть Анны настолько потрясла августейшую семью, что они тут же постарались забыть о ней. Говоря коротко, никто не позволит провести эксгумацию ее трупа. Более того, никого не интересует розыск убийцы Анны. Нет ее, значит никогда и не было. Кстати, я именно сейчас из Александрийского дворца, потому и в мундире. Просто-таки частокол удивительных и туманных для меня обстоятельств.

-Это как? – Удивилась Кристина. – Почему не интересует розыск убийцы? Что, пусть дальше гуляет себе и убивает? Так что ли?

-Не совсем так, но... это так, уважаемая графиня. Искать убийцу Анны Шагановой, по мнению Царского села, озвученному мне лично министром императорского двора Фредериксом нет никакой надобности.

-Странно... Крайне странно. Что ж, выходит, Анна просто как бы, прости господи, вымерла за ненадобностью? Но как... – Начал было Луканов, но осекся и пробормотал про себя. – Ситуация явно перегрелась и даже уже задымилась.

-Савелий Платонович, а что твоя поездка в усадьбу Шагановых? Что-нибудь нашел? – Спросил Алексей.

-Нет. Меня просто выставили вон.

-Как!? – вскричали все в один голос.

-Да вот так... – и Луканов подробно рассказал о своем визите в усадьбу Шагановых.

-Какое... Да это же просто-напросто хамство, – возмутилась Кристина. – Да кто он такой, этот Тюрин? Муж гадательницы!?

-И в самом деле, Савелий Платонович! – Зенон достал свою записную книжку. – Это дело, особенно тех двух ухарей с мешком и веревкой просто так оставлять не в коем разе нельзя. Как вы говорите? Арефий и Исейка?

-А как выглядит Тюрин? – Спросил Алексей.

-Да как... Плечи у него широкие, красивый до чего! Ну, прямо в точности Александр Македонский или какой-никакой, но Юлий Цезарь. Да бросьте суетиться! Тоже мне... – Луканов усмехнулся. – Наше дело преступников изобличать. Андрей Устинович, значит ли мнение Царскосельского дворца, что и охранка, в частности господин Силин тоже не будет заниматься сыском убийцы Анна Шагановой?

-Ох, Савелий Платонович! Вы ставите меня в неловкое положение, не могу же я оглашать действия охранки. Но вам по секрету скажу: у господина Силина ныне много дел. Все охранное отделение занято розыском и изъятием всего тиража книги «Полное собрание речей императора Николая Второго за 1894-1900 годы»²³.

-Вот как? Вы нас удивляете. – Улыбнулась Кристина. – Неужто речи самого государя императора способны пошатнуть устои монархии?

-Как ни странно вы, графиня, правы. Собранные вместе, речи и резолюции императора производят столь невыгодное, даже дискредитирующее впечатление, что книгу приходится срочно изымать из обращения...

Повисла тишина, тяжелая как годовой отчет Городской Думы.

Истратив несколько спичек Савелий Платонович прикурил, обвел присутствующих взглядом и несколько отстранено проговорил:

-Стало быть, нам колонной по четыре в ряд необходимо искать следы рата-йоги или нечто подобного. Что ж... Завтра с утра и приступим. В конечно счете, все дороги рано или поздно приводят к цели. Главное не утонуть в сектах и не очуметь от их истин, что светятся у них как... как обезьяньи зады.

²³ Книга «Полное собрание речей императора Николая Второго за 1894-1900 годы» - изъята «охранкой» по приказу Сипягина. Собранные вместе речи императора обнаруживали всю его вздорность и беспринципность.

Глава 19

Жизнь, если к ней хорошо присмотреться, сплошная цепь случайных совпадений. Чаще всего их просто не замечают, порой не придают им должного значения, но иногда эти совпадения способны круто изменить всю жизнь. Но любому человеку, в конечном счете, самое интересное - это он сам...

Выпроводив Луканова, Тюрин сделал строгое внушение Карпушке, наказал Арефию и Исейке присмотреть за домом и отбыл в особняк великого князя Константина Михайловича, что на Комендантом поле, возле усадьбы коменданта Петропавловской крепости. Совместные дела по скупке и продаже земли и доверительные отношения, что сложились между мещанином Тюриным и великим князем вполне допускали неурочные визиты без предварительной договоренности.

Константин Михайлович худощавый, невысокий еще достаточно молодой человек. Вьющиеся темные волосы четко разделены пробором и распадаются на две стороны округлого, загорелого лица с пухлыми щеками, небольшим носом и голубыми глазами. Губы князя, когда не заняты сигарой, чуть приоткрыты, что придает его лицу некую простодушность. Великий князь принял гостя по-домашнему, в малой гостиной. Широко улыбаясь, он громко сказал:

-Добрый день, Арнольд Владимирович. Проходите. Располагайтесь.

-Благодарю вас, ваша светлость. – Сделал полупоклон Тюрин. - Извините за столь взбалмошный визит, но дело, которое меня сегодня привело к вам, весьма важное.

-Вот как? Присаживайтесь и успокойтесь.

Ливрейный лакей принес мельхиоровый поднос с кофе, ликером и мороженым с абрикосовым вареньем. Тюрин угрюмо принялся разминать ложкой мороженное, туповато смотря, как оно окрашивается в тягучий желтоватый цвет.

Константин Михайлович пригубил ликера:

-Нуте-с. Что же у вас, милейший Арнольд Владимирович, случилось?

-Ваша светлость, сегодня, буквально вот только что я встретился с Лукановым. Но... - зачастил Тюрин, предвосхищая вопрос Константина Михайловича, - встреча произошла в доме Шагановых и совершенно случайно.

-И что? Кстати, как прошли похороны Анны? Без эксцессов? Обворожительная женщина, но, к сожалению, она не была обременена эротическим беспокойством, свойственным женщинам в любом возрасте. Впрочем, привлекательные девицы отвлекают... - без всякого выражения, вскользь, заметил князь.

-Все чисто. Да и черт с ней. С этой Анной. Какие пустяки, право. Я уже принял на себя все обязательство Шаганова. Но вот визит сыскного... Пусть я буду вечно глуп в ваших глазах, но он меня настораживает. По какому это такому случаю?

-Пустое, сударь. – Князь снисходительно улыбнулся. - Я же вам уже говорил, что никакого сыска по факту убийства Анны не будет. Я специально ездил в Царскосельский дворец, чтобы соответствующим образом настроить Ники. Император с пониманием отнесся к моей пустяковой просьбе.

-А нельзя ли указать Луканову, чтобы он убрался куда подальше? У меня, знаете ли, нервы последнее время хуже мочалок. Я печенками чувствую, что визит сыскного неспроста, и он строит нам каверзы. Как додумаешь до конца, так и видится, что все полетит к черту!

-Да пусть его! Что конфузится то? Негласные критики нас не должны интересовать. Однако, видимо верно говорят, что невозможно хорошо пахнуть, живя на кухне. Много думаете. Этак, сударь, можно опаматоваться в больнице для умалишенных, что вблизи Земледельческого училища. У вас прогрессирующая галлюцинация, что развивается от зрительной к слуховой. Но уверяю вас, причин к тревожностям нет никаких. Верно, пристав явился только чтобы осмотреть место убийства Анны. Так и дали бы ему эту возможность. Пусть себе любит. Что вы, право, туману напустили? Да и что еще делать сыскному у вас? Ясно же сказано - не расследовать это дело и все! Точка. Так угодно государю императору! Луканова об этом просто еще не информировали соответствующим образом. А вы себя уже довели почти до нервного срыва. На вас лица нет. Вот, выпейте-ка лучше ликеру. Он восхитителен.

-Благодарю... Но сыскной требует оформленное по всем правилам завещание. Он ставит условием, чтобы я явился в понедельник в Сыскное управление для дачи каких-то показаний, имея при себе завещание.

-Завещание? Есть только одно завещание. – Князь встал, подошел к бюро, переставил безделушку и из потайного ящичка достал лист бумаги. – Вот извольте. Могу прочесть... «Это мое духовное и мирское завещание. Возможно, что вскорости я поставлю последнюю точку в моей печальной судьбе и меня больше не станет. Эти строки я пишу в здравом рассудке, и, клянусь всем

сердцем своим, что события, которые я вознамерилась пересказать и свидетельницей которых невольно стала, происходили именно нижеизложенным образом...». - Константин Михайлович многозначительно взглянул на Тюрина, укоризненно покачал головой. - Сей документ несет в заголовке ваше имя. Читать дальше?

-Нет... - Тюрин облизал враз пересохшие губы и пробормотал. - Сука! Шилохвостка! Форменной динамисткой была эта Анна!

-Разве? - Деланно удивился великий князь. - И действительно подписан сей документ Анной Шагановой. Вероятно вы знаете, что написано далее?

-Вполне... знаю. Но каким образом это завещание попало к вам?

-Да вместе с завтраком. Мой лакей, как-то вкатил столик в мою спальню, а на нем оно как раз и лежало. И откуда оно там взялось? Ума не приложу. - Глаза Константина Михайловича недобро сузились. - Может вы находите, что это завещание банальная мистификация?

-Как можно! Ваша светлость! Да разве я посмею...

-Так что же нам делать с этим? А? - Князь прикончил сигару нежной затяжкой и бросил окурок в пепельницу. - Вот что, сударь, встряхнитесь и займитесь делами, то бишь продажей и оформлением купчий на землю под аэродром. Ради вашего спокойствия мы сделаем так... - Константин Михайлович поднес спичку к бумаге и бросил вспыхнувший лист в камин. - Вы видите? Нет никакой бумаги, и никогда не было. Теперь, надеюсь, вы довольны?

-Разумеется, ваша светлость. - Тюрин облегченно вздохнул. - Как гора с плеч. - Потемневший от пота воротник сорочки врезался в его жирный затылок, и складка жира нависала над жесткой кромкой.

-Вот и отлично! Мы сохраняем прежние позиции. Пусть даже отчасти угрюмо и сердито, как люди, долго ждущие поезда. Но если не идет поезд, надо заставить двигаться рельсы... за счет хитроумного оперирования своими финансами. Как выпренно любят выражаться вашу гурзу - довольно освещать свечами воспоминаний сей эпизод. Кстати, а что с телом Шаганова? Когда оно, наконец, будет предано земле?

-Тело пока находится в морге. Хоронить его полиция запрещает.

-Вот как? Впрочем, библия утверждает, что каждый сам хоронит своих мертвецов... - Константин Михайлович пристально посмотрел на Тюрина, после взял со стола тяжелый хрустальный фужер, высоко поднял его и вдруг выпустил из рук. Фужер упал на пол и с грохотом разлетелся на множество осколков.

Сердце Арнольда Владимировича екнуло, он пронзительно, по-пороссячи взвизгнул и вскочил:

-Бог мой! Что это?!

-Да вот фужер случайно уронил. Да-а... Нервы у вас, сударь, ни к черту.

Тюрин медленно осел в кресло, достал платок и вытер лоб:

-Ох, и напугали вы меня, ваша светлость. Ну и что, что нервы? Зато я вам предан всей душой.

-Мне того нельзя сказать утвердительно. Да и не верю я людям «преданным». «Преданность» одного корня со словом «предательство». Это же не случайно.

-Про себя скажу, что я если только прикажете, я ваш слуга до последнего дыхания...

-Слуг у меня, любезный, и без вас достаточно.

-Заслужу, постараюсь!.. - Начал было Тюрин, но великий князь остановил.

-Человек поступает благородно только когда нет иного выхода. Вот у вас есть запасной выход?

-Никак нет!

-Вот видите. Ваша лошадь, господин Тюрин в этот раз пришла третьей, но не стоит огорчаться - впереди еще не один заезд.

-Но без вас, ваша светлость, мне полный копец!

Константин Михайлович кивнул:

-Допустим не только полный, но и окончательный. Но оставим это. Феодор Киренский и живший до него Диагор Мелийский, кому древность дала прозвище атеиста за то, что они окончательно упразднили страх и благоговение перед богами, а это именно тот страх, которым и управляется человечество. Так вот, они оба, также как и ваша церковь, требовали захоронения тела в течение суток после наступления смерти.

-М-м-м... Вполне возможно. - Тюрин слегка кивнул, пытаясь унять биение сердца. - Но я ничего не знаю о названных вами лицах.

-Лицах!?! - Рассмеялся князь и хмыкнул. – Я упустил из памяти, что ваш бог, что стоит при Вратах Тени, труслив и по-азиатски рептилен. Но не ожидал, что у вас, сударь, есть такое тонкое чувство юмора. Намедни некий писака Экзекутор тоже пошутил в своей статье с упоминанием моего имени. Так теперь ногу лечит. М-м... Вроде левую. Этакая костоломная наука вежливости. Вот так-то, служитель чистоты и порядка.

Тюрин вздрогнул:

-Да как же это можно!..

-Очень даже можно. Но не волнуйтесь, сей анекдотичный писец городских новостей поправится и без минерашек. Может еще и пригодиться. Как знать! Иногда и лягушка квакает толково и даже этак литературно. Особенно в патетических местах. Глядишь, она и нужный прожект о рачении или преумножении, когда потребуется, этак живенько и наквакает, да и толкнет в печать. А-а впрочем, это ваше дело. Однако смерть, вернее похищение мозга Шаганова наделало столько шума в Петербурге и в Царскосельском дворце, что я пока бессилен как-то посодействовать вам. Ваша церковь, как я понял, требует немедленного захоронения. Верно?

-Да, ваша светлость. Именно немедленного. - Тюрин машинально стал чертить ложкой по скатерти. Девять пересекающихся треугольников, пять указывают вниз, четыре вверх. Внутри - четыре концентрических круга, в свою очередь содержащие квадрат с четырьмя замкнутыми устьями. Идеограмма. Мандала. Лабиринт.

-Что вы там рисуете? Лабиринт? И кто же в нем Пасифая, что спасла несчастного быкоголового страшиллу Минотавра от гнева Миноса?

-Ох, поскорее бы вы, ваша светлость, свой аэродром построили. – Не ответив, пробубнил Тюрин.

-Не мой, сударь, но Воздухоплавательного Общества, каковое я имею честь возглавлять и проектировать. Двадцать лет назад Можайский предрек будущее аппаратам тяжелее воздуха. Я ему верю. Это будет действительно так. – Константин Михайлович встал, сдвинул стекло книжного шкафа, снял с полки томик «Полет птиц как основа авиации» Отто Лилиентала и нежно его погладил.

-Верно стоит предупредить Луканова. Этак мягко и ненавязчиво...

Князь пожал плечами:

-Вы все о нем? Да о чем, собственно, предупреждать сыскного пристава?

-Да чтоб не принохивался! Шельмец... Чтоб не приходил более.

-Чтоб не пришел, не увидел, не победил, чтоб даже и не думал... Чтоб ни-че-го. - Задумчиво произнес Константин Михайлович и несколько растерянно улыбнулся. – Вы, сударь, много фантазируете. Витаете вместе с дирижаблями в облаках. Смотрите, неровен час заработаете умственное отравление. Тогда пляшущие, плавающие и плачущие человечки будут вас преследовать всегда и везде.

В гостиную проник свежий воздух, а с ним и легкое шуршание платья. Князь слегка повернулся к двери. Вслушался. Потеплел лицом и снисходительно, не смотря на Тюрина, произнес:

-Увы, мон шер, вынужден прервать наш содержательный разговор. Да нынче и нездоровится мне что-то... Adieu.

Тюрин грустно усмехнулся, выбрался из кресла и слегка поклонился:

-Разрешите откланяться.

Глава 20

Два крепких парня спустились по щербатым каменным ступенькам в полуподвал пивной «Старушка», что на углу Садовой и Гороховой. У обоих пальто вольно распахнуты, щегольски поскрипывают по-модному собранные в гармошку хромовые сапоги.

Зал пивнушки, несмотря на сорокадневный Рождественский пост, словно распух от скопища людей - шум, крики, пьяная брань, кто-то играет на гармошке «Отвори-Затвори», в углу, возле буфетной стойки, тренькают на балалайке. Воздух до того спертый от густого табачного дыма, сивушного перегара и запаха подгнивших овощей, что першит в горле.

Под низким потолком на витых шнурах висят светильники, вроде стеклянных колб. Свет от них ядовито-желтый, яркий, режет глаза. Проворные половые в долгополый белых и на удивление чистых передниках с заткнутыми за пояс бумажниками толстой кожи, снуют по залу, ловко маневрируя между столами, звякая посудой, разнося чайники, графинчики, лихо откупоривая бутылки с водкой и пивом.

-Чтоб мне провалиться! Ну и дух в этой рыгаловке. Не продохнуть. Слышь-ка, Исейка, местов-то для нас в этом угловом низке хватит? Кругом ватажники, куда там.

-А отчего не хватит-то? Народ, верно, здесь озорной, но и мы не дюже смирные.

-Оно ясно - у нас не шути. У нас так заведено. Но тесноту я дюже не люблю. А что, Ефим Данилыч про этот кабак-то говорил-то?

-Ты что, Арефий? Совсем сбрендил? – Сказал, как выдохнул Исейка. - Ты же с ним сговаривался. Да и сам мне говорил, что в «Старушке». Что, дескать, это отличное название для бардака сто первого разряда.

-Точно... Запоматывал я. Пошли... что ль. О! Смотри-ка, - Арефий кивнул на громадные ветвистые олени рога, висающие возле входа, - видать, тинтиль-винтиль, могучее было животное.

Заняв стол в глубине зала рядом с колонной, сняли шапки и осмотрелись.

-Сидим мы с тобой, Исейка, будто на свадьбе, а человеки бегают вокруг нас, словно мы господа!

-Нонче что мужик, что барин - все единственно. Эй, малый! Прислуга!

-Эй ты, чуйка! Подь сюда!

К столику подбежал половой и почтительно изогнулся. Левый глаз его сощурен, а лицо слащаво-угодливое:

-Чего прикажите-с? Есть...

-Да мы насчет водки... уяснил?

Половой нежно склонил голову, выгнулся до невозможности и интимно шепнул:

-Так-то-с!.. С красной головкой прикажете-с?

-Ну да. Тово, тинтиль-винтиль. В общем, сам знаешь.

-Да с превеликим удовольствием-с. Любую на ваше усмотрение-с. У нас есть даже «Маотая».

-Чего? Какая еще, тинтиль-винтиль, мотая?

-Китайская водка-с.

-Ты давай не дуркуй! Нашей давай, а твою мататютю пушай китайцы сами пьют. Понял?

-Слушаюсь! Оно будет даже и получше. А на закусочку что пожелаете-с? Есть свежайшая копченая салака. Осетрина парная. Селедочка провесная²⁴. Или, может быть, сыру со слезой? Голландского или... Может, огурчиков там малосольных или капустки квашенной с брусничкой...

-Ты вот что... На закуску тащи-ка пива, хряпку, колбасы да хлеба, что насмерть запеченный. И, черт ее дери, давай и спичечницу... Поглянцевитей чтобы была... С радужной картинкой. Первый сорт!.. Эх, тинтиль-винтиль, - Арефий махнул рукой, - разорюсь на гривенный!

-Слушаюсь. Для вас все сделаю из наивысших соображений. У нас заведение первостатейное. Есть особы дамского пола на французский манер. Не желаете ли? Очень выразительные. На всех шелковые чулки и напомажены серполетовой помадой. Персонал особенного подбора... Все по самому уважаемому тарифу.

-Ни-ни... Им пять, а они титьками тебе двадцать пять наваландают! По делу мы. Может, разе, что позже.

-Как изволите. - Половой кивнул, резво развернулся и кинулся выполнять заказ.

-Во! Ишь, ишь, гляди-ка. - Арефий кивнул в зал.

По залу, подобно обрюзгшей личинке в центре муравейника, бродит побирушка и допивает из оставленных кружек пиво. Худой, сутулый, в зимней шапке, но босиком. Ходит он осторожно, точно боится наступить на стекло. В сухоньком кулаке держит ложку, строго и важно оглядывается. Его отгоняют. Осыпают ругательствами. Почти всякий считал своим долгом ткнуть его хотя бы пальцем. Но он упрямо странствовал по всему залу не обращая никакого внимания на ругань и тычки. Наконец, его угостили водкой, и он свалился прямо посреди зала и уснул.

-Адье, мусье. Налимонился в стельку. Захотел от собаки хмельной кулебяки, - ухмыльнулся Исейка.

К столику пугливо подкралась личность неясного пола и возраста. От нее сильно разит пивным перегаром и кислым запахом швабры. Пригнув голову и заслонив ладонью от света слезящиеся глаза, личность сипло произнесла:

-Господа, продается попугай гнедой масти. Беседует по-русски и по-французски и даже хохочет...

-Отвали. – Бросил Арефий.

-Недорого, господа!

²⁴ Сельдь провесная – вначале засолка обычным «мокрым» способом, а после подвяливание (прим для редактора)

-У-у-у, еловая голова! Сказано, отвали. Повторять не буду. Или тебе, свиная отрыжка, по морде приспичило отведать? Так сей момент в глазе затмение устрою.

Буркнув - Это даже с вашей стороны зловредно! Да я на вас, копейчных, сморкаю и мокаю - личность исчезла.

-Тоже мне... Краля сиволапная, что из обезьян проистекла.

Подбежал половой. В руках огромный поднос с бутылками и закуской.

-Вот, господа. Все в самом лутчем виде, как приказывали-с.

-Да? - Исейка пригнулся и полюбовался этикеткой пивной бутылки - на ней изображены два подпоясанных венками бородатых мужика с большими пивными кружками в руках. - Гляди-ка, какие самобухи нарисованы... Э-э-эх!.. А водка где?

-Вот. Извольте. - Половой протер вафельной салфеткой штоф и ловким ударом ладонью по донышку выбил пробку. - В какие рюмочки велите налить? В большие или в маленькие?

-А вот сюда и давай. Сыпь. - Арефий величественным жестом человека, который твердо знает, что ему следует делать, подставил пивные кружки.

Разлив водку половой умчался.

Друзья долили водку пивом, выпили, дружно крякнули и принялись за закуску.

-Слышь... А чего Ефим Данилыч-то хотел? Чего приглашал-то? - Спросил Исейка, выкурив подряд две махорочных папиросы.

-Да не знаю я. Какой уж раз спрашиваешь. Придет так сам и скажет. Может, дело какое есть.

-Оно-то да. Только вот умствую я, что с ним водиться все равно, что нам без порток в крапиву садиться.

-Да хоть в репей! Тебе не все ли равно, куда садиться-то? В прошлый-то раз, как пито было! Как тогда было пито, я тебя спрашиваю? И-эх!

-Оно, конечно...

-Ефим Данилыч культурные. Вот ведь пил вровень с нами, а даже не покраснел, не взопрел и не горланил вроде тебя...

-Ага. И руками не махал как ты. - Набычился Исейка и сделал вид, что приподымается. - Ты, сиволап, гляди... Живо шлык-то сшибу.

-Ну-ну... Чего створожился-то? Это дело такое. Знамое. Зато барышни какие были... - От избытка чувств Арефий широко развел руками.

-Чего изволите? - Вырос у столика половой.

-Чего тебе? - Буркнул Исейка.

-Мне почудилось, что вы меня кличете...

Арефий грузно повернулся и опрокинул рукавом пустую рюмку:

-Ф-фють отседа, чуйка! Не видишь что ль, господа гулять изволят и разговоры беседовать.

Исейка с минуту смотрел на опрокинутую рюмку, затем в глаза Арефию, будто стараясь разгадать что-то. Арефий перехватил его взгляд:

-Ну а ты чего, тинтиль-винтиль, zenки-то раззявил? Чего задарма чесать языками? Чать, не в усадьбе у притолоки стоять да на Карпушку любоваться. Придет Ефим Данилыч, все и пояснит. Он деловой, зазря не кликнет. Вон, выпей-ка лучше кваску клюквенного. Говорят, что он хорошо от ожирения мозгов содействует. Да хотя у тебя и так мысли легче пуха.

-Да я и прежде-то квас не пивал, а нынче и подавно не пью. - Пропустив обидную фразу про свои мысли мимо ушей, проканючил Исейка и облизал губы. - Какой ноне квас? Или опять, возьми вот, скажем, соленья. Тьфу! Срамота одна! Нынче и секрет-то засольный утерян. Все какое-то неясное...

-Ешь-ка, ешь! Тоже мне мусье из опчества. Пища ему, видите ли, не пригожа. Оно, конечно, лучше в атласах да в бархатах проживать. Да быть облитым вежеталем с головы до ног, да всякими деликатесами питаться. Да тебе все едино хоть хряпка, хоть корка - все в дело идет. Умный дюже ты стал, мясо прям с костями глотаешь. Смотри, как быть башка вконец не искривилась.

-Чего умный-то? Ефим Данилыч выкинет пятак серебра, и ломайся и кланяйся ему на полный целковый!..

-Опять занюнил... - возмутится Арефий. - Охолони! Ну тя к лешему!.. Туловом вроде вырос, но когда ж ты умишком возрастишься то до мужика? Глуп, как резиновая калоша. Сущее ни тпру, ни ну. Да и чего звонить-то лаптем в рогожный колокол-то?

-Да чего занюнил-то? Запужал вовсе. Ты то вот востер покомандовать. С деньгами Данилыч обращается сурово, дорожит копейками, вроде как рублями, мучит их без праздников.

- Полно вздоры городить. Данилыч большой миллионер. Ты смотри, у него знаешь как? Уши то у него торчком, глаза угли раскаленные - так и сверлят, так и буравят, насквозь все видят. - Арефий скрипнул зубами и зло выругался.

- Добрый день, господа.

Арефий вздрогнул и поперхнулся. Исейка пронес щепоть квашеной капусты мимо широко открытого рта. У столика - невесть откуда - остановился вальяжный господин в пальто элегантного покроя с седым бобровым воротником, в лаковых ботинках и шелковом котелке:

- Ну что с вами, други мои? Не признали?

- Ефим Данилыч! Да как же не признать-то вас! - Вскочив и пододвигая стул, угодливо зачастил Арефий. - Присаживайтесь. Будьте так любезны-с.

- Присесть? - Ефим Данилыч стянул меховые перчатки и небрежно сунул их в карман пальто. - А с удовольствием и присяду к вам. Это ни для кого не вредно, а даже полезно и помогает обороту жизни. - Чеканно, как-то по-книжному сказал Ефим Данилыч, странно усмехнулся и сел за стол. - А то я что-то продрог... А здесь тепло и разговор у вас занятный.

- Да мы тут в ажидации водочкой балуемся. - Сказал Исейка, рассеянно почесывая пятерней голову. - Наверде как для облегчения жизненного течения...

- А под нее-то какой там разговор? Вот вам-то, поди, напиток поблагороднее нужен. Шампанское или виски какое, к примеру. - Слащаво подхватил Арефий и обречено вздохнул.

- Конечно. Эй! Человек! - Ефим Данилыч окрикнул пробежавшего мимо полового.

- Чего прика...

- Бифштекс из вырезки, но зажаренный не в духовке, а на сковороде, так, как это и положено. Да залей его белым соусом, что погуще. Понял?

- Да, ваше степенство, но тогда бифштекс придется обождать. А чем запивать изволите?

- Кофе, любезный. Черный и что б без фортелей в нем вроде цикория. И один кусочек сахару.

Глаза полового округлились, лицо исказилось, углы губ поползли вниз и с каким-то сладостным чувством он произнес:

- Никак нет! Кофею не держим-с.

- А что так? - Улыбнулся Ефим Данилыч, как улыбается человек, видя полную несостоятельность собеседника.

Половой пожал плечами:

- Не могу знать! Виноват-с! Но не подумайте, что самовольно-с.

Ефим Данилыч заговорщицки подмигнул и помассировал висок тонкими белым пальцем:

- Просто поразительно! Потрясающее по невинности заведение в котором нет даже кофе! У вас, значит, кухня стоит на самом низшем уровне? Ну а чай?

- Чай? Сию минуту-с. Велите заварить погуще?

- Да, купеческого. Запашистого. Ступай, братец. - Улыбка Ефима Данилыча на круглом, холеном лице сияла лучезарнейшая и все понимающая, а его карие глаза затянула поволока. Несмотря на молодость и даже неопределенность возраста на шее у него явственна заметна паутинка морщин, а на руках прожилки синих вен.

- Отчего чаю-то? - Кисло сморщился Исейка. - Вон коньяк Шустовский есть. Дорогой, правда, очень. Или какое другое утешительное питье. Опять же, конфеты там мармеладные...

- Разговор у нас длинный будет. - Ефим Данилыч расстегнул пальто и распустил шарф. - И трудный. Его сивухой не облегчишь, а запутать можно. Итак. Расскажите подробно, что делал сыскной в усадьбе Шагановых.

- Да так приезжал. По службе. - Исейка недоуменно взглянул на Арефия. - Комнату Анны желал посмотреть, да Арнольд Владимирович воспротивился и не дозволил.

- Вот как? Самому Луканову от ворот поворот дал?

- Наш хозяин такой... Он крут. - Ввернул Арефий.

- Он у вас не крут, а глуп. Этакий одинокий волк, в котором сразу видно, что он из беглых болонок, и потому подает вам дурной пример. Впрочем, и малые щенки иногда приносят крупную дичь. Все же перед Лукановым двери нужно было распахнуть так, что б шире некуда, что б она с петель слетела. Вы что, забыли из чьих рук едите, и кто вам наливает? Так это можно живенько и напомнить. Иной раз кулак весомее словес будет. Делить на единицу не в пример сподручнее, чем на три...

- Что вы, Ефим Данилыч! - Хором не впад заговорили Исейка и Арефий. - Нам господин Тюрин наказали за домом присматривать, ни на шаг не отходить, а мы к вам. Да мы за вас... для вас...

-Вот и ладно. Ну так я слушаю. И говорите не хором и интересней. Скучно мне с вами время попусту тратить.

Ефим Данилыч слушал внимательно, не перебивал. Бифштекс он брезгливо отставил в сторону и пил чай маленькими глоточками, осторожно откусывая сахар, а крошки стряхивал в блюдечко. А, выслушав, некоторое время молчал, что-то обдумывая. Наконец сказал:

-Вот что... Придвинетесь поближе. Дело архиважное. Ребята вы шустрые, потому нынче вечером вам предстоит выполнить чрезвычайно секретную акцию...

Они долго шептались, обговаривая все детали предстоящей дела.

-Ну, други мои, все поняли?

-Чего же не понять-то. Но вот ежели там... он буди... - Начал было Исейка и вдруг замолчал, пыхая папиросой. В голове его не попадал мелькнула мысль о целительной пользе битья баклуш.

-«Буди! Буди!» - а вот ничего и не «буди». И грошей тоже не буди. - Вспылил Арефий. - Хватит, Исейка, сопли до пупа распускать! Семь бед - один ответ, а ты опять занюнил, козлийный хвост... тинтиль-винтиль.

-Эва... Дурных нет, по тюрьмам-то сидеть. Эт как же? Мы к нему... с ножом что ль?

-Нет, тинтиль-винтиль, с ножом и вилкой, навроде как фрикасе употребить. Ах, шут те расшиби со всем потрохом! Темнота зрения. Ты сперва глаза-то мылом промой, а после говори тут. Ефим Данилыч, не слушайте вы его. Мы все уяснили. Ежели что, так я Исейке враз впрягу метлу в хомут.

-Ну, тогда не смею вас задерживать. - Флегматично произнес Ефим Данилыч. - Разве что выпить с вами на посошок, да за успех нашего, вернее уже вашего предприятия. Как там Панина поет? «Плесните колдовства в хрустальный мрак бокала»? Вот и давайте. Плесните своей.

-Оно да... Не помешает. - Надтреснуто буркнул Исейка.

-Ох, и плотно же вы выражаетесь, Ефим Данилыч, слушать вас одно удовольствие. - Неожиданно весело сказал Арефий, тонкие губы его сложились в масляную улыбочку. Схватив полуштоф он наполнил до краев рюмки. - Все будет исполнено в точности, как вы велели. Не сомневайтесь.

-А нынешний счете-то наш оплатите? - Снова буркнул Исейка и неожиданно изящно почесал грязным пальцем спутавшиеся волосы.

-Разумеется!

-А это, как его... - Живо влив в себя водку, встрепенулся Арефий.

-Что еще? Банные и ванны? Глядите у меня, что б все чисто было, а то вам даже пол мыть в приличном доме доверить нельзя - тут же паркет придется менять. - Оглядев друзей грозным взглядом, Ефим Данилович бросил царственным тоном, каким государи предлагают великим князьям сесть в их присутствии. - Ступайте. А оплата как обыкновенно. Эй! Человек! Общый счет за стол и где тут у вас телефон? Мне нужно срочно телефонировать.

-Куда телефонировать изволите? - Спросил подскочивший половой.

-В редакцию «Петербургского листка». - Ефим Данилыч задумчиво поскреб подбородок и протянул половому червонец. - Получи, что положено, а сдачу оставь себе за хлопоты.

Позвонив в редакцию, Ефим Данилович пришел в прекрасное расположение духа. Он долго покачивался на задних ножках стула, чему-то улыбался и что-то туманило его взор. Потом он заказал дорогую коробку шоколадных конфет «Дамское счастье», шкалик Шустовского коньяка. Немного подумав, он распорядился добавить фунт бекона, полуфунтовую банку паюсной икры и штоф Смирновской. Затем велел все завернуть в бумагу с маркой заведения, сказал загадочно - «Те, кого ненавидят, не предадут» - забрал сверток и ушел.

Глава 21

В субботу 21 декабря Луканов дал выходной Алексею; Кристина купила два билета в Дворянское собрание на концерт знаменитой Московской певицы Марины Сергеевны Колчиевской (лирико-драматическое сопрано, аккомпанирует маэстро Бармини). А на пять часов, почти сразу после концерта, их пригласила к себе в гости - «Да просто посидим поболтаем» - княжна Рачинская.

Ольга Александровна звала в гости и Савелия Платоновича, но пристав вежливо отклонил приглашение, сославшись на неотложные дела, но, учитывая огромные связи княжны в великосветском обществе Санкт-Петербурга, Савелий Платонович наказал Алексею расспросить Ольгу Александровну о семье гадалки Варваре Андреевны Тюриной, а о ее муже - в особенности.

День выдался морозный, но на лице Луканова выступила испарина. Он высморкался и смял в кулаке носовой платок «Столько дел. Не дай бог заболеть». В половине двенадцатого, едва только

войдя в свой кабинет в Сыском управлении, Луканов по внутренней связи распорядился привести Беневоленского-Маликова.

-Доброе утро, Андрей Михайлович. – Равнодушно поздоровался пристав, взяв у конвойного «разносную» и расписался. – Присаживаетесь и показывайте, что вы там накропали.

-Спасибо, ваше превосходительство. Но собственно и подвигов-то у меня с гулькиным носом, так что не обессудьте, все уместилось на одном листке.

-Ну-ну... Поглядим... Иной раз и одно слово стоит многого... - Луканов пробежал взглядом лист, отложил его в сторону и вопросительно посмотрел на лже-философа:

-Н-ну-с? И что на словах добавите?

-Я, знаете ли, люблю иногда пофилософствовать. - Беневоленский-Маликов картинно откинулся на гнутую спинку венского стула. На нем все та же исподняя рубаха без рукавов. - Люблю призадуматься над впечатляющим величием трудов наших, над их печальной судьбой и масштабами.

-Это у вас-то? О каком величии трудов вы изволите говорить? А, господин Беневоленский-Маликов? У вас механический процесс облапошивания наивной публики и коррелирование случайных факторов с поделниками. А вот тема масштабов уже весьма любопытная. Так каковы масштабы ваших охмурений?

-Ну что вы все облапошивание да охмурение? Взгляните на вещи шире, не через призму Уголовного уложения.

-Вот именно для того, чтобы посмотреть шире я вас и пригласил. Вы, верно по забывчивости, ничего не написали о некоем Тюррье, что свел вас с цепеносительным интегральным коновалом Вомановичем.

-О Тюррье ничего писать не буду. Я уже говорил вам, что это птица высокого полета вам не по зубам.

-Андрей Михайлович, отчего вы обо мне тревожитесь? Не пора ли о своей участи побеспокоиться? Не пора ли отличать доказанное от недосказанного. Помощь сыску на суде при вынесении приговора вам ой как зачтется. Уверяю вас. Да вы это и сами знаете. Не в первый раз под суд идете. Давайте говорить о деле. Итак, я повторяю свой вопрос – кто и что этот ваш сводник Тюррье? Каково его настоящее имя, звание? Как он выглядит и где его можно обнаружить?

Беневоленский-Маликов одарил пристава вежливой улыбкой абсолютного непонимания:

-Как интересно, - сказал он. – Но я сам этого не знаю. Вы, верно, думаете, что я корифей, а я всего лишь поденщик. Этаким булькающий бурдюк с физиологическим раствором. Кто ж будет перед такой мелочью как я, открываться?

-Ну, предположим. Но откуда такая уверенность, что этот ваш Тюррье «высокого полета» и имеет связи в Зимнем?

-Мне так сказали.

-Кто?

-Мне просто шепнули об этом на ушко, а кто не помню. – Лже-философ нервно провел рукой по небритой щеке и застучал в пол носком ботинка.

-Что так? Память дурная? Или вы так безоглядно верны ему? Но все же потрудитесь вспомнить кто, где и при каких обстоятельствах вам рассказывал о Тюррье. Возможно, что ответы на эти немудреные вопросы с лихвой покроют ваш великий грех, публично сотворенный в зале Народного дома. Подумайте хорошенько! Горазды вы были языком лапти плести, но как дело дошло ответ держать, так вы и кукситесь. Так сразу и нет вас.

-Да пустой это разговор. Не найдете вы Тюррье во век. Что там ваша иголка, он как волос в стоге сена, что в любой момент унесет ветром к другому стогу.

Повисла пауза. Стало слышно как трещит пишущая машинка за стеной - бойко, хлестко, ловко. В коротких промежутках слышится хруст жесткой бумаги и бормотание: «предписывается вам», «безотлагательно», «вменяется в обязанность», «под опасением взыскания по закону».

Едкий аромат невысохшей краски, которой выкрасили пол еще в ноябре, щекочет ноздри так, что невольно хочется чихнуть. Одновременно к нему примешивался тонкий, едва уловимый горьковатый запах табачного дыма.

Вызывая Беневоленского-Маликова на допрос, Луканов и не надеялся на его откровенность. Весь расчет пристава состоял в непродолжительности заключения под стражей лже-философа и свойственную всем недавно арестованным тешить себя иллюзией внезапного освобождения за мелкую услугу следствию.

-Андрей Михайлович, не пытайтесь ввести меня в заблуждение. Вы нечто более сложное, чем заурядный жулик. Так мастерски вести себя на сцене, это надо талант иметь. Призвание, если угодно.

Не всякий жулик сможет. Вам же, судя по всему, доверяли проводить целительные лекции. Да и ваша начитанность выдает в вас человека образованного и соответствующим образом подготовленного. Так что говорите, прошу вас. Пока только прошу. Нынче у вас в делах застой, так что не к чему и надсаживаться. Расскажите-ка мне все с самого начала, и мы подумаем, как вам помочь. Но, повторяю, - с самого начала.

-О-о-о-ох-х-х! Если бы я что-нибудь знал о Тюррье и вдруг взял бы и рассказал вам, то до суда я бы просто не дожил. Просто вот взял бы и дрыгнул лапками в камере в полном одиночестве и без причастия. Вот в этом я твердо уверен.

-Вот оно как. Все на столько серьезно? Но это опять ваши фантазии. – Луканов передразнил. – «не дожил бы», «лапками дрыгнул». Это все сказки, сударь и тема для отдельного плача. Мы не в Северо-Американских Штатах, мы с вами в России. Не помню случая, чтобы преступник на свободе убил бы преступника, сидящего в камере Сыскного управления.

Беневоленский-Маликов ответил легким поклоном.

-Знаете, тибетцы говорят в таких случаях «не будем создавать избыточных сущностей».

-Тибетцы? Эту фразу сказал Оккам, кстати, совершенно не тибетец, но чистокровный англичанин, что к Тибету относился, как и любой другой британец, с легким презрением. Но вот царь Соломон утверждал: «При умножении нечестивых умножается беззаконие». Так что сидеть вам, любезный, достанет немало лет. Сибирь же губерния нервная и страсть как не любит чужих глаз. Знаете - мужички в бегах, каторжане, деревеньки кержаков, хлыстовцев и прочих сектантов... Вот и будете усыхать там под тяжестью прожитых лет. А вы знаете, старообрядец даже и на горшок не сядет, чтобы задницу не перекрестить, а у хлыстовцев в молельной избе обязательно стоит чан. Сей чан, хлысты должны наполнить своими слезами, молясь о возвращении Иисуса Христа. Так что плакать вам в Сибири ой как придется! Как говориться - не приведи господи! Но не отчаивайтесь. В скором времени вы станете подлинным гением Заступа и Кайла и проживете истинно праведной жизнью.

-Можете поступать со мной, как вам угодно, - холодно заявил лже-философ, - но говорить о Тюррье я категорически отказываюсь по причине своей полной неосведомленности о нем. Наговаривать же напраслину на достойного человека не приучен-с. И вообще – прошлое для меня, смутный сон.

-Ну-ну... Сон! Уж не вещий ли? Да за такие сны... Вам как, на полную катушку? Или на полкатушки с остатком?

-В каком смысле? – Недоуменно пожал плечами Беневоленский-Маликов.

-Да так, некоторые мысли в слух. Что вы знаете о рата-йоге?

-Что-то краем уха слышал. Чушь какая-то.

-Вот оно как... - удовлетворенно пробормотал Луканов, заноса слова лже-философа в протокол. - А сами вы?

-Что я?

-Йогой не занимались?

-Я занимался серьезными вещами. - Неожиданно агрессивно заявил Беневоленский-Маликов. - А ваша йога меня ничуть не интересует. И вообще, какое это имеет отношение к делу?

-Никакого, - сухо бросил Луканов, отложил ручку и задумчиво пролистал страницы дела. – Мда-а... Не густо у нас с вами. Не густо. Вас перевести в общую камеру? Или предпочитаете остаться в одиночной?

-В одиночной. Так будет спокойнее. – Губы лже-философа зловеще сжались. - По крайней мере, никто не помешает мне мысленно репетировать разговор с вами, ваше превосходительство.

-Оно, конечно. Наука завсегда требует уединения... Да и молиться о свершении чуда в одиночестве значительно удобнее.

Стращать Беневоленского-Маликова охранкой уже не имело смысла. Да и нельзя употреблять один и тот же жупел два раза подряд. Подследственный, пройдя апогей страха, попросту согласиться на перевод в охранку, смириться с ним, а вот тогда либо вправду переводи, либо расписывайся в собственном бессилии.

Допрос коновала Вомановича также ничего не дал. Геометрически-интегральный доктор поразил выдавшего виды Луканова своей непроходимой серостью и прямо-таки патологической тупостью. Что ж - у каждого свой горизонт и карася в порося не обратишь.

В своем белом балахоне Анатолий Казимирович походил на какое-то дурное насекомое. Железную цепь у него изъяли и с ее отсутствием Анатолий Казимирович лишился и всего своего благообразия. О своем поделышке Беневоленском-Маликове интегральный доктор, поправив

католический крестик на шее, произнес всего одну, но плотную фразу – «Таких надобно убивать и хоронить навечно».

На все вопросы Воманович отвечал медленно и уклончиво, как обычно отвечают люди, боящиеся хоть на миг уронить свое достоинство и потому напоказ выставляющие, что у них изумительная сила воли и жажда успеха, и для которых люди только средство достижения своих целей. В основном показания Вомановича совпадали с показаниями Беневоленского-Маликова. Но не более того.

Под конец допроса какая-то неведомая центробежная сила выкинула интегрального доктора из реальности, и он принялся рассуждать о древнеегипетском календаре, согласно которому если в первый день декабря выпадет снег, - как в этом 1901 году - то зима будет мягкая. Его даже несколько не смутил вопрос пристава, откуда же взялся снег в Африке. Судя по всему, подобные климатические нюансы были ниже его интересов, а на любого желающего усомниться в достоверности однажды усвоенных им «истин», коновал был готов надеть рубашку с очень длинными и крепкими рукавами.

-Вас когда-нибудь гипнотизировали? – неожиданно спросил Воманович.

-Нет, никогда.

-Я могу продемонстрировать опыт, в результате которого вы неосознанно освободите меня.

-Вот даже как? Весьма любопытно. Ну, а если ваш опыт не удастся?

-Этого не может быть. Я очень сильный гипнотизер. И я вас загипнотизирую. Если вы не возражаете, конечно.

Луканов несколько поколебался и пожал плечами:

-Ну, пожалуй, если вы утверждаете, что вы мастер гипноза. Извольте.

Воманович вынул из письменного прибора вставочку. Вплотную придвинул свой стул к столу, так чтобы их лица оказались в полуаршине друг от друга. Уселся поудобнее. Держа вставочку вертикально за конец перед Лукановым, так что стал виден номер пера «86», он сказал:

-Воспользуемся этим предметом. Годится почти любой, в том числе и эта ручка. Совершенно не обязательно, чтобы она блестела. Смотрите на нее, но, будьте любезны, не излишне пристально; захочется моргнуть - ничего страшного. Моргайте себе на здоровье. Важно чтобы вы не были напряжены и не оказывали внутреннего сопротивления. Вам удобно? Кивните, если да.

Луканов тщательно высморкался, засунул платок в карман пиджака и кивнул.

-Вот и отлично. Если вы все еще чувствуете хоть малейшее внутреннее сопротивление, преодолите его. Вы, верно, замечаете, как оно уходит. Растворяется. И вот исчезает совсем. Расслабьте мышцы. Я хочу, чтобы вам было удобно и спокойно. И не нужно ни о чем волноваться. Замечательный отдых, не правда ли?

Воманович опустил ручку:

-Теперь посмотрите на свою правую руку. Она полностью расслаблена, так расслаблена, что отказывается повиноваться вам. Когда я сосчитаю до трех, вы убедитесь в этом сами. Попробуйте поднять руку, когда я скажу «три». Вы не сможете. Раз. Два. Три!

Луканов без всякого напряжения поднял руку.

Воманович чуть не поперхнулся от неожиданности. Тяжело вздохнул, перевел дыхание и устремил на Луканова долгий, задумчивый взгляд. Затем нахмурился и принялся в упор рассматривать правую руку пристава. Он склонился над ней и так и этак, буравил глазами рукав пиджака. Но рука пристава отказывалась подчиняться и гипнозу и самому гипнотизеру.

-Странно, - неуверенно произнес Воманович. – Что-то с вами не то происходит. Впрочем, все хорошо, не волнуйтесь. Вы добровольно подверглись моему гипнотическому внушению, и все у вас получилось очень хорошо. Я с вами еще несколько минут побеседую. Ваша рука, между прочим, может теперь двигаться как ей угодно.

-Благодарю вас, доктор. – Иронично произнес Савелий Платонович и поднял руку, согнул ее в локте, несколько раз сжал и разжал пальцы, будто она до сих пор была в неудобной позе и затекла.

-Мозг, - как ни в чем небывало продолжал Воманович, - в некотором смысле разделен на ячейки. Разные его отделы выполняют разные функции; например, лишившись определенной области мозга в результате несчастного случая, вы теряете способность говорить. Приходится учиться заново, приспособив для этого другую область мозга. Подобным же образом можно при желании представить себе память. Воспоминания удается отключать. Совсем отключать, словно их никогда и не было. Вот только я стукну этой ручкой по столу, вы позабудете, как зовут человека, который сидит напротив вас. На некоторое время это имя ускользнет из вашей памяти, словно вы никогда его и не знали.

Он стукнул вставочкой по столешнице.

-Ну как? Превосходно... Вы забыли имя этого человека!

-Нет. Прекрасно помню. Но я внезапно вспомнил и о других неотложных делах. – Луканов усмехнулся и щелкнул пальцами. – Ваш фиксационный метод гипноза никуда не годиться. Вы его, что, по книге Джеймса Брэда изучали? Такое же шарлатанство, как ваши целительные сеансы в Народном доме.

-Но почему? Доктор Джеймс Брэд признан во всем мире. - Ощетинился Воманович.

-Вот именно признан. Но такими же целителями, как и вы, сударь. Шарко в парижской клинике «Сальпетриер» тоже овладевал-овладевал методами гипноза. Ну а после, плюнув на «овладевание», затеял учить гипнозу других, сам же занялся медициной. Так что не станем щипать себя или иным болезненным способом проверять реальность окружающего мира, но на будущее запомните, что если вы скажете другому человеку «расслабить мышцы» он этого попросту не сможет сделать. Даже при всем своем желании. Чтобы это понять, необходимо помимо ваших шаманизмов знать психологию и физиологию. Скучно-с, сударь.

-Меня интересуют не механизмы людских слабостей, а их тембр. – Многозначительно произнес Воманович, по-гусиному вытягивая голову. После откинулся на спинку стула, прикрыл глаза, пытаясь изобразить и полнейшее равнодушие к происходящему и вместе с тем некую вальяжность. В его взгляде теплится искренняя досада, и даже обида. Вот уж поистине - нет в природе ничего гнуснее, чем истеричный мужчина, возмнивший о себе невесть знает что.

Интегральный коновал встряхнулся, сел прямо и занялся исследованием большого пальца своей правой руки. Затем вытянул жесткий указательный палец левой руки и... принялся грызть ноготь. Даже очень мнительный человек был бы вконец обезоружен невинным видом Вомановича.

Разговорить и лже-философа и коновала нетрудно. Но не в обычаях Сысского управления применять методы околота, да и сам Савелий Платонович был ярый противник физического воздействия на подследственных.

Все подследственные боятся - виноватые боятся разоблачений, невинные - обвинения в преступлениях, которых они не совершали. И нет людей, которые не стыдились бы этого страха и не старались сокрыть его под какой-нибудь маской. Этими-то масками и различаются подследственные. Есть всего пять основных масок: «блатной», «болван», «умник», «святой» и «весельчак». Эти маски хорошо известны, как хорошо известно и то, что у невинных никогда нет алиби. Алиби, особенно детально проработанное, так что и не подкопаешься, всегда есть только у самого преступника.

Но если затеять игру и сказать - да вот хотя бы и Вомановичу - что его преступление не зависит ни от его натуры, ни от его характера, но от несчастных обстоятельств его жизни, он мгновенно станет бесконечно благодарным и начнет говорить, да исповедоваться. Все уголовники в душе инфантильны. Отсюда и их наивное убеждение, что не они виноваты в своих преступлениях, но общество. Отсюда же и вера в бога, которая обычно возникает уже в тюремной камере. Но затевать игру Луканов не хотел.

Савелий Платонович взглянул на Вомановича. Тот сидел с отрешенным взглядом, толи молился, толи, как основатель геометрическо-интегральной медицины, решал в уме геометрические задачи. Вздохнув, Луканов тихо произнес:

-Ладно. Возвращайтесь в камеру и еще раз хорошенько подумайте.

После ухода Вомановича Савелий Платонович некоторое время сидел за своим столом, перелистывал подписанные страницы протоколов, жевал папиросу с длинным мундштуком и предавался грустным размышлениям о том, почему он должен ковыряться в этом дрянном деле. Вопрос без ответа.

Стоящего дела как такового не было вовсе. Так, мелочь. Мошенничество. И это раздражало его больше всего. Если бы все загадки несомненным и очевидным образом были связаны между собой, так, чтобы он мог записать их одну за другой на листе бумаги и сказать: это требует расследования, это не стоит внимания. Части этой головоломки растекались, как расплавленный воск.

Кабинетные часы пробили четверть второго дня. Санкт-Петербург окутывал густой зимний туман. И очертания домов, и заснеженные деревья едва угадывались в этой влажной пелене. Свет газовых фонарей едва-едва пробиваясь сквозь нее, что бы только коснуться грязных тротуаров, но уже в нескольких шагах от края судорожно подрагивающего круга желтоватая мгла становилась непроглядной.

Глава 22

Кристина только что, под аккомпанимент рояля, на котором тихо наигрывала попури на тему песен Московской певицы Колчиевской, закончила речитативом рассказ о том, как она

обходила дворы в поисках Бармалея. Играла она без нот и не глядя на клавиатуру. Княжне Рачинской особенно понравился мальчишка с ножиком, что играл в свайку. Мило улыбаясь, она сказала:

-Ведь дети - всегда дети... Но наш кавалер откровенно скучает. - Княжна тяжело поерзала, ища удобное положение в своем глубоком кресле, расположила ноги на скамеечке обитую желтой кожей и кивнула на Сугробина.

-Что вы, ваше сиятельство. Отнюдь. - Алексей чуть-чуть покраснел. - Мне у вас чрезвычайно интересно.

-Ну-ну. Юный льстец. Так я и поверила. А, кстати, что Савелий Платонович? Верно, кража мозга некоего господина его решительно заела. Вы, Алексей, что-нибудь знаете об этом деле? Вы уж простите старуху, но я сгораю от любопытства.

-Но, Ольга Александровна, дело только что принято к производству... Пока ничего стоящего вашего внимания нет.

-Да, ваше сиятельство, - Кристина опустила крышку фортепьяно и пересела в кресло к общему столу, - я ведь тоже участвую в розыске.

-Милочка, ты же ищешь моего Бармалейчика, насколько я поняла. Когда же тебе еще и поисками чужих мозгов заниматься?

-Ищу. И кота и осквернителей.

-Надеюсь на тебя, милочка. В сокрытом кроется тайная прелесть. Верно, раскрыть секрет означает уничтожить всю его прелесть и красоту на корню. Да все равно. Но теперь же обещайте мне, что если что-нибудь узнаете интересное, то тут же сообщите мне. Ладно?

-М-м-м... Разумеется. - Неопределенно отозвался Алексей.

-Неужели вам, добрейшая Ольга Александровна, интересны монстры? Это же звери какие-то - украсть мозг пусть даже и у мертвого, но человека.

-Что ж... Но природа не знает монстров. Монстры созданы нашей фантазией. Это ведь так приятно - создать кого-то, на ком можешь выместить свой страх, гнев и... бессилие. А после и уничтожить сей фантом. Ну а после с очищенной душой жить дальше как ни в чем небывало.

-В каждом из нас - монстр или зверь. Но не в каждом он просыпается. И далеко не у каждого выходит наружу. - Сказала Кристина.

Пока дамы разговаривали, Алексей взял со столика томик - «Цветы зла» Шарль Бодлер.

-Ох! Кристина! Наш кавалер опять заскучал. Алексей, ради бога, прошу вас, оставьте Бодлера.

-В нетронутое юношеское сердце вкрался бес невинного стремления к декадансу. - Лукаво улыбнулась Кристина. - У юношей такое случается. Только отчего вот у всех юношей при этом взгляд становится взрослым?..

-Ольга Александровна, не обращайтесь внимания на колкости Кристины в отношении меня.

-А я и не обращаю. Отчего мне-то обращать на это внимание?

-Верно. - Смутился Алексей. - Простите меня. Я сказал бестактность. Но скажите, ваше сиятельство, какие дамы, по вашему мнению - брюнетки, блондинки или рыженькие - более склонны терпимо относиться к мужчинам?

-Вуаля! Седые, юноша. Только и непременно седые. Седые дамы уже не мечтают о розах, они согласны и на гвоздики. Любви ведь все возрасты покорны, чем старше, тем покорней. - Глаза княжны ожили, щеки порозовели. - А вы знаете и у старух тоже есть бесовское пристрастие к декадансу. В мое время не было таких великих поэтов, как Бодлер. Увы. Этот эстет лишился присущего всем поэтам страха, потому и выпал из стройных рядов чистого искусства и попал в срамные притоны. Но прочитав залпом «Цветы зла», а после его же сборник «Обломки» и стихотворения в прозе «Парижский сплин» я с горечью поняла, что моя жизнь была бы полнее, много интереснее, если бы Бодлер появился хоть чуточку раньше. Ах! Вивисекция по Бодлеру... Но, увы... Время безвозвратно.

-Да? - Удивилась Кристина. - Я так подумала, что «Цветы» и «Обломки» просто поэтическое хулиганство. Впрочем, я не настаиваю на своем мнении.

-А хоть бы и хулиганство? Что с того? Особенно если это хулиганство гениальное. Верно, Бодлер мог одарить меня свойством, не доведшим бы меня до добра. Но сие так заманчиво! Порок всегда манит. Как говорится - грех попутает, так и конь убежит! А что ожидать от теперешних? Научно-социальной поэзии, разве что. Рифмовщики - «Голова твоя не болванка, и утроба твоя не лоханка...»²⁵. Тьфу... Прости господи.

²⁵ Автор неизвестен.

-К поэтам приходит муза. – Сугробин нарочито конфузливо взглянул на Кристину. - Интересно, а что же является поэтессам?

-Алексей, прекрати ерничать. – Кристину укоризненно покачала головой.

-Друзья мои, не ссорьтесь! – Воскликнула княжна. - Поэзии больше нет. Одни подражатели Бодлера. Субретки²⁶ рядом с трагическим героем. Да отчего жалеть, что поэт – хулиган? Не лучше ли жалеть о том, что не все хулиганы – поэты. Или того хуже. Как некий виршеплет Макунин, кажется, настругал поэму «Любовница Смерти». Прости господи, да это ж как? Ведь Смерть женского рода. Она же старуха! Да как же у нее любовница? Прямо любовь лесбийская! Это ж срамно! А Бодлер философ любви, который стеснялся женщин. Это так мило... Он для меня простачки эм-эм-эм.

-А что такое эм-эм-эм? – Спросила Кристину.

-Мужчина Моей Мечты, милочка.

-Но ведь еще Шелли считал, что все стихи прошлого, настоящего и будущего - это эпизоды или фрагменты одного бесконечного стихотворения, принадлежащего всем поэтам сразу. – Заметил Алексей.

-Возможно. – Пожала плечами княжна. - Но Шелли хоть и жил в одно время с Пушкиным, но не учитывал его, потому как не знал русского и не мог читать его творений. Впрочем, говоря о поэтах я говорила не в укор и не в осуждение. Это лишь отголосок моих неутомимых мыслей. Ох, друзья мои! Единственный способ жить долго, это стареть. – Без всякого перехода вдруг грустно произнесла княжна и хрустнула пальцами. - Но стареть, это так скучно. Этак мелькнуть на секунду серебряной рыбкой в медовом нектаре бабьего лета. И все. Годы провалились в прошлое.

Иной раз утром, смотря на себя в зеркало, так и хочется сказать, чтобы убрали его вместе с моим уродством - эту грусть я и так вижу. Не спешите стареть, друзья мои! Как это печально превращаться из нежного плода в сухофрукт. Хотя, собственно, вся жизнь состоит из семи дней – шесть дней творений да один отдыха. Просто эти семь дней постоянно повторяются. Но вернемся к прозаическому. Галина! – Ольга Александровна чуть повысила голос и позвонила в серебряный колокольчик. – Скоро ли будет кофе? Мы его ждем уже битый час. Только прошу без твоих китайских наставлений.

Послышался странный хруст, затем шуршание и, наконец, глухой шлепок. Дверь распахнулась и вошла Галина, неся серебряный поднос с кофейником, чашками севрского фарфора и корзиночку печенья. Сегодня на ней чистый, накрахмаленный передник, на руках, как положено по этикету, белоснежные перчатки:

-И вовсе и не час, а всего лишь половину.

Поставив поднос, она деловито осведомилась:

-Разливать сами будите или мне? Полагаю, мне лучше уйти. Надо разложить покупки...

Княжна махнула на нее пергаментной ладонью:

-Иди, милая, иди. Мы тут без тебя уж... как-нибудь. Раскладывай свои покупки, только при этом не храпи так громко, как в прошлый раз.

-Ну, тогда я пошла. – Заявила прислуга студеным тоном и высокомерно, как королева прикрыла за собой дверь будуара.

Ольга Александровна склонилась над столом и налила себе чашку кофе без молока и сахара:

-Друзья мои, присоединяйтесь. Каждый ухаживает за собой. Я в душе убежденная, но весьма умеренная демократка. И попробуйте этот восхитительный английский шоколад Anthon Berg.

-Кофе удался, - пригубив, заключила Кристину. – Верно, Алексей?

-Да. Разумеется.

-Алексей, вы были в Европе? – Осведомилась княжна.

-Нет, ваша сиятельство.

-Отчего же? В вашем возрасте необходимо вояжировать, это необычайно расширяет кругозор.

-Да вот как-то все... Вначале, с десяти лет, закрытое Петербургское училище правоведения, что на Фонтанке в доме шесть, затем служба в департаменте сыскной полиции. Эти занятия мало располагают к странствиям.

-Вот как? Так вы, Алексей, оказывается потомственный дворянин? Насколько я знаю, вашу alma mater, училище правоведения никак не коснулась либерализация высшего образования. Как оно было вровень с Пажеским корпусом, так и осталось. И что, по окончании училища, как и прежде сразу же дают «титularного советника»?

Сугробин кивнул:

²⁶ Субретка (франц. soubrette — жеманный), в переносном смысле – бойкая, на все готовая служанка.

-Да. Но я не припиливаю к шляпе павлинье перо классической образованности. Но с гордостью отмечу, что учился я по учебникам Ягеманна, Баршева и Колоколова.

-Алексей у нас уже эн-эс²⁷ и, соответственно, «ваше высокоблагородие», а также великий скромник. - Уточнила Кристина.

-Все, что ты, Кристина, сказала об Алексее, меня искренне радует. Но образование это завершающий мазок мастера. И не стоит принижать ни его, ни себя; признак аристократизма – мужество, прекрасная женщина и достойная судьба. Ноблес оближ, как говорят в таких случаях французы, - положение обязывает... Ну, а все вояжи еще впереди. Если что, так вам наша милая графиня об Европах расскажет. Если мне не изменяет память, то Кристина в младенчестве три года прожила в Париже. Была в Англии, Германии и, кажется, в Швеции?

-Да. В Швеции я была в прошлом году.

-Ну, вот видите какая прелесть. Будет вам о чем поговорить наедине. – Княжна ласково посмотрела на Алексея. – Вы только не смущайтесь. С барышнями надо поостороже. Им это только на пользу. Должна признать, что женщины, особенно молодые, далеко не всегда рассудительны. Женщины вообще весьма забавные создания. В девяти случаях из десяти они поступают разумно, но на десятый они ставят все с ног на голову. Молодым людям нужно помнить, что дама – предмет импульсивный... Кстати, - обратилась княжна к Кристине, - я надеюсь, ты не стала в Англии суфразисткой?

-Б-р-р... Нет, разумеется. – Кристина потупила глазки, изображая смущение.

-Вот и хорошо. Вот и правильно. Любовь прекрасна сама по себе! И глупо думать, что ее единственная цель, это борьба за какие-то социальные права. – Княжна вставила в длинный янтарный мундштук папиросу, размашисто чиркнула о подлокотник своего кресла спичкой и прикурила. – Кристина, я слышала, что ты тоже куришь? Прошу, не стесняйся.

-Да, Ольга Александровна, но мне больше нравятся сигары.

-Я пробовала эти свертки табачных листиков. Но мне они не пришлись по вкусу - смахивают на дрянной табак фабрики Жукова. Кстати, Екатерина Великая внесла заметный вклад в сигарное дело. Императрица много курила и опасалась за здоровый цвет пальцев, поэтому каждую сигару для нее оборачивали ленточкой шелка. Именно эти ленточки стали прообразом бумажных колечек - неперменного атрибута современных сигар.

-Я понимаю Екатерину Вторую в пристрастии к сигарам. Но, Ольга Александровна, сигару курят совсем не так как папиросу. Сигару жуют, пережевывают дым, а папиросой затягиваются. Мне нравится табачный привкус во рту, а вот дышать табаком как-то жутко. Но довольно о способе курения. А что было примечательного в ваше время?

-Да стоит ли ерошить милые перышки? Разве вам это интересно?

-Гусары. – С удовольствием усмехнулся Алексей. – Ментик, сабля, шпоры и гитара.

-Вот-вот. Только что гитара. – Проворчала княжна, аккуратно стряхивая пепел. - На гитаре и могли играть только лишь гусары. Все прочие кавалеристы нещадно срывали правую руку саблей или палашом на отработках приемов конного боя, а левую - поводьями. Палаш-то, поди, с пуд весит и всего один неудачный взмах им, так на полном скаку вернуться в седло можно лишь вытянувшись на левой руке. Тут уж не спрашивай куда? Знай скачи.

И вообще, молодые люди, сказки все это про гусаров, да придурь. В мое время кирасира или драгуна принимала любая компания. А почему? Да потому что они не могли быть шулерами. И никогда им не были. Пальцы их, от рукояти палаша, настолько теряли подвижность, что они просто физически не могли «дернуть» или «подрезать» карту. Исключение составляли лишь гусары да уланы. Все шулеры это и были именно они. Потому к приличным столам этих-то и близко не подпускали. И вообще в легкую кавалерию поступали только отпрыски не родовитых семей или с весьма подмоченной репутацией. Мюрат, этот самозванный «великий герцог» Иоахим, что ли говорил, что у гусар всегда виноваты лошади, потому как они недостаточно патриотичны. Помимо прочего, в гусарах служили непременно низкорослые да щуплые, других-то и не брали, ведь кавалерия-то - легкая.

Да только представьте себе, скажем, сын Шереметевых, Гагариных, Араповых или Пашковых в гусарах! Позор для всей фамилии! Потому они и служил в кавалергардах Первой кирасирской дивизии. А ведь зачисление в кавалергарды зависело не от императора, но от решения общего собрания офицеров полка. Верно, нынче кавалергардов Ее Величества императрицы Марии Федоровны полка именую «бюро похоронных процессий». Но не их вина, что они обязаны

²⁷ Надворный советник.

участвовать в конном строю на похоронах многочисленного генералитета, доживающего в отставке свой век в столице.

А корнет Никита Лунин, что умирал на поле Аустерлица, но дал достойный ответ самому Наполеону, когда тот объезжал вечером поле битвы и неуместно пошутил над «безусыми мальчишками», polegшими в бесплодной атаке: «Я молод, сир, это верно, но доблесть воина не исчисляется его возрастом». Свита была поражена – Наполеон смутился и даже покраснел. Но, увы, корнета история почти забыла. А ведь под Аустерлицем, спасая русскую пехоту, весь кавалергардский полк poleg. Ах! Кавалергарды! Белоснежный колет, каски с орлами, николаевская шинель с пелериной и бобровым воротником! Красавцы!

-Видно не случайно в личном императорском конвое есть Синие и Желтые кирасиры и кавалергарды, но нет гусар. – Во взгляде Кристины читалось равнодушие.

-Вот-вот. Впрочем, есть лейб-гусары, но используются они только в парадах и смотрах. Потому как больше служат античному Бахусу. Служат яростно и люто...

«Княжна нынче явно в ударе» подумал Алексей и вспомнил о наказе Луканова.

-Ваша сиятельство, вы не знаете, а что представляет собой гадалыщица Варвара Андреевна Тюрина? Говорят, что она потомок по прямой линии знаменитой Адриины.

-Да обычная шарлатанка, что насытилась мудростью и потому предсказывает будущее с точностью до несуществующих деталей. Вроде монаха-вещуна Авеля. Тот тоже разговорщик еще тот был. Словно вдовец на выданье. В то время и Калиостро со своими фокусами приезжал. Только вот у всех этих чудотворцев дело дальше теоретического градуса не продвинулось. Да оно и понятно - волшебство дело тайное. Однако ж она до того обнаглела, что прилюдно утверждает, что огненный змей, пронесшийся над Петербургом в сентябре 1796 года, ее рук дело.

-А что за змей? – Спросил Алексей.

-Так о нем, о змее этом, Сумароков в своей книге о жизни Екатерины Великой писал. Но вот эта Тюрина одевается просто-таки ужасно! В какой-то гаремный наряд. Господи, вас, Алексей, интересуют гадалки? Оставьте этих фокусников стареющим матронам и купчихам. Но, верно, не стоит смеяться над странностями других людей. Мы можем просто не знать некоторых неприметных подробностей. Но гадания и прочие пророчества ближе к Луне, чем к здравому смыслу и самой жизни.

-Я с вами полностью согласен, ваше сиятельство...

-Кстати об Адриине. – Не слыша Алексея, продолжила княжна. - Вы, верно, знаете, что чародействовала она в царствование Петра Великого. Людям чего только не мерещилось на ее сеансах. И демоны, и аспиды смердящие. Но вот все фокусами оказалось. Любой без всякого колдовства может сего добиться. Надобно немного нашатыря, крупичу извести, чуток серных опилок и при курении этой смеси образуется такая гадость, от коей публике черти мерещатся, да такие, что не приведи господи. Сама бы я такое вдыхать не стала бы, да и вам не советую. Не зря ей случилось не проханже и царь Петр ее обезглавил.

-А супруг Варвары Андреевны что? Тоже гаданиями развлекается? – Спросила Кристина. Отпив глоток кофе, она поставила чашку на край стола, мимо блюда, но не заметила этого.

-Нет. Как его там... Арнольд Владимирович, кажется? – Процедила княжна и поджала губы. - Обширный брюхом, но не духом. Мои предки в прежние времена таковских на конюшне пороли. Этот язычник какими-то махинациями с землей занимается. Баронесса Анна Казимировна фон Левенштейн, что мне Бармалейчика (княжна достала платочек и промокнула глаза) презентовала, как-то говорила, что видела его несколько раз в компании великого князя Константина Михайловича.

-Ну и что тут особенного? Мало ли с кем встречается Константин Михайлович? – Удивился Сугробин.

-Константин Михайлович патронирует Воздухоплавательное общество и строительство аэродрома, а землю под аэродром необходимо купить. Дело здесь идет о больших деньгах, которыми не пренебрегают. Вот, собственно, и вся особенность.

-Так это коммерция. – Кристина налила себе и Алексею еще кофе. – Жена от скуки гадал, муж занят делами коммерции.

-А вот тут, милочка, я думаю, что ты не права. Надобно меньше глазеть, да сильней примечать! Земля-то на Комендантском поле прежде была казенная. Недаром названа «комендантским полем» потому как там, на самом берегу Черной речки, со времен Петра Первого коменданты Петропавловской крепости селились. Но чуть только затеяли аэродром строить, как это поле в одночасье превратилось в частное владение. Чудеса, да и только. Впрочем, власти - бездействуют, суды - содействуют... смотреть скверно.

-А нельзя ли поговорить с баронессой о компании великого князя Константина Михайловича?
- Спросил Сугробин.

-Можно. Но я прежде с ней условлюсь о встрече. – Княжна взяла трубку телефона и назвала номер... - В понедельник баронесса уезж... Алле! Да! Здравствуй голубушка!..

Кристина подошла к книжному шкафу и провела пальцем по стеклу. За стеклом тускло золотится полный Карамзин.

-Смотри, Алексей, все двенадцать томов.

-А я уже это отметил.

-Я и забыла, что книги твоя слабость. Слабость сильного мужчины...

-Это ты о чем, Кристина?

-Так... О разном.

-Вот и все, друзья мои. Договорилась. Значит так - в понедельник баронесса уезжает в Ригу к родственникам встречать католическое Рождество, но вот завтра в час дня она ждет вас у себя дома на улице Бармалеева.

-Отлично. – Кристина вернулась в кресло. – Мы будем обязательно.

-А что вы ничего не едите? – Возмутилась княжна. – Алексей, хоть ветчинки «тамбовской» отведайте, да Кристину угостите. Ветчина со слезой! Просто объедение. Это вам не «воронежская» дрянь.

-А в чем разница между «тамбовской» и «воронежской» ветчиной? – Спросила Кристина.

-Как в чем? В Тамбове копчение ольховым дымом, а в Воронеже копчение заменяют проваривание паром, а затем купание в «копильной жидкости» господина Каразина вместо собственно самого копчения. Угощайтесь...

-Так что, получается «тамбовское» копчение полезнее?

-Милочка, полезнее пить лактобациллин²⁸ господина Мечникова. Но неужто можно эту жидкость, настоянную на грибах, по доброй воле пить, да еще каждый день? Ведь из бутылки можно налить лишь то, что в нее налито. Кстати, во времена моей молодости от звона в ухе, от насморка и прочей другой напасти лечились кофейным паром. Нынче это выглядит смешным, но так было. Полагаю, что и лактобациллин из разряда подобных панацей. Но я говорю об изысканном вкусе ветчины, томленной в ольховом дыму и что производится уже сто лет, с года смерти императора Павла.

-Вы правы, ваше сиятельство. Да и выглядит ветчина просто изумительно. А запах! Особый дразняще-холодный! Кристина, не будь букой! - с улыбкой воскликнул Алексей и принялся разрезать мясо на тонкие ломтики и осторожно раскладывать их на тарелки: себе и Кристине. – Присоединяйся! «Немецкая» ветчина с хреном – вкуснятина! Кушай.

-Алексей, - Кристина укоризненно покачала головой и подставила тарелку, - слово «кушать» лакейское. «Кушать» можно только подать.

-Извини. От нашей публики и не таких слов наберешься. – Смутился Сугробин.

-Ветчина порождает желание пить, а питье утоляет жажду, значит, ветчина утоляет и жажду.

- С улыбкой констатировала Кристина. – А что порождает хрен?

-Вот-вот... хрен. И извольте взять ломтик хлеба. Он сегодня недурно испечен. Вы же ведь после концерта в Дворянском собрании еще и не пообедали. Тебе же, Кристина, рекомендую взамен мыла применять именно хрен. Во времена моей юности мы умывались не мылом, но протертым хреном. Потому и кожа у нас была всегда молодой и свежей и никаких тебе болячек или пигментных пятен. Хреном же можно мыть и голову. И ни в коем случае не пей Абсент. Эта зеленая жидкость очень быстро и неовозвратно портит цвет лица. Бодлер вот пил Абсет и чем кончил? Умом повредился. А уж ум у него был великий. Впрочем, о чем это я? Ты так прекрасно выглядишь! – Княжна неожиданно зарделась. – Я ведь, милочка, уже пребываю в той степени дряхлости, в которой не завидуют ни молодости, ни чужому здоровью. Мне это уже безразлично. Потому и поделилась с тобой своим секретом красоты. Я скажу Галине, чтобы она положила тебе тертого хрена в чашу. На досуге взгляни на вензель этой чаши - прелестное богемское стекло!..

-Но когда я верну ее?

-А и не нужно возвращать. Пусть она будет моим подарком тебе.

Однако, провожая гостей в прихожую, княжна шепнула Кристине:

-Милочка, если меня не будет завтра дома, то ты оставь чашу Галине. Договорились?

²⁸ Ныне кефир и йогурт.

Глава 23

Проводив Кристину до дома и вручив завернутую в холстину чашу с тертым хреном горничной, Алексей направился к Луканову. Свернув на Офицерскую улицу, Сугробин заметил боковым зрением подозрительную фигуру. Фигура отлепилась от стены и выплыла на тротуар. Человек напоминал паука: длинные цепкие руки, засунутые в карманы ветхого пальто, худые длинные ноги и странно выгнутая, чуть сутулая спина, голова вжата в плечи. Он молча, не издав ни звука, шагнул нагло, широко и пошел за Сугробиным, постепенно ускоряя шаг и сокращая расстояние.

Алексей продолжал идти и смотреть перед собой. Шагал он быстро и решил не оглядываться. Оставалось полквартиры до людного Вознесенского проспекта, как раздался хриплый голос, что прикоснулся, подобно лезвию ножа к горлу:

-Эй, дядя, постой-ка. Стой! Тебе говорят! Повернись-ка.

«М-да... Это уже не мое больное воображение» - подумал Алексей и остановился, плечи его напряженно напряглись.

-Дядя, ты што? Тугоухий? Тоже мне... шурум-фрикасе. Я же по-культурному тебе сказал оборотиться. – Произнес незнакомец тихо, напряженно, но звонким и слегка дрожащим голосом. Так говорят с напускной бравадой, чтобы скрыть свой страх.

Это удивило Алексея – «Боже мой, да он сам боится! Вот так и налетчик! Да это всего лишь халамидник»²⁹.

Сугробин медленно повернулся и явственно услышал, как, звонко щелкнув стальной пружиной, раскрылось лезвие ножа. Алексея захлестнул гнев и бросило в жар. Поворачиваясь и глядя на парня, Алексей резко взмахнул рукой, стремясь поразить налетчика самым мощным ударом, на который только был способен. Яростный взмах не достиг цели, но парень с ножом в правой руке испуганно отступил, прикрывая левой рукой голову. Внезапно он повернулся и побежал...

Но улица не была безлюдна...

-Да клал я на вашу кралю! Тинтиль-винтиль... – Раздался, почти в самое ухо, дикий вопль за спиной Алексея.

Сугробин резко пригнулся, и первый удар пришелся над головой в пустоту.

Но второй налетчик оказался тертый и вслед за первым сразу же последовал новый удар. После второго быстрого, а потому слабого касательного удара в левое плечо, Алексей резко повернулся и сделал широкий взмах, метя в низ подбородка. Но налетчик отскочил и выставил в разные стороны локти после резко скрутил корпус, поворачиваясь вокруг своей оси и чуть наклоняясь.

Этот прием - удар ногой с разворотом - Алексей хорошо знал. Этот, второй парень явно чересчур самоуверен и недооценил Сугробина, если решился на такой красивый, но крайне рискованный для самого себя прием. Теперь все решали доли секунды. Вот сейчас он окончательно повернется спиной, перенесет весь свой вес на опорную ногу, а другая нога стремительно оторвется от тротуара, взлетит вверх колено, а затем последует размашистый удар летящей вверх ноги, усиленный инерцией всего тела.

Алексей быстро среагировал, и в тот момент, когда налетчик оказался развернут к нему спиной, Сугробин быстрым коротким движением с силой пнул его в зад. Короткий удар ногой всегда быстрее, чем разворот всего корпуса с замахом, и Алексей, конечно же, опередил. Парень полетел на тротуар лицом вниз, широко раскинул руки и нелепо махнул в воздухе поднятой ногой.

Мельком взглянул на парня, Алексей пожалел, что он просто пнул его, надо было его сразу нокаутировать. Но подвернулся такой удобный момент, что он не удержался, чтобы не проучить налетчика, дескать, нечего красиво размахивать ногами. Да и айкидо или даже нин-дзюцу против славянской борьбы делала самурая «самураем», но чайная церемония и пресмыкание перед господином вплоть до выполнения в походе функции гейши.

Но незнакомец и не думал успокаиваться. Первый шок у него прошел и он, сгруппировавшись, ловко перекатился, снова вскочил на ноги и яростно бросился на Алексея, заорав:

-А-а-а-а!.. Пришью, крыса!!!

Первый удар кулаком Алексей отвел, другой пропустил и упал в мокрый снег мостовой, потеряв сознание...

²⁹ Мелкий или начинающий вор.

Мокрый животный запах окружал Алексея со всех сторон. Казалось, что какой-то жесткий лохматый мех щекочет ему лицо и мешает дышать. Тело вдруг стало настолько тяжелым, что он не мог даже шевельнуться. Это длилось мгновение, но показалось ему очень долгим - это ощущение душной мохнатой темноты.

-Вставай! Эй, не шали!.. Чего разлегся-то тут?

Кто-то дернул Алексея за рукав. Открыв глаза, он увидел городского. Рука городского скользнула под клапан кобуры, стиснув рукоятку револьвера.

-Живой, что ли?

-Вроде да. – Тихо произнес Алексей.

-Вот и хорошо. На снегу умирать-то не сахар. Поди озяб. Да ты, видать, поранен? – Спросил городской, увидев на лице Алексея ссадину. - Может вызвать карету «скорой помощи»?

Сугробин с помощью городского поднялся. В голове все плыло и шумело:

-Нет. Не стоит. Мне бы извозчика... А где налетчики?

-Ха! Да где же!? Эти канальи как услышали мой свисток, так и дали деру в проходные дворы.

– Городовой прищурился, уставил на Сугробина палец и деловито спросил. - Много украли?

Сугробин пошарил по карманам:

-Да нет. Вроде все на месте.

-Тогда повезло тебе, господин хороший. И живой и не ограбленный. Хуже было бы, если бы они тебе шнурок на шею сразу накинули да на «прихватку»³⁰ взяли, а так... Повезло тебе. Улица пустынная... Все уже спит мертвым сном... Тут человеку погибнуть самое распростое дело. И не единая душа не заметит. Главное, то удивительно, отчего же ты так поздно один гуляешь?

Алексей поморщился - тело пронзили тысячи мелких иголок, перед глазами все плыло:

-А... который час?

-Подойдем-ка под свет.

Они встали под шипящим газовым фонарем. На барашковой шапке городского, под башлыком, фиолетово блеснула никелированная ленточка с номером «367». От дыхания ворс шинели на поднятом воротнике заиндевел, на плечах лежит ледяная корка.

-Четверть одиннадцатого. Пошли. Неча тут стоять... Посажу тебя в пролетку. Так что езжай прямо домой. Куда ехать-то тебе?

-На Бассейную³¹.

-О-о... Вон оно как. Барское место... – Уважительно произнес городской и на его лице заиграла почтительно-восхищенная улыбка:

-Стало быть, из господ. Живете тама?

-Да нет. Мне надо к его превосходительству господину Луканову.

Городовой вытянулся во фрунт, поправил шапку и, взяв под козырек, слегка пригнулся:

-Савелию Платоновичу, ваше-ство?

-Да.

Городовой засуетился, отряхивая снег с пальто Алексея и поправляя воротник:

-Ети их в сопатку! Теперича на разные голоса аукаться станет. Ох, беда на мою голову! Надо было мне не в свисток дуть, а враз наган достать да и садануть по мерзавцам, да и отправить их прямиком к «червонной даме». Здешний дворник-то пьет, как утка, да спит, как хорек. Жиру, вишь, накопляет. Про пост свой совсем забыл, каналья! Самое настоящее дело пришло, а он спит себе! Хотя, он ныне после бани. Ведь суббота же. Да и мужик он старательный, мухи не обидит. Но все едино, вот задам я ему перцу, как проспится! Враз у меня похудеет! Ох, да поскорей бы ввели стол учета дворников, а то домовладельцы без ведома полиции берут на службу всякую неблагонадежную шваль. Пойдемте, ваше-ство. Посажу вас в пролетку. Доедете в наилучшем виде. Прошу вас... А то опять, не ровен час, жиганов встретите. Люди-то они бывают разные: один, что нехорошее сделать подумает и то уже мучается, а другой отца родного пустит гулять нагишом, а мать зарежет так и глазом не моргнет. Для таковских-то все хорошее - позор, все бесстыдное - шик...

Выйдя на Вознесенский проспект, городской громко крикнул извозчика, бережно усадил Алексея в крытую пролетку и приказал возчику:

-Сыпь на Бассейную! И смотри у меня, каретник, чтоб все в аккурате было!

Извозчик сочувственно покачал головой и, почти навалившись на Алексея, заботливо прикрыл его ноги кизыльбацким ковром:

³⁰ На «прихватку» взять - задушить.

³¹ Ныне улица Некрасова.

-Ахти беда, барин! Штой-то деется! Ни днем, ни ночью от мазуриков покоя нет. Чего хочешь оттягают. Да мы вмиг доставим! Куды ни шло, да то запросто! – После гикнул, свистнул, молодецки гаркнул, ударил хлесткой плеткой по крупу и сытая, удалая каурая, разметая снежинки на тротуаре, взяла с места в галоп. Ледяной вихрь дохнул в лицо колкой снежной крупкой...

Офицерская поползла вспять, затаив дыхание, вслушиваясь своими черными окнами и подворотнями в ночь. Гулко хлопнула дверь парадного. Невысокая, с округлой спиной старушка, укутанная в шаль и в валенках, вышла на тротуар, жалостливо заморгала – Ах, сердешный! - и посмотрела вслед. Повеяло стылой, непроницаемой тишиной и только сверкая синевой летела изморозь...

Глава 24

Как ни хотел Сугробин скрыть от Луканова следы уличного нападения, ему это не удалось. С правой стороны нижней скулы багровела ссадина, и Савелий Платонович сразу ее заметил. Помимо ссадины обнаружилась шишка на темени – по всей видимости, Алексей одновременно с ударом в челюсть получил и удар тупым предметом сзади по голове, отчего и потерял сознание.

Восстановив совместными усилиями хронологию события, выяснили, что Алексей находился в бессознательном состоянии минут десять-двадцать. Налетчиков было двое. Первый, тот, что был с ножом, специально сделал вид, что струсил и удирает. Задачей второго было отвлечь внимание Сугробина от первого, «убежавшего» налетчика, который и ударил сзади по голове, по всей видимости, палкой. Тактика известная и безотказная, но обыкновенно она заканчивается ударом ножа в почки или кистенем размозжали голову. Следовательно, рассудил Луканов, основной задачей налетчиков было не убийство и последующее ограбление Алексея, но нанесение побоев. На глупость и нелепицу заезжих хануриков это явно не похоже – все выполнено профессионально, аккуратно в меру, чтобы только напугать или предупредить.

То, что Алексей, находясь в бессознательном состоянии, не был ограблен, укрепило Савелия Платоновича во мнении, что нападение на его помощника было совершено не с целью ограбления, но как акт устрашения и явно по чьему-то указанию, что чрезвычайно встревожило пристава. Основательно расспросив Алексея, Савелий Платонович передал его заботам Митьки с наказом вызвать доктора Брюна, а сам срочно уехал в Сыскное управление.

Через полчаса в кабинет Луканова доставили снятого с дежурства городского «№ 367». Допрос показал, что городской не видел налетчиков и, обходя свой участок, обнаружил Алексея совершенно случайно.

Следом привезли заспанного и еще не протрезвевшего дворника дома, возле которого произошло нападение. Дворник вообще ничего не видел и не слышал и через час был отпущен домой.

Осмотр места происшествия также ничего не дал и дело о нападении на помощника пристава Сугробина Алексея передали для сыска и дознания в околоток Адмиралтейской части.

Не выпавшийся частный пристав фон Боулен, зло скрипя зубами, недолго думая поднял среди ночи на ноги всю Адмиралтейскую часть. По его приказу наряды городских спешно провели облавы по всем известным притонам, ночлежкам и прочим подозрительным местам, руководствуясь «Сигналетурой Сыскного управления Департамента полиции Санкт-Петербурга»³²:

«За злонамеренное нападение с нанесением телесных повреждений на помощника пристава Сыскного управления надворного советника, его высокоблагородие г-на Сугробина РАЗЫСКИВАЮТСЯ:

1. Мужчина в возрасте двадцати пяти - двадцати восьми лет, ростом примерно восемь вершков³³, худощавый, с бледным лицом, большими, припухшими глазами. По виду мастеровой.

Одет: поношенное полупальто темного цвета, черные тупоносые сапоги без галош.

2. Мужчина в возрасте двадцати - двадцати пяти лет, ростом примерно восемь вершков, , худощавого телосложения, с чересчур длинными руками и нижними конечностями, сутулый. По виду крестьянин.

Одет: поношенное полупальто темного цвета, сапоги крестьянского кроя».

³² Сигналетура – приметописание (для редактора).

³³ В то время было принято сокращение и рост взрослого человека определялся в вершках свыше обязательных для нормального человека двух аршин - 1 м 42 см. Посему, указание на рост 8 вершков соответствует современному 178 см.

Приметописание явно неполное, но обычно чиновники антропометрического бюро департамента полиции не проявляли особого рвения в описании примет подозреваемых и потому большей частью фигурировали отметки: «нос средний», «лицо овальное», «брови скошены», «волосы прямые» или просто - «особых примет нет». Но на этот раз, указав рост разыскиваемых, они заметно расстарались.

Тишину ночи рассек звон выбитого стекла и протяжный зловещий свист. Поднятые по тревоге квартальные и городовые, подогреваемые чувством долга и служебным рвением, ретиво хватили всех, кто хоть чуточку сходил за сигналетуре. Мало кому удалось улизнуть от полиции - уйти по крышам, по подвалам или через черный ход. Всю ночь между Фонтанкой и Большой Невой хрустели подернутые льдом лужи, раздавались свистки городских и дворников, визгливые крики, шум выбиваемых дверей, сильные с перепоя проклятья...

На Английском проспекте случилась даже стрельба и падение с шестого этажа двух беспаспортных личностей, которых полиция уже давно разыскивала – они пытались по доске перейти на крышу соседнего дома, но, на их несчастье, доска оказалась обледенелой. Один из них крученный жиган, что по весне зарезал и ограбил вейку³⁴; а другой фраер-тряпичник, но с родной сестрой жил, как с женою. Установить личность погибших смогли только дактилоскопическим методом.

Ночь тянулась томительно долго. К утру все камеры Адмиралтейской части были забиты под завязку. Началось долгое и нудное дознание – кто и откуда? Какого звания и каких занятий? Отчего и зачем пожаловал в столицу? Да и не в бегах ли вы? И на что живете, и по какому адресу прописаны? В общем, обычная полицейская процедура.

Возвращаясь в четверть одиннадцатого дня домой, Савелий Платонович подчиняясь тревожному предчувствию, купил воскресный номер «Петербургского листка» и на первой полосе увидел крикливый заголовок «Злодейское нападение» и статью господина Экзекутора. Содержание статьи вынудило его крепко задуматься.

Глава 25

В ночь на воскресенье 22 декабря Тюрину снился нескончаемый кошмар, как будто Шаганов, говоря зловеще: «Ну что? Я уже там и мне без вас скучно», с кистенем в руке приближался и все никак не мог приблизиться к нему. Арнольд Владимирович порывисто ворочался, так, что трещала кровать, временами тяжело стонал и престрашно скрежетал зубами, чем привел Варвару Андреевну в жуткое волнение.

Под утро, ни свет, ни заря, его разбудил посыльный Константина Михайловича с непреклонным требованием срочно явиться в особняк великого князя. Перепуганный ночным кошмаром и столь грозным ранним приглашением, под заглушаемый подушками причитания супруги, Арнольд Владимирович просыпаясь чуть посидел на кровати, ровняя туда-сюда голову и зажав ладони меж колен, в крайнем отчаянии быстро оделся, на ходу съел пару вареных картофелин с кусочком пареной семги, как смог привел в себя порядок и, сев в сани, сипло крикнул кучеру – «Гони!»

Константин Михайлович принял Тюрина в уже знакомой нам малой гостиной. На нем фиолетовый халат с большими изумрудно-зелеными попугаями, что наброшен поверх шелковой пижамы цвета красного вина. На ногах мягкие туфли с загнутыми вверх носками и без задников, на голове сетка, предохраняющая прическу. Затхло пахнет жасминовой эссенцией. Тусклое утро пробивается сквозь мохнатые, заиндевевшие стекла окон, но в гостиной горит яркий свет, что было неблагоприятным признаком – великий князь обожал полумрак и полный свет означал крайнюю степень его озабоченности.

Вместо приветствия Константин Михайлович грозно процедил:

-Ну что, невозмутимый краснобай? Если вы вдруг решили, что я пригласил вас на ранний фуршет с граммофоном, то вы крупно ошибаетесь. Может быть, вы задумали выйти из нашего дела, потому что находите его слишком опасным для себя, особенно после некоторых неприятных происшествий случившихся в последнее время? Возможно также, что вы рассчитываете заработать где-нибудь в Нижнем или в Москве в пять, да что там в пять – в десять раз больше? Да вы, сударь, у меня попрошайничать будете, да не на Невском, но на Песках. Здоровье у вас, надо думать, не очень крепкое? Ведь вам, благодетель нищих, придется в холоде и слякоти, да среди чахоточных плевков милостыню просить, что совсем не полезно человеку страдающему одышкой и подагрой.

³⁴ Вейка – в СПб финн извозчик (от финского *veikko* – друг).

Арнольд Владимирович, остановился в дверях, рука его застыла на дверной ручке и он нервно озирается, лихорадочно соображая, хватит ли у него храбрости пройти в гостиную. Ноги в коленях подгибались и он боится, что попросту шлепнется на пол. Лицо его покрыли красные, как раскаленные угли, пятна. Сейчас он напоминает безмерно истаскавшегося гимназиста, душа которого окончательно провалилась в пятки. Внезапно румянец сбежал с его круглого лица и он до синевы побледнел:

-Что вы, ваша светлость! Как можно! – Тюрин наспех перекрестился. - Да если бы это было так, я не пришел бы сейчас к вам.

-Вот как? А почему бы, собственно, и не пришли бы? Вы, верно, приберегли для себя сферу чистого творчества. Этакую подготовку сюрприза, что зальет меня патокой совершенно? Или вы, что вернее, решили просто шантажировать меня? Видимо у вас крайне вредное для здоровья кишение идей в голове. Но, может, вы хотите просто избавиться от меня? Однако ж уверяю вас, что проще всего это сделать именно с моей помощью. Вы же верующий человек и не должны забывать, что к аду, который вам могут устроить на земле, добавится еще и ад, нетерпеливо ожидающий вас в загробном мире.

-Клянусь господом...

-Молчите, сударь! И не говорите ничего, прежде чем твердо не убедитесь, что говорите правду. Впрочем... Что с вами? Вы плохо спали?

-Почитай, что и не спал вовсе. Голова, как котел. Так и гудит. А во рту какая-то гадость. Всю ночь с думами своими разговаривал. Поверите ли, чувствовал, как у меня словно извилины шевелятся. Бедная моя головушка!

-С думами значит? Шевелятся. Ну-ну... Недурно и полезно. Скажите начистоту, что, помимо ночных бесед со своими думами, вы делали после нашего с вами разговора в пятницу двадцатого числа?

-В каком смысле?

-В смысле!? – Князь немного повысил голос. – Я имею в виду Шнейфера, сударь! Вы встречались с ним?

-Он был... Он был у нас вчера. Был нечаянно. Гадал он...

-Прекратите! Я человек крайне доверчивый, но поверить чтобы Экзекутор вдруг уверовал во всякие там гадания?! Это уж слишком. Сей писака верит лишь в силу власти и деньги. А вы мне тут небылицу намереваетесь рассказать, что, дескать, Экзекутор со сломанной ногой добровольно явился к вам, дабы узнать посредством карт свое будущее!

-О господи, да ведь это правда! Ну...

-Перестаньте нукать! – Рявкнул Константин Михайлович. - Говорите – когда вы с ним встречались?

-Вчера.

-Допустим. Вы сами его пригласили?

-Сам... Или супруга... Впрочем нет. Не знаю. Он сам пришел.

-Грандиозно! И не стойте столбом. Потрудитесь войти и поплотнее закройте за собой дверь. – Князь скупым жестом показал на кресло. – Расскажите все подробно. Учтите это крайне важно.

Тюрин закрыл дверь и осторожно пошел, стараясь не наступать на линии геометрического рисунка ковра. Ступал он медленно, стремясь точно определить, куда следует поставить ногу. В голове его, как заезженная граммофонная пластинка, неслась бесконечная мысль: «Прямые линии - это на самом деле ядовитые змеи. Если я наступлю на одну из них, то она меня укусит, и я умру еще до того, как дойду до кресла. А если я пройду по ковру и не наступлю на линию, то все будет хорошо, все обойдется».

-Что вы там скачете? У вас что - в паху свербление невообразимое? Вы, сударь, психопат или кокаинист, как знаменитый специалист по фосфоресцирующим собачкам мистер Шерлок Холмс³⁵. От вас, верно, даже ваша же тень шарахается. Вас надобно лечить фрейдистской вздором или по системе дао, что вовсе чушь несусветная.

-Да так, знаете ли... В общем, ничего особенного. – Пробубнил Тюрин, левый уголок его рта дрогнул, а правый глаз рефлекторно подмигнул. Трясущейся рукой он вытащил из кармана платок и с силой обтер лоб. – Но отчего психоанализ вздор? По-моему...

-Да бросьте вы, сударь! Страх наскучить доктору причина постоянного беспокойства пациента в сеансах психоанализа. Вот вам и вся причина вздора психоанализа «а ля Фрейд».

³⁵ Артур Конан-Дойль «Знак четырех», глава 1.

До кресла Арнольд Владимирович, разумеется, дошел благополучно. Сел и энергично почесал нос:

-Ну... Экзекутор пришел погадать и заодно попросить у меня горячую тему для статейки. Ну, я ее и присоветовал ему...

-Вот как! А подробнее? Что это за тема? Верно о возвышенном, о литературных зарисовках Александро-Невской лавры, например.

-Нет, разумеется. - Губы Тюрина мелко вздрогнули. - О недостаточности работы сыскной полиции.

-Отлично! Эта тема воистину злободневная. Я бы даже сказал – забавная. Особенно учитывая, что вы сами-то кто? Неужто законопослушный подданный его императорского величества, что затеял на досуге рассуждать о справедливости и законности? – Князь поднял указательный палец и наморщил лоб. - Для вас, сударь, видно, мир перевернулся. Вы тысяча и одно забытое чудо, полагающее, что уголовные наказания установлены, но не применяются. Но вот это совершенно напрасно. В России, да будет вам известно, приговаривают не просто к лишению свободы, но и, что самое ужасное, отнимают свободу побыть хоть изредка в уединении. – Князь перебросил Тюрину газету. - Это вот пачкотня и есть ваша тема?

Дрожащими руками Арнольд Владимирович раскрыл газету и надолго застыл с ней в руке:

-М-м...

-Да что вы там мычите? Ну же... се наив... Читайте вслух!

«ЗЛОДЕЙСКОЕ НАПАДЕНИЕ

(получено по телефону декабря 22 числа, сего года)

Накануне поздно вечером на Офицерской улице совершено разбойное нападение на адъюнкта сысского пристава Сугробина Алексея.

Г-н Сугробин известен нашим читателем как деятельный участник сыска и дознания по скандальному делу убийства адвоката Радецкого в Александрийском Императорском театре и розыске списка барона де Рэ, близкого друга Жанны Д'Арк.

Полицией был незамедлительно проведен осмотр места происшествия и допрос свидетелей. Но ни осмотр, ни допрос ничего не дал.

Но наш криминальный обозреватель, знаменитый Экзекутор обращает внимание публики на один, тщательно умалчиваемый полицией факт: оказывается всего лишь в версте от Зимнего дворца, целые кварталы являются грязными притонами, так называемыми «малинами» для всякого рода бродяг и жуликов. Факт многозначителен, принимая во внимание то, что всего лишь через неделю настанет торжество Нового Года и августейшая семья прибудет из Царского села в Зимний дворец для встречи Нового Года, празднования Рождества Христова и государственных приемов.

Экзекутор спрашивает – доколе Петербургская полиция будет нежиться на печи? Когда же в столице Империи настанет должный порядок? Не пора ли положить конец безделью таким досужим сыщикам как пристав Сысского управления С. П. Луканов? Не пора ли, наконец, приступить к надлежащему несению службы?

Редакция и Экзекутор высказывают горячее пожелание, чтобы перст карающей Немезиды указал преступников свершивших коварное нападение на г-на Сугробина!

Редакция обязуется осведомлять читателей о всех дальнейших событиях.

С места события, специально для «Петербургского листка», А. И. Шнейфер (Экзекутор)».

-Что ж... - Протянул князь. – Ну и ночка выдалась, Кирие элейсон³⁶. Но тема действительно хороша. Ничего не скажешь – умно и хитро. Публика восторженно шелестит манишками и веерами.

Арнольд Владимирович угодливо улыбнулся:

-Ваша светлость... Да я... Я всегда как лучше. Для вас... ваша светлость!..

-Перестаньте! Тоже мне, товарищеская услуга! Этаким добрым жест старого друга! Я же не сказал, что ваша затея хорошая. Статья просто замечательная. Плохая, но замечательная. Но это даже не психологический детектив, это уже психиатрический. Посему пароксизма радости не будет. Более того, напечатана она не в разделе полицейской хроники, но на первой странице огромным акцидентным шрифтом. Вы что? Пошли ва-банк? Захотелось по дешевке получить сильных ощущений? Или вы просто с ума сошли? Этак невзначай и между делом. Может быть у вас приключилась мания преследования? Знаете, вы возбудили у меня жалость к вам, как здорового

³⁶ Кирие элейсон (греч.) - Господи, помилуй.

человека к больному. А мне это очень не нравится. Лучше ответьте как на духу - кто инициировал нападение на Сугробина?

-Как... - Тюрин сглотнул и как смог твердо ответил. – Не я.

-А от кого вы узнали о нападении?

-Мне телефонировал графиня Скаргина. Она квартирует на Адмиралтейском проспекте и жаловалась, что ее разбудил адский шум полицейской облавы. Она и сказала, что было нападение на Сугробина.

-В котором часу телефонировал графиня?

-Примерно в первой четверти часа. Ночью.

-Гм... А она от кого узнала, что нападение было именно на Сугробина?

-Так полицейские и не скрывали. Сами они и говорили. Громко так, до крика.

-Так что, полиция ввалилась и в квартиру графини? Так что ли?

-Да нет, конечно. Но шум, по словам графини, за окном был большой. Кричали все...

-Так от кого же Шнейфер прежде вас узнал, что нападут именно на Сугробина?

-Не знаю. Даже представления не имею. А отчего вдруг прежде меня, ваша светлость?

-А вы думаете, что я поверю в сверхъестественную расторопность Шнейфера? Этакого рыцаря в сверкающих доспехах! Да что там – просто рыцаря света, огнедышащего, но окутанного мелкой изморосью. Газета выходит из типографии в половине шестого утра. До этого ее надо сверстать, набрать и что там еще... В общем, придать ей соответствующий вид. А вы хотите убедить меня, что Шнейфер узнал о нападении в двенадцать ночи? Что ему стало известно о нем даже раньше пристава Адмиралтейской части? Так что ли, сударь? Отвечайте!

Тюрин понуро промолчал.

-В котором часу у вас был Шнейфер?

-Точно не помню. Было много гостей. Вечером.

-Допустим. И до которого часа?

-Ну... Гадание отчасти затянулось... Вроде до без четверти первого.

-Все ясно. Нет ничего опаснее скверных знакомств. Шнейфер! Да эта пищалка для задницы бессмысленна уже сама по себе. По самой сути своей. Он отвратительно выполняет свои функции – толком не пищит и в задницу, пардон, не лезет. Что ж, водою ржавчину не смоешь, а натуру словами не исправишь. Иногда надо и дубиной по голове, чтоб все на свои места встало. В общем так. Подробности меня не интересуют. Это дело с газетной статьей мы уладим, но мы ожидаем от вас выполнения взятых на себя обязательств. Предупреждаю, что если мы заметим, что кто-то нарушает условия нашего джентльменского соглашения, нам не останется ничего иного, как заказать скромный венок с траурной лентой и заверить родных и близких покойного, что мы навсегда сохраним теплые воспоминания об усопшем. Что хочет бог, того и мы хотим, и без всяких там самокопаний и метафизических рассуждений. Верно, вы хорошо сознаете, кого мы пригласим на роль усопшего? Учтите, невыносимых людей нет, есть всего лишь узкие двери. Но эта задачка решается совсем просто.

Арнольд Владимирович стыдливо спрятал руки под столом, подобострастно выгнул шею и медленно, будто восстанавливая в памяти, сказал:

-Да, ваша светлость.

-И что я теперь должен делать? Смотреть, как в следующий раз вы начнете вульгарно тыкать кому-то револьвером в ребра? Вы что, захмелели от одного лишь запаха денег? Разумеется, каждый из нас бывает иногда хоть чуточку полоумным, но не до такой же степени!

-М-м-м...

-Да прекратите вы мычать! Скажу вам по секрету, когда я прочел статейку Экзекутора, я ощутил легкий приступ безумия, вспомнив, сколько денег я уже вложил в наше дело. Впрочем, я с вами иногда действительно схожу с ума. В этом одно утешительно - у сумасшедших прямая связь с богом. Вам же, сударь, сумасшествие явно не грозит.

-Почему, - механически спросил Тюрин.

-Как почему? Так сходить же не с чего! Вам бы, разве что, болтофобией заболеть. Вы банальный диссимулянт³⁷. И хватит об этом. Экзекутору уже досталось на орехи, теперь же он будет просто ползать на карачках! Любовью ведь невзначай и убить можно. В общем – так. Этак дословно и занести в свою персональную «Книгу судеб», повторять не буду: устраивайте свои оргиастические мессы как вам угодно, но впредь никаких силовых и печатных акций без моего одобрения. И это

³⁷ Диссимуляция - сознательное стремление скрыть свои, болезненные расстройства.

вовсе не вопрос темперамента. Уяснили? - В голосе Константина Михайловича прозвучали жесткие чугунные удары.

-Да, ваша светлость.

-Вот и ладно. Ваша статья из разряда придурей. Даже смерть Наполеона на Святой Елене прошла незамеченной, разве что побудила ностальгически вздохнуть несколько стариков. Эта же статья взбаламутила весь Питер. Теперь полиция примется шерстить всех! Вы понимаете? Всех! Мой вам совет: озаботьтесь-ка лучше своей личной безопасностью, нежели о покое на столичных улицах и неприкосновенности сыскных приставов и их помощников. Современное коммерческое право оставляет множество лазеек, в которые умный человек вполне может проникнуть. Причем проникнуть так, что у бухгалтера в графе «налоги» всегда будет значился твердый ноль. Дело это, не в пример насилию, выгодное и безопасное. Вы все поняли?

-Дык...

-Без «дык». Я вполне понимаю, что с дурными привычками трудно расставаться. Но молчать легче, когда сознаешь, что молчание - это не столько золото, сколько жизнь.

-Да... да. Я понимаю.

-Вам что? Денег мало? У вас их завсегда хватит. Уяснили? Так и впишите в ту же «Книгу судеб», великий князь сказал: денег у вас завсегда хватит. Поняли? Но! Только если мы с вами с огромным везением завершим сделку купли и продажи некого обширного участка земли.

-Понял, ваше сиятельство. - Тюрин мизинцем потрогал бровь и фальшиво весело сказал. - Ну, сплошное невезенье...

-Невезение, сударь, это когда человек хочет большего, чем может. Нужно брать деньги всюду, а не распространяться о том, откуда они взялись...

-Вы правы, ваша светлость! Просьбица у меня...

-Очередная завиральная идея? Ол-райт! Даю за нее двугривенный, но только банковским чеком и более вас не задерживаю. - Князь устало махнул ладошкой. Задумчиво посмотрел на Тюрина и сказал почти дружелюбным тоном. - Таких, как вы, обычно затапывают, мимоходом проходя по своим делам. Но считайте, что ваша молитва услышана и более не утруждайте меня своим присутствием. Наступило время аперитива. Кроме того, я только что из Царского села. Всю ночь за ломбером с Фредериксом и Мосоловым. Под утро Фредерикс сдал себе короля и две сверху, взяв банк в последнем коне. Так что сил моих больше нет.

Но должен вам заметить, что больше всего несчастий приносят именно те вещи, которые кажутся слишком нелепыми, чтобы о них стоило задуматься всерьез. Наилучших пожеланий, Бридж ты мой подтасованный... Цена вам ныне грошok, а за пучок таких как вы, дадут лишь пятачок. Не беру в толк, почему я делаю для вас больше, чем достаточно. Идите и помните, что не с проста говорят - «Многая знания таят многая печали».

Повеяло сыростью могильного тлена... Тюрин прекрасно понял, что скрывается под тонкой иронией великого князя. Если уж тот решил, что кому-то пришла пора переселиться в мир иной, этот человек уже покойник, даже если еще беззаботно наслаждается жизнью, сочным куском бефстроганова или фужером «Уайт Лейбла» со льдом и апельсиновым соком. Ох, как верно заметил Пушкин в «Борисе Годунове»: - «Не должен царский голос на воздухе теряться по пустому». Скукожиться бы да и забиться в норку и сидеть себе там в тепле и уюте.

Арнольд Владимирович по-бабьи всхлипнул, непрспаные глаза его часто заморгали и ему вдруг мучительно захотелось вдохнуть хоть глоток свежего воздуха. Вдохнуть без оглядки и полной грудью... Но, словно сквозь вату, глухо и призрачно долбили его голову ужасные слова князя - «кого мы пригласим на роль усопшего?». У господина Тюрина в раз пересохло во рту и словно пчелиный рой пошла кругом голова. Кончик его языка вывалился из уголка рта, глаза лихорадочно заблестели, он порывисто заткнул уши, чтобы не выплеснуло мозг от гулких и тяжелых ударов сердца и про себя произнес: «Господи, спаси и помилуй мя, грешного! Да и пусть зовут меня Бриджем. Да хоть Покером, Преферансом, Пасьянсом, пусть даже Подкидным, если кому так больше нравится! Только чур меня! Спаси и сохрани! Но, может, я уже действительно покойник и уже на кладбище, да в сырой могиле... Бр-р-р...».

Богохульство, поросшее жировыми складками, всюду скалилось в глубине его души, приглашая свершить тяжкий грех. Только вот неясно какой - толи убить великого князя, толи себя.

Сейчас у него не было выбора и единственное, что осталось так это лишь молчать да поеживаться и уповать на божий промысел, в который господин Тюрин никогда не верил. И именно поэтому покидать лучшим из миров, Арнольд Владимирович благоразумно не спешил. Однако критическая ситуация, в которую он угодил, имела и положительное свойство: приятно время от

времени переживать обиженность, обманутость, обделенность, именно эти чувства, как ничто иное, пробуждают у окружающих переживания собственной вины, жалости, раскаяния и желание хоть чем-нибудь помочь. Этакое психологическое кокетство, лживое по сути, как и всякое внешне невинное желание понравиться. Потому мысли его были бессвязные, иногда откровенно глупые но, как ни странно на первый взгляд, очень приятные.

Но внезапно, до физического ощущения в затылок, навязчивого желания оглянуться, он ощутил на себе чей-то пристальный взгляд...

Глава 26

Двадцать второго декабря в половине одиннадцати утра по срочному вызову в Министерство Внутренних Дел прибыл его превосходительство министр Дмитрий Сергеевич Сипягин. Прочитав рапорт пристава Адмиралтейской части фон Боулена, и статью Экзекутора, опубликованную на первой полосе «Петербургского листка» Дмитрий Сергеевич пришел в необычайное волнение – импульсивно, несмотря на дородность, вскочил, судорожно провел рукой по залысине, машинально оправил бороду, а в голове его неожиданно грянули медью объединенные полковые оркестры, заиграв гимн композитора Львова - «Боже, Царя храни!».

-Боже мой! – Воскликнул Сипягин - Недели не хватит навести порядок! Но через неделю государь с семьей... встречать Новый Год! Традиционный бал-маскарад в Зимнем! А шестого января на Неве перед дворцом традиционное водосвятие. Уже вовсю возводят Иордань! Будут все! Прошерстить!! Просеять мелким ситом весь Питер!!! Трутни, мать вашу!.. Не столица, а вертеп! А газетным писакам я наконец таки проставлю все запятые! До самой последней, а заодно и все двоеточия! Мало им публиковать фривольные карикатуры, так еще... Ах, мерзавцы!.. - Министр побледнел, схватился за сердце и плюхнулся в кресло. Его розовые губы, прятавшиеся в бороде, как губы почти всех бородатых мужчин, казались влажными и голыми, а сейчас они свернулись в трубочку, словно министр пытался произнести букву «о».

Товарищ министра и, по совместительству, шеф корпуса жандармов, а в недалеком будущем и сам министр МВД, князь Петр Дмитриевич Святополк-Мирский, ловко - словно на пружинах - без лишних церемоний, поднес Дмитрию Сергеевичу стакан воды и пояснил, что согласно дворцовому этикету ни один из членов императорской семьи не вправе заходить ни в магазин, ни в трактир, ни в какое иное публичное место, к коим относятся и улицы. И что рапорт частного пристава совершеннейшая и прозрачная до очевидности выдумка, отражающая желание самого пристава выслужиться и получить медаль «За верность и службу».

-Но спешить с награждением не стоит. – Сделав многозначительную паузу, снисходительно произнес Святополк-Мирский. – Пристав Адмиралтейской части по жизни весьма неприятен и неряшлив, а на последнем смотре так от него вообще отдавало сивухой и он подозрительно усмехался. Непонятно только над чем. Да и что это за улыbanие без причины? Надобно еще проверить, что эта за пташка, а заодно пригласить орнитологов из охранного отделения и досконально обследовать соотношения между узором перьев, очертаниями крыльев и формой клюва. Помимо того, нет у пристава делового подхода к делу, да и внешность, не приведи господи - длинная лошадиная морда и огромные зубы, а уши, будто листья лопуха. Фамилия же околоточного и вовсе неблагонадежная – фон Боулен.

Последний аргумент окончательно убедил русофила Дмитрия Сергеевича, что пристав более заслуживает взыскания, но никак не медали. Петр Дмитриевич точно знает чего хочет, а чужая уверенность всегда убеждает.

-Статейка газетного писаки, - продолжал тихо и монотонно говорить Святополк-Мирский, преданно смотря на шефа, с каждой секундой испытывая к нему все большую любовь и уважение, - вообще не стоит внимания. Известно, что в Царскосельском дворце газет не читают, а если какую и просматривают так это только заграничные.

Дмитрия Сергеевича уверенно-надежный вид Петра Дмитриевича отчасти успокоил, но в груди его растекся холодок страха... Тем не менее, Сипягин бодро и убедительно отвечал на телефонные звонки градоначальника Клейгельса Николая Васильевича и гражданского губернатора столицы Толь Сергея Александровича, заверяя их в абсолютном спокойствии и безопасности улиц Санкт-Петербурга. Он говорил с ними целый час, подробно все объясняя, а когда закончил, отступил на шаг от стола, слегка покраснел и тонкая, похожая на рыбу нижняя губа его непроизвольно зашевелилась.

Отдышавшись, и выпив холодного мятного чаю с коньяком, Дмитрий Сергеевич сумрачно пробормотал: «Если я и не утешусь, то хотя бы потешусь», распорядился соединить его с

полицмейстером и директором Департамента полиции Сергеем Эрастовичем Зволянским, но прозвучал звонок из Царскосельского дворца.

Делопроизводитель министра приложил кончик указательного пальца к губам и, протягивая трубку, прошептал – «Его императорское величество!». Голос его прозвучал нежно и томно, напоминая звук медленно рвущегося шелкового лоскутка.

Глаза Дмитрия Сергеевича подкатились под веки, так, что не стало видно зрачков. Замирая от нехорошего предчувствия, он встал по стойке «смирно», двумя пальцами взял трубку, и слушал молча, щеки его побледнели, ноздри стали подрагивать...

Выслушав. Сипягин осторожно положил трубку, медленно опустился в кресло, рассеянно провел ладонью по столешнице своего огромного письменного стола и вновь потребовал соединить его с полицмейстером и директором департамента полиции.

Воскресенье для Дмитрия Сергеевича выдалось весьма мучительное.

Глава 27

Выпроводив Тюрина, великий князь Константин Михайлович остался в гостинной. Пришедшая во время разговора с Арнольдом Владимировичем мысль, что газета выходит из типографии в половине шестого утра, а до этого ее надо сверстать и подготовить, не давала ему покоя. Что-то в этой истории не связывалось. Смакуя, он выпил уже второй бокал аперитива, когда ему доложили, что репортер Шнейфер доставлен.

-Давайте его сюда. – Брезгливо бросил Константин Михайлович и мефистофельски усмехнулся. – Только постелите что-нибудь на кресло, не-то эта пукальная пищалка его ненароком замазает.

Отдуваясь и пыхтя два лакея внесли смертельно бледного Шнейфера.

-Куда велите усадить этого, ваша светлость? – Спросил один из них.

-Да он постоит, помилуйте, - бросил второй, – не велик барин-то. Их светлость и так прогневаются изволят.

-Я постою-с. – Судорожно сглотнув, согласился Шнейфер, прячась в свои мутно-слезливые темные глазки. Встретив взгляд великого князя, он сконфузился и покраснел ушами.

-Да уж извольте присесть, сударь. – Рассекающим голосом произнес Константин Михайлович, после поджал губы и нахмурился. - Сделайте одолжение. Прошу вас. Вы не в казарме. К чему официальность? Да сядьте же вы, наконец!

С заискивающей улыбкой Адам Иванович осторожно, как на гвозди, опустился в кресло, выставив прямо левую ногу в гипсе. Константин Михайлович натянуто благодушно осмотрел репортера:

-Господин Шнейфер, я прочитал в газете о ваших неприятностях и намерен начать с того, чтобы просто по-человечески поговорить с вами. Отчего-то, сам не знаю отчего, мне вдруг показалось, что для вас сейчас самое время подумать о душе, о другом, наверно, уже поздно. Вы же, как репортер, знаете - единственная истина, ради которой живет человек, это... поиск самой истины. Вы согласны со мной?

-Да, ваша светлость. – Дрожащим голосом тихо произнес Экзекутор-Шнейфер. Глаза его пошли вкось. – А... О... А о каких моих неприятностях вы изволили прочесть?

-Ну, как же о каких? Я говорю о вашей статейке, в которой вы поведали миру о нападении на помощника сысского пристава Сугробина. Вы понимаете, о чем я говорю?

-Да... Наверно, ваша светлость.

-Вот и прекрасно. Тогда, Адам Иванович, расскажите от кого вы столь заблаговременно, я бы даже отметил, что просто предусмотрительно узнали о готовящемся уличном нападении на Сугробина? И попрошу не растекаться мыслью по древу – скажите конкретно и точно: от кого и когда.

Экзекутор испуганно сжался и сейчас напоминал сообразительного зверька, попавшего в опасную ситуацию:

-Какой-то сплошной ужас. Лучше застрелиться.

-Мысль недурная. Но прошу вас повременить с ее воплощением. Стреляйтесь себе на здоровье после нашего разговора.

Повисла томительная пауза.

-Так кто же из нас начнет говорить? - вопросительно вскинул брови князь. - Может, бросим жребий?

-Что вы, ваше... с-сия-тельство. - Казалось, Адам Иванович завилял всем телом, в восторге оттого, что вопрос великого князя о жребии обращен лично к нему.

Константин Михайлович раскурил сигару и задул спичку:

-Тогда вы и начинайте. Вы же у нас счастливый обладатель древнейшей профессии собирателя слухов и сплетен, который, судя по всему, просто мечтает снять груз умалчивания со своей души. Так давай начнем создавать дружеские отношения.

Минуту-другую Шнейфер молчал, пытаясь выбраться из лабиринта мыслей... Потом, что-то вспомнив, стрепенулся, но тут же снова забыл и поник. Не найдя ничего лучшего он спросил:

-А кто такой Сугробин, ваша светлость?

-Сугробин? – Князь хмыкнул и потянулся, было к аперитиву, но налил себе сельтерской. Выпил и вздохнул. - Чудный малый, вам бы он понравился. Голова - во! - Константин Михайлович раздвинул руки как заядлый рыбак. - Ума в ней... - Тут князь собрался еще шире раздвинуть руки, но передумал. - Я вижу некоторые уже тыкаются и пыхтят, пыхтят и тыкаются, заранее предвкушая удовольствия. Но ныне удовольствий не будет. Скажите, вы всегда были с загипсованной ногой? Или это у вас осложнение после, ну скажем, инфлуэнции?.. – Князь кивнул на левую ногу Шнейфера в гипсе.

-Что? – Не понял Адам Иванович. В голове его захороводились пустые вопросы: «Кто - я? Что - я? Как меня зовут? Как попал сюда? Господи, ведь должно же у меня быть какое-то имя... положение в обществе. Но какое... какое?». Полная бессмыслица скрипящей доской распирала его голову и путала мысли. Он почувствовал резкий запах собственного пота, а лицо его озарилось страстным желанием подкачки:

-Простите меня, ваша светлость! Мы люди подначальные. Я немного растерялся. Ваше любезное приглашение... это такая честь для меня.

-Вот и прекрасно. Я вижу, вы постепенно приходите в себя от изумления. Так что? Вспомнили, кто такой Сугробин?

-Разумеется, ваша светлость. Вспомнил доскональнейше.

-Отлично! А то знаете, задавать каверзные вопросы, стараясь уличить вас во лжи... Утомительное и весьма скучное занятие, право. Возись тут с вами. Терпеть же скуку вовсе не то занятие, которому я люблю предаваться. Посему, я вас внимательно слушаю.

-А что вы хотите выяснить?

-От кого вы узнали о готовящемся нападении на Сугробина. Всего только. Это такая малость. Ну же, не томите.

-Как? Простите? Ах, да! Конечно, конечно... - Шнейфер смутился, будто его незаслуженно уличили в чем-то согрешила и он произнес секретным шепотом. - Сугробину я не враг. Но и не друг.

-Вот и ладно. Так отчего тогда время тратить? Безусловно, вам, быть может, уличное нападение на Сугробина покажется слишком оторванным от реальности. Но это не совсем так. Реальность в данном случае вообще не имеет никакого значения, а важно лишь то, что началась череда некоторых событий, о которых вам лучше и не знать. У каждого в жизни есть своя стратосфера.

-Стратосфера?

-Я вижу, что пустословие для вас, Адам Иванович, из разряда необходимых физиологических потребностей. Но не делайте глупости, принимая покой обреченности за обреченность на покой. Не требуйте слишком многого от своего ангела хранителя. О нападении на Сугробина в Питере все воробьи чирикают. Неужто вы хотите мне сказать, что ничего не знаете о нем? Я крайне удивлен и огорчен.

-Накануне нападения мне телефоновали в редакцию...

-Вот. Уже значительно лучше. Осталось только выяснить, кто именно вам столь своевременно телефоновал.

-Я не знаю. Голос мне незнаком. Но представился он мещанином Рукодеевым Ефимом Даниловичем.

-Да? Все стало ясно, как божий день. А этот мещанин Рукодеев персонаж из не опубликованного или из не написанного?

-Ваша светлость, это истинная правда.

-Ну что ж. Маловероятно и не слишком убедительно, но... И что же вам поведал мещанин Рукодеев?

-Что нынче вечером будет совершена акция устрашения в отношении известного мне Сугробина.

-Рукодеев назвал вам точное время акции?

-Нет. Но он порекомендовал мне этот вечер провести в доме господина Тюрина. Как бы для моего алиби.

-Алиби? А вам-то оно зачем?

-Ну, так отдавать материал в номер о событии, которое только должно произойти... Я поверил Рукодееву и согласился с его доводом, что мне лучше провести вечер на людях. Но в глубине души моей теплилась ехидца...

-Что там у вас теплится? – Князь сморщился. - Вы же журналист, сударь! Не филолог какой-нибудь. Потому должны знать, что ехидство от ехидны, то есть змеи. Змея хладнокровна, следовательно словечко «теплиться» здесь не уместно. А впрочем, вы же у нас свободный философ-чертоискатель. Этакая внезапная знаменитость, которой многое дозволено.

-Ваша светлость! – Взмолился Шнейфер. – Помилуйте! Ведь я же репортер по природе своей...

-Вот-вот... В коем исследовательская жилка и скрупулезность, столь не свойственная репортерам, сочетается с точным и быстрым проникновением в суть факта. Мастер репортажа с замашками худосочного подмалевщика. Тоже мне... Некто телефонирует, и вы тут же, не сходя с места верите ему. Причем верите настолько, что заходя отдаете статью в номер. А если бы он оказался психически больным? Маньяком? И акция устрашения не состоялась бы? Если бы Рукодеев вас обманул или попросту пошутил над вами? Что тогда? Какой оборот могло принять это дело? Вы подумали об этом? И перестаньте двигать головой взад-вперед как утка!

Шнейфер вздрогнул и замер:

-Тогда? Да хоть головой о косяк. Но он говорил так убедительно, что я сразу же поверил ему. В моей работе важно враз разнохоть – новость с тухлятинкой или без тухлятинки. *A la guerre, comme a la guerre*³⁸.

-Фантастик!³⁹ Тоже мне - последний рыцарь Франции Баярд, именем которого благодарные потомки называли крепость. Вертопрахный газетный хитрун! Этаким разумник лобастый с запасом гусиных перьев за ухом! Жонглер ассоциаций! Нюх ему, видите ли, важен! А Тюрин знал о готовящейся акции? Как у него с нюхом? Он вам хоть что-нибудь говорил о ней?

-Нет. И я молчал.

-Что же вы делали у него дома? – Князь усмехнулся. – Кроме как обнаруживая мужественную невозмутимость и молчаливость.

-Мы гадали. Потом провели спиритический сеанс. Простите меня, ваша светлость! Грех пагубен, но сладок, особенно когда есть хочется. Ведь сенсация мой хлеб. Господи! Что за жизнь? Сплошной клистир! Да мать, его, мать! Лучше б он сдох, мать!..

-Кто? - Удивился князь.

-Да Рукодеев этот. Черт меня попутал! – Глаза Шнейфера заблестели, словно фальшивые монеты.

-Фу! Как все это... глупо... как пошло... – зевнул Константин Михайлович. – Впрочем... В каждом событии можно найти положительные стороны, даже если их нет вообще. Ведь чувства и ощущения - это всего лишь электричество и ничего более. Вы поняли меня, господин Шнейфер?

-Да как вас не понять-то, ваша светлость! Прикажете опубликовать опровержение-с?

-Какое еще опровержение?

-Об акции устрашения в отношении Сугробина. Дескать, ошибка вышла и никакого нападения не было.

-Мда... Видно разум ваш вырос на пище из книг. Этаких бульварных романчиков в мягких обложках, но никак не на «кирпичах» классиков. О нападении на Сугробина стало известно даже в Царском селе, а вы тут о каком-то опровержении изволите говорить. Тоже мне - великий письменник. Талантище, не ведающий о стилевой перегруженности. Незадачливый интервьюер и, если вам угодно, то и очаровательный сочетатель слов. В общем так, если вам вновь позвонит Рукодеев, как угодно, но обязательно договоритесь с ним о встрече и тут же сообщите мне. Впредь никаких несанкционированных сенсаций! Хватит уже. Уверен, вы имеете опыт в таких делах. Мне нет дела до того, что вы пишете, но важно то, что от вашей ловкости и осторожности зависит... Кстати, как ваша

³⁸ На войне как на войне (фр.)

³⁹ Именно так, а не «фантастика» (прим для редактора)

правая нога? Не болит, как, например, левая? И к непогоде тоже не беспокоит? И вообще, как вы себя чувствуете? – Заботливо спросил великий князь.

-Нет... - Лицо Шнейфера перекошил тик: вся правая половина сморщилась, как смятая оберточная бумага, а уголок рта, содрогаясь, потянулся кверху. Он сделал несколько прерывистых глубоких вздохов, чтобы успокоится. – Хорошо... чувствую... себя.

-Я рад. Искренне рад за вас, господин Шнейфер. А то кое-кто уже полысел в битвах с дураками, орущими, например, о приближении демократии или всеобщего равенства. Кстати, вы случаем не читали труд некоего Муникова?

-Какой еще труд? – Растерялся Экзекутор.

-«Пустота внутри и вокруг» называется.

-Никак нет, ваша светлость!

-Напрасно. Труд, надо сказать, выдающийся. В нем доказывается не существование не только читателя, но даже и самого Муникова, да и вообще всего мира. Так что и вас, - Князь скривился, - «милейший», тоже нет. Вы просто приснились сами себе. Не жизнь у вас, но давно забытый кошмарный сон.

-Да? Как скажите, ваше сияте...

-Сюжетец, задуманный Рукодеев вполне театральный, годится даже для одноактного спектакля, но, увы, в анатомическом театре. Так что не стоит входить в раж и закусывать удила, как не стоит и делать ставки на темную лошадку. Высока вероятность проиграть все. Учитывайте, что есть вещи высшего порядка, о которых вам знать не следует. Для вашего же спокойствия. Вы все поняли?

-Да. Помилуйте, ваша светлость!

-Вот и отлично! – Князь добродушно подмигнул. В этот момент за его правым плечом вырос дворецкий, и что-то зашептал на ухо. Константин Михайлович внимательно выслушал, бросил «Иду» и вновь обратился к Шнейферу. - Когда начинают лаять охотничьи собаки, лиса и заяц становятся братьями. Задумайтесь, Адам Иванович, над этой частью уравнения. Посему отныне вы не будете один. Даже если вы этого очень захотите. Все ваши желания тоже не имеют никакого значения. Так же, как любовь к вечерним гаданиям у мадам Тюриной и долг перед газетой, если таковой имеется. Впрочем, ваша газета не годится даже на пипифакс. Этакая проза для купцов, крестьян и мастеровых. Потрудитесь правильно понять мою мысль, повторять я ой как не люблю. Итак, отныне прощай невинные утехы... Вам все ясно, Робеспьер вы наш карманный?

-Да... - Прошептал Шнейфер.

-Отлично! Можете сколько угодно клясться в верности глаголу и эпитету, но мне нужно только ваше понимание. За сим - всего хорошего и adieu. И помните, главное в лечении не перепутать микстуры, в противном случае возможны фатальные побочные эффекты. Надеюсь, вам известен глагол «помнить»? Кстати, «помнить» это все-таки – «думать». Думать, перед тем, как что-нибудь делать. И мой вам совет – пишите лучше о Воссе, что свершает кругосветное плавание в индейской пироге. Или еще о чем-нибудь занимательном и безобидном. Настоящий репортер не ищет факты, а создает их. Хватит думать, как блоха, что собачий зад - весь мир. Да и вчерашний календарь в работе может весьма пригодиться.

-Господи! – Простонал Экзекутор. – Да я этого Рукодеева этак взял бы, раздел догола, обмазал хреном и сожрал бы живьем!

-О как! – Искренне удивился князь. – Каков суспенс! Да вы сударь каннибал! Однако ж во время сей трапезы, не задуйте взволнованным дыханием пока еще слабенький огонек своего оптимизма. Хотя... отсутствие вкуса - залог праведной жизни. А впрочем, это ваше дело – кого с чем есть. – Одарив Шнейфера широкой улыбкой, он вышел.

Выбираясь с помощью лакеев из кресла, Шнейферу вдруг показалось, что будто заморозили его много лет назад, и вот он оттаял и теперь скрипит не сколько гипсом, сколько сосульками.

Глава 28

Утро двадцать второго декабря проснулось хмурым. Низкие тучи и пронизывающий ветер под стать настроению Луканова...

Войдя в ярко освещенную гостиную, Савелий Платонович удивленно прищурился - Алексей, как он его и оставил, уходя в управление, - лежит на диване, на скуле красуется свежий пластырь персикового цвета. Рядом сидит Кристина, глаза ее подозрительно покраснели и слегка припухли, лицо бледное и весьма серьезное. В кресле курит свою ужасную черную сигару доктор Кондратий Петрович Брюн, возле него на маленьком столике зеленоватый полуштоф виски «Глен Клайд»,

рюмочка, высокий бокал с золотым ободком, блюдо со сметками и бутылка содовой воды, явно перенасыщенная окисью углерода. На полу, у ног доктора, всегдашний его саквояж черной кожи.

Безымянный попугай испугано забился в угол своей купольной клетки и подозрительно безмолвствовал, словно враз позабыл все свои сквернословия. Завершал тягостный вид взволнованный и жутко озабоченный Митька, что бесцельно, как одержимый, носился по квартире, то вбегая в гостиную, то стремительно убегая на кухню. Резко пахнет валерианой и йодно-травяной мазью доктора Трише.

-Всем добрый день. – Поздоровался Луканов.

-Ой! Савелий Платонович... - Встрепенулась Кристина. - Доктор сказал, что у Алексея все будет в порядке. Я так рада!

Грузный Брюн чуть привстал, насуплено кивнул и что-то хмыкнул, то ли здороваясь, то ли подтверждая слова Кристины.

-Вот и хорошо. – Сказал Луканов. – А то я по простоте душевно решил, что здесь не хватает священника и прочей братии, вкрадчиво и слаженно читающих отходную. Кстати, нынче день посещения раненых и болезных? Или мне нужно как-то иначе проникнуть в помещение этого импровизированного лазарета... Скажем, через окно или печную трубу?

-Ну зачем вы так? – Кристина потупилась и тихо обратилась к Сугробину. – А ты лежи, Алексей. Не вставай и береги силы. Что тебе потребуется, так ты шепни я принесу. – И немного ворчливо добавила. - У тебя одинаково неизменная любовь к таким разным вещам, как стихи Бодлера и свирепая драка с какими-то хулиганами... Вот уж не ожидала. Забиячный возраст...

-Ну, Алексей, как ты себя чувствуешь?

-Спасибо, Савелий Платонович, боль уже прошла, оставив лишь слабое жжение где-то в глубине...

-Митька! Срочно воды! – Тут же воскликнула Кристина.

-Нет! – Испуганно дернулся Сугробин. – Больше не могу пить. Все! Ни одна капля в меня более не поместится!

-Митька, стой! – Луканов перехватил на бегу слугу. (Митька по инерции чуть не ткнулся в грудь пристава и не опрокинул на него воду) – Что ты носишься со стаканом? Этак добегаешься до цветных видений! Поставь стакан, прими, наконец, у меня пальто и свари нам кофе.

-И не забудь заварить свежего чаю с жасмином для меня и обязательно свари какао с имбирем для Алексея. – Добавила Кристина.

Вжав голову в плечи, Митька на цыпочках вышел в коридор.

-Савелий Платонович, - Сугробин, несмотря на протесты графини, приподнялся и сел, опершись спиной о подушки. Очки его сползли на самый кончик носа. – Защитите меня от лечения. Сил моих больше нет быть пациентом.

-Вот-вот... - глухо проворчал Кондратий Петрович, - многие так говорят, а мне потом приходится неурочные вскрытия делать. Впрочем, в вашем случае, господин Сугробин, диагноз ясен и без аутопсии.

Часы веско, даже как-то многозначительно пробили одиннадцать часов. Последний удар отзвучал не сразу. Еще долго он не то что слышался, а ощущался... вибрировал, словно летал по гостиной.

-Да? И что это за диагноз такой, что превратил мою квартиру в бедлам?⁴⁰ – Поинтересовался пристав. – Да у вас самого, доктор, вид больного.

-Нормальный простудифилис. – Брюн высморкался в необъятный платок. - Вылечу в минуту, как только она появится свободной. По вечерам я делаю себе теплую ножную ванну и одиноко мечтаю о будущем, в котором я непременно буду молодым, стройным, красивым и здоровым. Эти одиночные ночные бдения... Но настает утро и я смиряюсь с тем, что выгляжу неуклюжим, тяжеловесным моржом. Вот так, Савелий Платонович, за одну ночь улечивается моя молодость. Ох!.. Мои вечерние честолюбивые желания или, если угодно, возвышающий душу катарсис самообмана. Воспаряешь, забывая о том, что нет крыльев и пребольно брякаешься на мостовую, так что искры из глаз; сидишь и зевнешь, как вздохнешь - даже рта открыть не поспеешь. Нервная система не может быть одинокой, господа...

-Ну что вы, доктор... Все мечты обо что-нибудь быются, и более всего о сбываемость.

-Отнюдь! Зачастую человек всю жизнь наблюдает лишь за тем, как не сбываются его мечты.

⁴⁰ Бедлам (искаженное Bethlehem Hospital) психиатрическая больница в Лондоне, название которой, в силу творившегося там в XV веке беспорядка, стало нарицательным.

-М-м-м... Но вы, в общем-то, отлично выглядите.

-Это, Савелий Платонович, у меня только вид такой, будто я в восторге от жизни своей и привычного, ставшего уже родным люмбаго. Самое ужасное, что в этой любви к своему сказочному будущему нет начальной стадии тления. А бывало столько радости маячило на горизонте. Верно и сейчас временами тоже маячит, но горизонт уже явно не тот... Господи, не дай мне захлебнуться в буднях. Самое нелепое в жизни не то, что ты стареешь, а то, что тебе грезится, что остался молодым. Но с годами время идет все быстрее и быстрее, и все медленнее и медленнее идут ноги. – Грустно сказал доктор. По всей видимости, он уже успел выпить не одну рюмку виски. Во всяком случае, будь доктор трезв, он ни за что не стал бы закусывать пусть и смешанный, но оригинальный шотландский виски, сметками, зажаренных в масле до хруста.

-Кондратий Петрович, а отчего вы с утра... Или виски вам передан для экспертизы? Но я слышал, что днем алкоголь предвестник алкоголизма...

-Пустое говорить о моих здоровых наклонностях. Да и стоит ли вместо того, чтобы говорить о Дионисе, говорить об алкоголизме. Мой коллега, доктор Голубев, утверждает, что алкоголизм причина многих увлекательных приключений. И верно, вот, скажем, стоит мне только выпить стаканчик, как я тут же становлюсь любопытным. – Доктор с чувством прочел:

Мы пьем и разрушаем этим печень,
Кричат нам доктора в глухие уши,
Но печень мы при случае полечим,
А трезвость иссушает наши души⁴¹.

Что же касается Алексея, то у него ушиб головного мозга. Удар по темечку случился весьма мощный. Я бы, к примеру, от таковского удара попросту отдал бы богу душу.

-Кондратий Петрович, не наговаривайте на себя. По христианскому догмату бог не берет души эскулапов. – Улыбнулся Луканов. – Но бог даст...

-Бог ничего не даст! И у меня по этому поводу нет никаких иллюзий. – Сердито перебил Брюн. – Да я и сам к нему не горазд стремиться. Вот еще... – Доктор возмущенно пахнул сигарой, – не берет, видите ли! Этак всосала черная воронка в иную, райскую жизнь. Да кто сам-то к нему добровольно с его жуткими адами да кошмарными раями пойдет-то? Нужен мне этот ваш бог, как же... Да я и сам тот «аз», который «есмь». И у меня не такое уж нежное сердце, как это, возможно, кажется со стороны. Я старый холостяк и потому человек толстокожий, с малочувствительной нервной системой и довольно бедным воображением. – Кондратий Петрович неожиданно икнул. – Вот, кстати, доказательство, что нет и никогда не было бога, как не было и шести дней творения. Ведь, господа, что такое икота? Сие атавизм, оставшийся рефлекторный механизм от того времени, когда мы, точнее наши прапредки, дышали жабрами. Жабр мы лишились, но механизм остался. А вы тут про бога, создавшего нас по облику своему.

-Ну а если серьезно. – Луканов сел и достал из коробки сигару. – Каково состояние Алексея? Сможет ли он работать или вы, господин доктор, прописали ему строгий постельный режим.

-А-а... – Брюн махнул рукой, посмотрел на Алексея, взглядом повара, оценивающего кроличью тушку и, запрокинув голову, выпил виски. – Б-р-р... Какой там еще режим! Пусть работает, если не спится и не ложится. Нет смысла и заполнять «скорбный листок».

-Следовательно, ограничений нет?

-Ну отчего же... Как доктор рекомендую ограничение умственного возбуждения и физических нагрузок любой природы. – Кондратий Петрович подавил зевок. – Хотя разговоры с разными людьми порой действуют лучше всяких лекарств. Но я бы на его месте, под опекой графини, с превеликим удовольствием поболел и повалялся бы с недельку другую. Графиня сама по себе панацея. Если, конечно, ей это не в тягость. Довольно милое занятие, наслаждаться обществом привлекательной дамы. А завтрак в постели после полудня! Есть в этом какой-то утонченный декаданс и такое удивительное и пока мало изученное понятие, как «родство душ».

-Но сегодня пусть Алексей полежит спокойно. – Непреклонно заявила Кристина, поближе придвинулась к Алексею и благодарно взглянула на доктора. – И завтра... тоже. Все может быть куда хуже, чем это видится сейчас. Тут и спорить нечего, все так и есть. Доктор Брюник знает все лучше нас.

⁴¹ Автор неизвестен.

-Во-во... «Доктор Брюник»! Тогда уж лучше попросту – Брюнетик. - Серdito буркнул Кондратий Петрович. - Потому как просто доктор Брюн, не способен понять, например, откуда берется содовая вода, насыщенная диоксидом углерода. Как бы в исследовании оной не перепутать анализ с гидролизом...

-Ну, это совсем просто, - снова улыбнулся Луканов. - Про первый писал Гегель, второй же приснился Менделееву.

-Гегель? Это его Ницше нарек «неумышленным мошенником»?

-Именно его. – Снова улыбнулся Савелий Платонович.

-Мда... как выдохшееся шампанское: градусы те же, но... не то, не то.

-Сегодня на час дня нам назначен прием у баронессы фон Левенштейн. - Подал слабый голос Алексей. - Анна Казимировна завтра надолго уезжает в Ригу, так что откладывать встречу с ней никак нельзя.

-Нельзя. – Согласилась Кристина и перекинула копну волос с одного плеча на другое. После глубоко вздохнула, заложила руки за голову и потянулась всем телом. – Но нам необходимо подкрепить свои силы и потому все встречи потом.

-Фон Левенштейн? – Спросил Луканов. – И по какому поводу назначена встреча, если это не секрет?

-По делу Шаганова...

-Лежи, Алексей! Я сама расскажу. - Кристина подробно, в серьезной форме рассказала о вчерашнем разговоре с княжной Рачинской.

-У меня тоже есть для вас новость. – Луканов развернул утренний номер «Петербургского листка». – Вот. Извольте. Новая статья нашего не убиваемого Экзекутора. Но что-то в ней не так. Пока не могу сказать, определенно, но что-то меня в этой публикации настораживает. Мда... И сделаем так: вы Кристина с Алексеем отдыхайте, набирайтесь сил, а я вместо вас отправлюсь на Петербургскую сторону в гости к баронессе фон Левенштейн.

-Есть идеи? – Оживился Алексей.

-Гм... Покамест простейшая цепочка: Шнейфер - великий князь – Тюрин. Простая, но весьма, на мой взгляд, перспективная классификация.

-Классификация зачастую всего лишь систематизация ошибок. – Алексей озабоченно посмотрел на пристава.

-Согласен, - бесцветно заметил Луканов. – Но не хочу этого даже слушать. Необходимо действовать, а не философствовать. Особой прелести в деле Шаганова, прямо скажем, нет. Но любить и его и это дело все равно пока будем. Так что применим знания, которые три года назад австриец Ганс Гросс предложил назвать криминалистикой.

-Ну да. Без многоумудрого юриста Гросса и его новомодного названьица мы, трудолюбивые сыщики, не смогли бы и шагу ступить. – Буркнул Алексей.

-Ну же, Алексей, не горячись. – Примирительно произнес Луканов. - Сей велосипед сочинен не нами, но кататься на нем придется нам.

Глава 29

Жизнь, если она невыдуманная, являет собой не только благоухающие сердечной чистотой светлые образы, но преимущественно изобилует обстоятельствами малопривлекательными, порой отталкивающими и дурно пахнущими...

В красном углу туалетной комнаты императора Николая Второго перед обширном киотом теплятся лампадки. Прямо напротив - высокая ширма матового стекла, делящая комнату пополам. В углу комнаты фарфоровый умывальник с большим овальным зеркалом. Высокое стрельчатое, словно крыло стрекозы, прикрыто плотной шторой. Пахнет лампадным маслом и чисто вымытым полом.

Министр императорского двора барон, но в самозванстве «граф» Владимир Борисович Фредерикс⁴², ловя каждый шорох за ширмой, озабоченно расхаживает подле нее. За ширмой свершает свой ежеутренний туалет император всероссийский Николай Александрович. Дело государственное и весьма деликатное... Звуки здесь редки, но на удивление отчетливые.

Присутствующие: дежурный лейб-медик, придворный историограф, генерал Дубенский и приглашенный в виде особой милости граф Станислав Викентьевич Струмилин сидят на простых стульях и терпеливо ожидают – лейб-медик чтобы приступить к исследованию того... что сегодня получится у императора; генерал Дубенский ловкой и емкой фразы государя, дабы запечатлеть ее в

⁴² Графского титула Фредерикс был удостоен только в 1912 году.

анналах истории, ну а граф Струмилин просто испытывал тихое блаженство от высочайшей милости и значимости самого момента. У входа за ширму стоит невозмутимый камердинер с бритым, бледным, почти девичьим лицом, в руках у него маленький поднос со стопкой бумажных салфеток и высоким бокалом на две трети наполненного какой-то зеленоватой жидкостью.

Утренняя процедура традиционно затягивалась: Николай Александрович, несмотря на молодость – всего 33 года – и постоянное питье чая из трав и отвара горечавки, страдал хроническим запором. Может быть именно поэтому все трудные государственные вопросы, с которыми надо было разобраться в первую очередь, решались в Царскосельском дворце именно в это время.

Сидя в неудобной позе – колени прижаты к животу – император время от времени корчит гримасы и прижимает к ушам руки, как будто его мучают оглушительные звуки. Во всем теле его ощущались тяжесть, мысли разбредались и пребывали далеко от тонкой политики и от идей мироустройства... Перед ним на полу монументальная пепельница старинной бронзы с дымящейся папиросой. Голосом капризного ребенка Николай Александрович сдавленно говорит:

-...совершенно невозможно уснуть. Бывает, достаточно просто помолиться и спишь как праведник.

-Что по этому поводу говорит господин Папюс? – Фредерикс спрашивает серьезно, почти торжественно.

-Пока мало что. Но все наладится. Аликс торопит Синод канонизировать Серафима Саровского. Папюс связывает эту канонизацию с наступлением нашего душевного успокоения. Пока же он предложил кучу журнальных французских романов, которые необходимо читать при бессоннице.

-Вот и прекрасно! Галантность господина Папюса не подвергается сомнению.

-Но «Вестник Европы» традиционно сокращает романы. Это так досадно... Какие новости из столицы?

-На Офицерской улице вчера поздно вечером совершено разбойное нападение на адъюнкта сысского пристава Сугробина Алексея.

-Вот как? Это, как мне помнится, помощник Луканова? И вы не шутите? Вы действительно верите в эту историю? – Спросил Николай Александрович.

-Да, ваше величество. Во всяком случае, так пишет «Петербургский листок». – Фредерикс как механическая кукла пригнулся к ширме, ловя каждый шорох.

-Вы, помимо молитвенника и часослова, читаете газеты? Странно... Это для меня действительно новость. И что с этим адъюнктом? Жив?

-Жив. Но газету кто-то положил сегодня утром на мой стол. Я решил, что это сделано по вашему распоряжению. – Смутился Фредерикс. – Мне показалось это вполне естественно...

-Как вам это показалось? Естественно?..

-Разумеется. Офицерская улица расположена меньше чем в версте от Зимнего. И вообще, полагаю, в Питере творится черт знает что. То в моргах трупы грабят, то в самом центре города на сысчных нападают. И ни одного городского поблизости, когда это нужно. Безобразие, да и только. Куда вообще смотрит полиция и чем занят господин Сипягин? Чем они занимаются в МВД?

-Владимир Борисович, мне очень не нравится множественное число. Что значит – «они»? Вы кого подразумеваете?

-Министерство внутренних дел, ваше величество. Кого же еще, как не особняк на Фонтанке?

Император натужно промычал что-то нечленораздельное.

Фредерикс резко остановился, наморщил лоб и прильнул к ширме:

-Что? Я весь внимание, ваше величество...

-О каком грабеже трупов вы говорите?

-Ну, как же, ваше величество. Я же вам докладывал...

-Не помню. – Оборвал Николай Александрович. – И знать ничего не желаю. Это или неправда, или ваше какое-то непонятное заблуждение. Впрочем... как погода?

Владимир Борисович взглянул в окно, вздохнул и махнул рукой:

-Погода нынче не для лыжных прогулок. Но вынужден вновь обратить ваше внимание на вопиющее нападение почти под окнами Зимнего.

-И почему?

-Через неделю двор переберется в Зимний дворец для традиционного бал-маскарада и встречи нового года. Меня беспокоит безопасность семьи вашего величества.

-Ах! Новый год! Милый уют несравненного праздника. А вы, Владимир Борисович, все о грустном. Неужели все на столько плохо?

-Верно еще хуже. Вы, ваше величество, возможно, помните, что я всегда был против назначения Сипягина министром.

-Так вы были против всех кандидатур. У вас с Сипягиным взаимная неприязнь, вы как кот с собакой. Но кого же назначать-то?

-А что по этому поводу говорит императрица Александра Федоровна?

-Народ и царь, и между ними - никого.

-Как она права! Ее благочестивейшие слова!.. Словно ангелы пролетели, освежив нас легким дуновением благодати! Народу мнение, но царю решение...

По комнате пронесся сильный запах. Запах, похожий на...

-Квашеная капуста. – Прошептал лейб-медик. – Вчера государь отведал квашенной капусты с клюквой под рюмочку смирновской Христу во спасение!

-Действительно, пахнет квашеной капустой. – Тихо согласился генерал Дубенский.

Резкий запах квашенной капусты довел графа Струмилина до полуобморочного состояния. Он переменился в лице, что-то промывал плачущим голосом, достал из кармана флакончик духов мосье Герлена «L'Heure Bleue»⁴³, нюхнул пробочку и нежно посмотрел на ширму.

-Тсс! – Прошипели графу лейб-медик и историограф.

Струминин испуганно сжал рот в куриную гузку и конфузливо поправил от плеча до пояса Анненскую ленту.

Запах вдруг исчез.

Лейб-медик нахмурился:

-Неужели показалось? Самовнушение?

-Что вы там шепчетесь? – Спросил Николай Александрович.

-Это мелкие вопросы, ваше величество. – Привстав со стула, сказал Дубенский. – Они не стоят вашего внимания. Владимир Борисович постеснялся вам доложить, что Сипягин распорядился об изъятии всего тиража книги собрания ваших речей. Это пощечина всему обществу.

-Вот как? – Удивился император, дернув левым уголком рта. – И это вы называете мелкими вопросами? Этакое возмутительное самоуправство! Но терять прекрасное расположение духа из-за Сипягина? Вздор!

Фредерикс благосклонно взглянул на историографа, слегка ему кивнул и произнес в ширму:

-Сипягин, ссылаясь на «Положение о мерах к ограждению государственного порядка и общественного спокойствия», вместо наведения порядка занимается изъятием вашей книги, ваше величество.

-Ваши доводы, Владимир Борисович, о безобразиях в столице превосходны. Сипягин знает все ответы, но, верно, ни одного решения и излишне много на себя взял. Телефонуйте ему и дайте мне трубку. – Натужно произнес император.

Фредерикс самодовольно усмехнулся. Подумалось: «Писать и умно рассуждать у нас всякий может. А вот решительно действовать...». Сейчас он стал похож на высокого, худого кота с оттопыренными усами, в темных глазах которого пела удадь. Сфокусировав взгляд на телефонном аппарате он нежно, с придыханием прошептал:

-Определенно, я рожден для исправления мира. Так стоит же непременно поддать пару!.. – И громко почтительно произнес. - Ваше величество, вы устали, отдохните, к чему надирать душу мрачными мыслями.

Глава 30

Дом баронессы Анны Казимировны фон Левенштейн был построен еще в начале прошлого века, из корабельного леса шестивершковой толщины, цоколь которого просто обложили тесаным камнем. Ныне дом выглядит дряхлым стариком, готовым безропотно завалиться при первом же сильном порыве ветра, но, казалось, что дом-старик с какой-то особой гордостью посматривает широкими окнами на смиренные соседние домишки. Сейчас он мокро таял в серости ранних декабрьских сумерек и глухо стонал, словно отшельник, обреченный на забвение.

Перед тем как войти в гостиную, Луканов задержался в вестибюле у зеркала, сделал легкую гримасу, отметив про себя, что за последние месяцы морщины на его лице и, особенно в уголках глаз стали более выраженными и появились новые, а цвет лица приобрел стойкий сероватый оттенок. Он вздохнул и решительно взялся за ручку двери.

⁴³ «L'Heure Bleue» (фр) «Сумерки».

Гостиная поразила Луканова своей крошечностью, но через пару минут пребывания первоначальное ощущение карликовости прошло. Может, тому способствовал продуманный декор: большие зеркала в полированных до золотого блеска бронзовых рамах, вделанных в стены и искрящиеся зеленым уральским малахитом. На оправе слоновой кости центрального зеркала вырезаны рельефы, изображавший этапы взятия замка богини любви. Стены между зеркал оклеены обоями в мелкий цветочек.

Мягкое освещение, струившееся, казалось, отовсюду, пол золотистой, с вишневыми прожилками, маньчжурской сосны. Живые карликовые деревья в китайских фарфоровых кашпо. А в углах в больших вазах цветного венецианского стекла, живые цветы, запах которых Савелий Платонович ощутил сразу, едва переступил порог квартиры, как и легкий запах плесени, что крался от щелей плинтусов.

Высокая голландская печь старинного белого узорного изразца в углу гостиной отдавала уютное тепло. На стенах загромождение акварелей в рамках под стеклом: спящие коты, коты с птичками в лапах, коты белые и черные, пушистые и гладкошерстные, коты, выгибающие спину, коты приготовившиеся к прыжку, играющие котята.

Баронесса фон Левенштейн оказалась трепетной дамой лет шестидесяти, лицо ее выглядит помятым, как будто она спала на мокрых опилках и только что встала. Сквозь густую пудру коварно пробивается астматический румянец. Она не красавица - глаза расставлены чрезмерно широко, подбородок чересчур квадратен, рот слишком широк. Но все это придавало ей то, что принято называть шармом.

Особой, свойственной только петербуржцам смесью теплоты и легкой усмешки, застывшей в карих глазах, она оценивающе взглянула на Луканова, всем своим видом давая понять, что никаких иллюзий на его счет не питает. Она даже не выпустила изо рта длинный, нежно-зеленый нефритовый мундштук с папиросой.

-Проходите, ваше превосходительство. Я весьма рада нашему знакомству. Располагайтесь.

-Мадемуазель...

-Тогда уж лучше - фройляйн. – Полусерьезно сказал баронесса. – Но зовите меня просто по имени. Прошу без церемоний. Мне телефонировали, что в стане сыщиков произошла замена. Кстати, как себя чувствует господин Сугробин? Это жуткое нападение... У меня просто в голове не укладывается.

-Спасибо. С моим помощником все в порядке. Так... легкое недомогание.

-Ну что же вы? Присаживаетесь. Прошу вас. Давайте запросто, а то вы зависли надомной, словно колибри в полете. Сейчас самое время пить чай. Вы не против?

-Как можно, Анна Казимировна? Да просто с удовольствием.

-Вот и отлично! Но пока нам его готовят, расскажите мне о цели вашего визита.

Они сели за богато инкрустированный столик на гнутых резных ножках. Савелий Платонович, любуясь, невольно провел ладонью по лакированной столешнице.

-Этот чайный столик работы самого Андре Шарля. Слышали о нем? – Заметив движение приставы сказала баронесса.

-Нет.

Баронесса мягко улыбнулась:

-Он основатель школы мебельщиков, что выполняли заказы королей Франции в семнадцатом и восемнадцатом веках. Именно он выдумал эту изящную технику инкрустации, секрет которой в том, что на предварительно обработанных пластинах красного дерева выкладывают сложные узоры из бронзы, серебра, разноцветных камней, слоновой кости и перламутра. Благородные материалы позволяют добиться безупречности, немыслимого при обычной инкрустации. Я могу часами всматриваться в грани этих рисунков, наслаждаясь полировкой и преломлением лучей света. Свет, подобно чувствам, может совершать самые удивительные шутки. Вот посмотрите повнимательнее. Видите?

-Да. Потрясающе!

-Увы, после развода с мужем финансовые возможности не позволяют мне приобрести еще хотя бы один предмет мебели работы Шарля. Все его столики сделаны без единого железного гвоздя и потому могут использоваться в спиритических сеансах. За столом работы Андре Шарля проводит свои спиритические сеансы знаменитая Эвзапия Палладино. Ну а это, - баронесса улыбнулась, собрала со стола с десяток номеров журнала «Флирт» и «Мир искусства» и откинула их на диван - уже современное пустословие. Разве что, Сергей Дягилев в своем «Мире искусства» вновь критикует консервативный стиль Мариуса Петипа. Но, впрочем, все это вздор.

Принесли чай с вишневым вареньем, два блюда, на одном тонко нарезанный лимон, на другом кубики дыни и плетенку корсиканских булочек. Баронесса, смакуя, медленно сделала глоток, осторожно поставила чашку и пристально посмотрела на Луканова:

-Если вы вернее сформулируете, что вас интересует, то я постараюсь дать точный ответ. Я просто сгораю от нетерпения и буду рада, если смогу что-то, хоть самую малость, сделать для вас.

-Для начала, если позволите, мне хотелось бы узнать кое-какие детали. Например, как хорошо вы знаете великого князя Константина Михайловича?

Анна Казимировна с нескрываемым удовольствием отпила еще глоток чая:

-Достаточно хорошо. Но детали нашего близкого знакомства мы упустим, и обсуждать не будем. Я надеюсь.

-Разумеется. Собственно сам великий князь меня интересует только в связи с неким Тюриным Арнольдом Владимировичем. Вам знакомо это имя?

-Конечно. Это муж гадательницы Варвары Андреевны. – Баронесса презрительно хмыкнула. – Та еще мастерица. Но эта семейка не нашего круга.

-И вы его давно знаете?

-Его лично нет. В первый раз я его увидела двадцать четвертого ноября в Михайловском манеже на «Вечере в Спа».

-Спа? Странно. Отчего такое название?

-В честь бельгийского городка Спа. Вы, может быть, слышали, что в 1888 году в нем провели первый конкурс красоты. Тогда победительница стала некая креолка из Гваделупы по имени Берта Сукаре. Верно у них там с самого начала все шло вверх ногами. Теперь вот и в России затеяли проводить конкурсы, смахивающие на ярмарочный театр марионеток. Впрочем, не буду загораться ханжеским морализмом, это низко.

-Но, видимо, эти конкурсы публике интересны?

-Ничего интересного. Этакая вечеринка в винегрете, что плоха уже сама по себе. Реверансы, веера, лорнетки, сплетни, коллизии и, разумеется, флирт, потому как паноптикум перезрелых невест и хастлеров⁴⁴. Все это делает тон, но не суть. Разумеется, не обошлось и без скандала. Первый приз получила некая баронесса «Л». Граф Головлев этим крайне возмутился и потребовал отдать первый приз актрисе «Н», получившей второй приз. Генерал Бертран на это возразил, что граф Головлев болван и ничего не понимает в женской красоте. Тогда Головлев дал Бертрану пощечину. Бертран в отместку стал боксировать Головлева в живот и в грудь. Граф потребовал сатисфакции и они, взяв секундантов, пошли стреляться, но были арестованы полицией. Утром окружной судья приговорил их к штрафу по десять рублей каждого и потребовал принести друг другу извинения.

-Хм...

Баронесса презрительно фыркнула:

-Ныне много Онегиных, но нет и ни одного Ленского, чтобы умереть достойно. Все эти бу-бу изрядно надоедают. Дуэль же без благородства, состояться никак не может. Фарс один. Пикантность же той ситуации была еще и в том, что когда стали раздавать награды, выяснилось, что актерку «Н» уже увезли в «Эрнест» лейб-гусары. Эта фурсетка вообще вела себя с неподобающим высокомерием. Я слышала, что она страдает метеоризмом. Истеричка. Вы, верно, знаете, что при истерии в организме скапливается значительное количество газов. Отсюда и метеоризм. Тьфу... Гнусность какая.

-Ну, гусары известные вертопрахи, им нет равных... Но что Тюрин?

-Хотя пальму первенства затевать конкурсы красоты, - как ни в чем не бывало продолжала баронесса, - по праву принадлежит России. В 1547 году Иоанн Васильевич Грозный соизволил жениться и в жены ему отбирали самую раскрасавицу по всей Руси. Тогда-то конкурс выиграла Анастасия Захарьина-Кошкина. А ведь она-то и была первой «Романовой», заложив новую династию.

-А-а-а... Это все, безусловно, интересно. Но что Тюрин?

-А что Тюрин? Ах, да! Извините. Тюрин пребывал в обществе великого князя. Константин Михайлович был тогда весьма раздосованный. Он даже не считал нужным скрывать это. По какой-то причине его не включили в жюри.

-Вот как? Впрочем, это не имеет отношения к нашему делу. Великий князь и господин Тюрин были в паре? Или в компании?

-А и так и этак. – Баронесса прикусила нижнюю губу, легонько поводила по ней зубами и медленно покачала головой. – Что про то сказать... Было полно публики. Все те же лица. Толчая,

⁴⁴ Хастлер – мужчина проститутка, жигало, альфонс.

суета... Многие так и не попали в манеж и толпились в предманежнике и на площади. Но после, в полтретьего ночи, они вместе уехали в Английский клуб, поужинать там.

-Но вы же обратили внимание на Тюрину. Стало быть, он чем-то его привлек?

-Фу ты! Да вовсе нет. Этот господин сама невзрачность и отсутствие галантности, но с гонором. Из кожи вон лез, чтобы угодить Константину Михайловичу и потому был вынужденно крайне любезный. Это человек не нашего круга. Представьте себе – он держал бокал с шампанским за верхнюю его часть, а закусывал этот божественный напиток шоколадом. Финифтик! Да и ходит он этак брюхом вперед. Но кто-то, кто уж я и не помню, сказал мне, что у этого господина большие дела с великим князем. Для меня это было новостью, вот и причина, отчего я отлорнировала этого Тюрину. Знаете, светские привычки... Но заснула я в тот вечер отчего-то в больших волнениях.

-Да-да. Я понимаю вас, Анна Казимировна. Но по прошествию почти месяца, что вы можете сказать о совместных делах великого князя и Тюрину?

-Так об этом, ваше превосходительство, весь Питер говорит. Тюрин посредник между Шагановым и князем. Это именно тот Шаганов, у которого украли мозг. Шаганов продавал князю Комендантское поле под аэродром. Странное это дело. Я имею в виду продажу земли. Но совершается оно с полной серьезностью.

-И чем же это дело видится вам странным?

-Но вы же, Савелий Платонович, известный фактоед. Сами же знаете. – Баронесса провела мундштуком по губам и мило улыбнулась. – Комендантское поле на Черной речке всегда принадлежало казне. Верно? Так как же оно вдруг оказалось в частных руках? Непонятно. Словно чудо сбылось. Или таков фатум? И куда, интересно узнать, теперь перенесут Коломяжский скаковой ипподром?

-А зачем его переносить? Насколько я знаю, ипподром намечается использовать под нужды Общества Воздухоплавания. Признаюсь, что эта затея мне кажется довольно спорной и поспешной.

-Константин Михайлович всегда был таким рассудительным. Он же по чину полковник Генерального штаба. Впрочем, в общем-то, он добрый от природы, но слабый и ветреный и от излишнего добродушия своего иногда сам же изрядно страдает. Но отчего, собственно, строить аэродром необходимо именно там? Отчего не южнее Питера?

-Вероятно потому, что южнее местность большей частью холмистая. Неслучайно там выстроили Пулковскую обсерваторию. Для аэродрома же необходима ровная поверхность.

-Ах, так? А я и не подумала об этом. Вы правы. Комендантское поле действительно низина.

Персидский кот, что вальяжно и бесцельно расхаживал в новом голубом бантике по гостиной, неожиданно ощерился, фыркнул и ткнул лапой в мордочку пекинеса: такие же выпученные глазки и приплюснутый в подпалинках носик. Песик испуганно взвизгнул и стремглав бросился за приоткрытую дверь в проходную комнату. Послышались легкие шаги и дверь закрылась.

-Шери! – Прикрикнула на кота баронесса. – Прекрати свои возмутительные эскапады! Зачем ты обижаешь Макдука?

Кот брезгливо встряхнул по очереди каждой лапой, мельком глянул на хозяйку, потянулся, дугой изгибая спинку, зажмурил от удовольствия глазки и величественно - хвост трубой - удалился.

-Я обожаю кошек, но пекинесы просто чудо. Они такие игривые и так любят игрушки. У них есть чувство такта и они никогда не будут навязываться или отвлекать вас от дел. Это качество так не достает многим людям.

Баронесса глубоко вздохнула, встала, прошла к туалетному столику и села на кожаный пуф. Придирчиво рассмотрев себя в зеркале, открыла перламутровую коробочку с надписью золотом «Garniture de toilette»⁴⁵, слегка припудрила лицо и подкрасила губы. Взглянув сквозь зеркало на Луканова, попыталась улыбнуться, но улыбка вышла натянутая:

-Вы, должно быть, меня осуждаете, ведь аристократки не пользуются пудрой и помадой. Пудра, румяна и помада привилегия лавочниц.

-Отнюдь не осуждаю.

-Мы привыкли быть не совсем теми, кто мы есть на самом деле. Но вы ведете себя исключительно деликатно, ваше превосходительство. Словно вы и не сыскной вовсе. Вас что-то смущает?

-Анна Казимировна, войдите в мое положение. Наш разговор может показаться вам смакованием пикантных подробностей светских сплетен. Между тем дело, по которому я веду сыск, довольно серьезное.

⁴⁵ Garniture de toilette (фр.) - Туалетный набор.

Кокетливо прикусив нижнюю губу, баронесса кивнула.

-Великий князь человек многоцветный, от комизма до серьезности и до неприличия не назойливый. Но мир постоянно изменчив. А жизнь одинокой женщины так горька. Я вот, например, была замужем, но муж удрал с потаскуном... Ферфлюхтер⁴⁶ молодой человек. Очень уж он был охоч... Люди ведь различаются не только эстетическим вкусом, но и половыми пристрастиями. Верно говорят, что нет для любящих сердец уместней кары, чем венец и что в семейной жизни «отношения» можно выяснять, но не выяснить. Я вот попробовала выяснить да расставить акценты и вот результат. Моя жизнь ныне тускло догорает и порой мне чудится, что кто-то свыше смотрит на меня и норовит взять за руку. Это так неуютно. Вы должны понимать.

-Я понимаю вас.

-Благодарю вас, ваше превосходительство. Жаль, что всевышний никого не наказывает.

-Всевышний?.. Но ведь в Библии написано иначе.

-Только в Ветхом Завете. С тех пор мы изменились. Теперь бог чрезмерно милосерден.

-Позвольте, но разве он меняется?

-Изменяется Вселенная, изменяются все вещи, даже сам бог. Нет ничего постоянного. Давайте не будем об этом... - Медленно произнесла баронесса и с досадой воскликнула. - Фу ты! Я ведь не хотела этого говорить. Хорошо, что вы не расслышали.

-Что я не расслышал? – Изумился Луканов. Ему даже показалось, что он услышал беззвучный смех баронессы.

-Простите меня, что я принимаю вас в столь тесной гостиной.

-Что? Гостиная? Ах, да! Но тесные помещения дисциплинируют и принуждают к вниманию: в них никуда не деться от собеседника.

Баронесса благодарно улыбнулась:

-Что мутит семейную жизнь? Знаете, ваше превосходительство?

-Нет. И что же?

-Разновременность желаний. Должно быть, я достигла той стадии одержимости, при которой любовь-ненависть достигла предела. И я должна говорить об этом вслух, излить душу даже совершенно посторонним людям, лишь бы получить подтверждение, что хоть в чем-то я права.

-Ну что вы... У вас еще многое впереди. Уверяю вас.

-Разве? Я понимаю, что мужчина свершает насилие над собой, храня верность одной-единственной женщине. Это отнюдь ничем не лучше адюльтера. Тот, кто обещает женщине вечную любовь, должен предполагать, что она будет вечно достойна его любви. Но чего ради ему быть ей верным, если мы обманываем его ожидания? Взять хотя бы возраст. Мы же стареем и утрачиваем привлекательность гораздо быстрее мужчин. Может верно говорят, что для одной любви - жизнь слишком длинная штука. В семейной жизни я поняла лишь одно – постоянство, это всего только лень сердца. Ведь как мучительно, когда стакан всегда наполнен одним и тем же вином. Мужчина, растение сезонное, потому срок жизни его краток. Но мужчина способен влюбляться до седых волос, даже до лысины. Да что лысина? Любящей супруге веселее смотреться в лысину ненаглядного, нежели в одинокое зеркальце. Увы, пустота это одна из форм женщины. Einmal ist keinmal.

-Что? Простите.

-Это саксонская пословица: «Единожды – все равно, что никогда». Если нам суждено прожить одну-единственную жизнь, то это значит, мы не жили вовсе. Ну а женщина, думающая о смерти, уже умерла. Вот вы, ваше превосходительство, разбираетесь в своих чувствах? Ох! О чем это я? Прямо наваждение какое-то. Простите меня великодушно...

Белый кот, озорно влетел в гостиную и со всего маху запрыгнул в кресло Луканова. Немного повертевшись, устраиваясь поудобнее, он решил, что пристав занимает слишком много места и, упираясь спинкой о локотник, попытался лапами спихнуть Савелия Платоновича.

-Ну-ну... Озорник. – Луканов добродушно почесал кота за ухом. – Не балуй.

-Алзар, перестань. Белые коты вообще очень капризны и болезненны, но страсть как любят музыку. Мой Алзарчик обожает слушать Моцарта, а вот, например, сиамские кошки не любят музыку и вообще всякого шума. Ах, кошки! Почти как люди. Только они добрее и нежнее. Но случаются и кошки-оборотни. Видно неспроста разведенным дамам кошки сняться. Кстати, Алзар потомок Бармалея. Я уж даже и не знаю теперь, в каком колене. В последние-то годы Бармалейчик все хворал и любовью вовсе не интересовался.

-Стало быть, этот шалун внук Бармалея?

⁴⁶ Проклятый (нем.).

-Да скорее пра-пра-пра-правнук. Алзару уж шестой годок пошел.

-Совсем взрослый. В самом расцвете. – Савелий Платонович взял кота на колени. – Что же ты ведешь себя так. А? Проказник...

Вздыхнув, Анна Казимировна погрузилась в тягостные раздумья. Поглаживая кота Савелий Платонович терпеливо ждал. В сущности, ему стало понятно, что ничего интересного, что хоть немного поможет в раскрытии дела Шагонова, баронесса не сообщит. Встать и тотчас уйти он не мог: его удерживала вежливость.

«Остается выяснить последнее, и, возможно, что-то прояснится... И не нужно тянуть», эта мысль внезапно пришла ему в голову. Савелий Платонович даже вздрогнул. Мысль на первый взгляд крайне странная, и даже абсурдная. Но мысль мелькнула и преобразилась в вопрос, что настойчиво потребовал своего разрешения.

Напольные часы красного дерева с бронзой мелодично пробили три часа. Анна Казимировна передернул плечами, растерла сведенные судорогой пальцы, после резко отвела голову назад и, словно совершенно сбита с толку, посмотрела в глаза пристава:

-Печаль дает нам свободу в мечтах. Но сейчас чертовски неподходящее время для дружеской беседы за чашкой чая. Sic⁴⁷. Вы извините меня, ваше превосходительство. Я крайне устала, а впереди меня ждет отъезд в Ригу. Места там благословенные, сказочные. Напоминают Швейцарию: холмы, сосны, речки с заводами, мызы, фольварки, а воздух! Какой там сладкий воздух даже сейчас, зимой!

-Я понимаю. Разрешите откланяться. Но прежде чем уйти, дозволейте задать вам последний вопрос.

-Разумеется. Я вас слушаю.

-Княжна Ольга Александровна упомянула о том, что Бармалея подарили ей именно вы. Скажите, как давно это было? Когда вы подарили ей котенка?

-Когда? Да лет пятнадцать назад. А причем здесь кот? – Анна Казимировна недоуменно пожала плечами. Луканов мельком обратил внимание на то, что у баронессы чуть-чуть задрожали руки. – Бармалей был уже старенький, часто хворал, нервы у него были не в порядке и он уже не мог есть даже мясо...

-Благодарю вас. Желаю вам счастливого рождества. - Луканов встал, сделал полупоклон и вышел.

На лице баронессы не промелькнуло ни малейшей эмоции и только руки ее легонько дрожали. В гостиной воцарилась такая тишина, что стало слышно, как под полом скребется мышь.

Глава 31

В три часа дня в Александрийский дворец Царского села приехал обер-камергер виконт Феликс Элиот де Конон. Проходя по анфиладе приемных, гостиных, диванных и просто комнат он зябко поеживался и невольно ускорял шаг. В приглушенном свете медово блестит паркет, хрустальные люстры, лепные амуры и арабески на потолках. Перед ним, в полупоклоне и всеми силами норовя опередить друг друга открыть очередные двери, пятятся лакеи в расшитых золотом красных фраках. По краям каждой двери застывшие кавалергарды в белых колетах, шитых золотом и серебром. Мелькают голубые мундиры гвардейских офицеров, оливковые платья статс-дам и рубинового бархата платья фрейлин. Ордена. Бриллианты. Женские плечи. Черные фраки. Слышится приглушенный смех и невнятный шепот. Мелькнула мысль, что с некоторых пор при дворе стало до отвращениялюдно.

Пройдя последний семнадцатый пост особой дворцовой охраны, виконт столкнулся с выходящем из императорских апартаментов министром иностранных дел графом Владимиром Николаевичем Ламсдорфом.

-Добрый день, ваше сиятельство. – Посторонился де Конон.

Граф, застегивая на ходу тетрадь в красном сафьяновом переплете, сухо кивнул и, пройдя мимо виконта, вдруг резко остановился:

-У вас найдется для меня пара минут?

-Разумеется.

-Вы, верно, на доклад.... Но я не отниму у вас много времени. – Ламсдорф обнаруживал несвойственные ему признаки волнения

-Что-то случилось?

-И да и нет. Но я в растерянности. Его величество удивляет меня все больше и больше.

⁴⁷ Так (лат.)

-И чем же, Владимир Николаевич, он вас поразил на этот раз.

-Вы же знаете, что благодаря э-э-э... некоторым обстоятельствам, ноябрьские переговоры с Японской миссией во главе с премьер-министром Японии Ито Хиробуми были сорваны.

-Разумеется.

Ламсдорф посмотрел сквозь де Конон, как сквозь стекло:

-Может вы мне скажите, что послужило тайной причиной провала переговоров с этой «японской блохой»? Вы ведь видите императора гораздо чаще меня.

-Вопрос весьма сложный. Вы же сами все прекрасно знаете. Все те же лица.

-«Безобразовская группа»?

-Разумеется. И не только, но даже само «Русское лесопромышленное товарищество» в Корее. Ведь не секрет, что в пайщиках сего общества состоят и Мария Федоровна, и внебрачный сын императора Александра Второго дальневосточный наместник адмирал Алексеев и даже сам государь император. А управляющий обществом Александр Михайлович Безобразов лично ходит на высочайшие доклады и ему не отказывают в аудиенциях. Помимо этого, это еще и неуместная возня некоторых так называемых «друзей».

-Вы имеете в виду царскосельских звездочетов и вещунов? Что поражают отсутствием таких моральных качеств, как чувство чести и здравого смысла? Но отчего? Внешняя политика не прощает просчетов.

-Видите ли, дорогой граф, Ито Хиробуми два года назад пожаловал Японии конституцию, названной в честь императора Муцухито «конституцией Мэйдзи».

-Ну так и что? Он же не России ее пожаловал? Какое дело Царскосельским юродивым и кликушам до Японии? Ведь каяться-то за просчеты политики придется далеко не этому «клубу мошенников».

-Владимир Николаевич, вы же знаете все тонкости дворцового политеса лучше меня. Святые люди. Они даже и после смерти участвуют в делах живых. В России же, вот незадача, много святых, но мало честных.

Ламсдорф презрительно пожал плечами:

-Мда... Есть же на свете теплые люди. Однако произволением промысла божьего наш император призван управлять добрым и честным народом, но не святыми. Верно, благодаря засилью святош наша политика и ходит колтуном. Седьмого декабря Япония изменила свое намерение заключать договор с Россией и приняла решение заключить военный союз с Великобританией.

-Это только дипломатический демарш?

-Увы, дорогой виконт. К нам случайно попал некий документ, на которой японской катаканой написано «Кио ку мицу»⁴⁸. Японский министр Тарасу Хайяшк сидит в Лондоне с середины октября. Видимо он не терял времени даром. Так что пение гейш под аккомпанемент сямисенов, надолго отменяется. Вы представляете, Японский император прислал мне серебряный ножичек для мяса.

-И что? Знак доброй воли?

-Вы полагаете? Но нет. Отнюдь – нет, дорогой виконт. Муцухито с азиатской ухищренностью намекнул мне, что мое дело быть мясником, а не возглавлять министерство иностранных дел Российской империи. Вот так-то. Боюсь впереди у нас много печальных событий. И дай нам бог, чтобы все обошлось малой кровью и дай нам бог не наглотаться до одури жаркого дыма шимозы от залпов корабельных орудий. Только вот бы «клуб мошенников» пал бы в боях за собственную честь и совесть. Но, увы. Умирать за их честь придется другим.

-Вы полагаете, что все настолько серьезно?

-Полагаю? Нет, дорогой виконт, я просто убежден, что легкая дымка на горизонте предвестник цунами.

-Мда... А что по этому поводу говорит военный министр Куропаткин?

-Простите? Кто говорит? Куропаткин? Помилуйте, виконт, это когда же у сего генерала от инфантерии находилось свое мнение? Алексей Николаевич хранит мудрое молчание. Впрочем, я читал как-то его многомудрое «Мнения военного министра по маньчжурскому и корейскому вопросам» в котором Куропаткин предлагает, что если начнется война с Японией, то сразу же перенести военные действия в пределы Японии. Представляете? Мы стремимся заключить с микадо мирный договор, а военный министр призывает вести военные действия непременно на островах!

⁴⁸ Кио ку мицу (японск.) - «Совершенно секретно».

-Во время войны каждый стремится к миру, но нельзя же в мирное время желать, чтобы началась война? Он же должен понимать, что война начинается с парадов, но заканчивается погостами.

-Вот именно, что должен, но не обязан. Виконт, я понимаю вас, совсем не просто расставаться с приятными иллюзиями. Однако эпоха Александра Третьего Миротворца, увы, закончилась. Это при отце ныне царствующего монарха, Россия не воевала, сын же лишь на словах миротворец, но в душе... Собственно, мне кажется, что он сам еще не определился кто он. Суета с миротворчеством в Гааге не в счет и более смахивает на мифотворчество. Лучше бы он закончил земельную реформу своего отца.

-Возможно, нам надо пережить войну, чтобы научиться жить... Военные конфликты же в нашем мире неизбежны. Во всяком случае пока.

-Разумеется. Я буду с вами предельно откровенным... Не удивлюсь если Ангелом Необъяснимого это когда-нибудь и произойдет. Ведь сказано же в Библии в девятой главе книги Бытия: «Я взыщу и вашу кровь, в которой жизнь ваша». Монарх на то и монарх, что, обладая безграничной властью, он имеет одну непреложную обязанность – быть всегда со своей империей и делить с ней свою судьбу. А если это не так, то он не имеет право быть монархом и должен удалиться от дел, назначив приемника. Но уйти он должен добровольно и именно тогда, когда империя благоденствует. – Владимир Николаевич выдержал паузу и тихо, четко, как будто самому себе сказал. - Вотчинное устроение составляет интеллектуальную и психологическую основу нынешнего царствования.

-Простите?..

-Наш обожаемый монарх, дорогой виконт, мыслит масштабами мелкого поместья, затерянного в лесах Курляндии. Я не удивлюсь, если он когда-нибудь под эмоциональным влиянием императрицы и, потакая собственным капризам, вдруг возьмет да и отречется от престола, бросив империю на произвол судьбы, тем самым ввергнет ее в смуту и хаос.

-Ну, как знать... - Осторожно произнес де Конон. - Судьба щедра на выдумку. Но вы, Владимир Николаевич, не бойтесь, что ваши слова станут известны государю? Ведь и стены имеют уши.

-Пустое. Наш император фаталист и оттого не придаст никакого значения моим словам. Да и что особенного я говорю? Разве что о всемогущих бессильных мира сего.

Феликс де Конон зябко повел плечами и попытался перевести разговор:

-Стало быть седьмого декабря Япония решила заключить военный союз с Великобританией. Вы с этой новостью и были у его величества?

-Да. – Сухо бросил Ламсдорф.

-Но ведь сегодня уже двадцать второе декабря...

-Вот именно. Последние пятнадцать дней я регулярно приезжаю в Царское село в надежде, что император найдет время выслушать мой доклад, но тщетно. - В голосе Ламсдорфа неожиданно зазвучал неподдельный пафос. - Каждый раз одно и то же – «Удовлетворить отказом». Уж так у меня повелось: утром я составляю планы, а днем же приходится импровизировать, пережевывая минуты в ожидании высочайшей аудиенции и потому делать глупости. Кстати, дорогой виконт, вы не обратили внимание, что эпоха созидания постепенно сменяется эпохой горлопанов. Со свободой вопить и не слушать, что вопят другие. И что примечательно, всякий из них обещает светлый путь. Но это, уверяю вас, только половина беды. Страшно не то, что в России всякое бывает, но то, что оно обязательно повторится.

-Потерпите, Владимир Николаевич. Все уладится. Идея вечного возвращения загадочна, но Ницше описал ее вполне достаточно. Впрочем... Осенью в Яхт-клубе был пойман германский атташе адмирал фон Гинце. Вы помните этот скандал? Адмирал, словно мелкий жулик, прятался в малом зале ресторации за ширмой и подслушивал разговор генштабистов.

-Я знаю об этом. Византийское кознейство... Несмотря на мое ходатайство, фон Гинце даже не выслали из России. Будь моя воля, я железной метлой бы... к чертовой матери всех атташе! При Елизавете шпионы маскировались под астрологов и колдунов, ныне под атташе. Извините, дорогой виконт, я вынужден откланяться. Вас император непременно примет. Честь имею. - Владимир Николаевич сделал легкий полупоклон, резко повернулся, буркнул, - Какая мерзость пошла, не приведи бог!.. - быстро пошел к дверям.

Глава 32

Со стесненным сердцем де Конон вошел в полуоткрытую дверь императорского кабинета. Электричества выключено. Горит лишь небольшой бронзовый канделябр. Возле стола стоит император. В полумраке видны огромные синие тени под его глазами. Увидев де Конона Николай Александрович поднес к губам палец и тихо со слабой улыбкой сказал.

-Вы просили аудиенцию, и вы ее получили. Однако я не понимаю причину вашей настойчивости.

-Ваше величество, прошу простить меня, но дело чрезвычайно важное.

-Важное для кого?

-В настоящее время я затрудняюсь назвать круг лиц, кого напрямую затрагивает данное дело.

-Вы так думаете?

-Увы. Таковы факты.

-Вот как? Ваш доклад немного сделался нагляднее. Ну что ж, говорите, что там у вас.

-Собственно у меня всего два вопроса, на которые мне необходимо знать мнение вашего величества, или, если вам будет угодно, вы дадите мне точные инструкции как с ними поступать.

Николай Александрович вяло кивнул и сел за стол.

-Я вас слушаю.

-Первый вопрос: что делать с делом Шаганова? Проводить сыск или нет? – Де Конон замолчал, ожидая ответа.

Император рассеяно вертел большими пальцами, два раза в одну сторону и два раза в другую:

-Ну же.... Что там у вас еще. Отчего вы замолчали?

-Я жду ваших распоряжений по этому вопросу, ваше величество.

-Почему должен решать именно я? Это дело департамента полиции. Обратитесь к Сипягину. Он у нас, пока, министр внутренних дел, вот пусть и решает.

-Сипягин получил высочайшую инструкцию, ваше величество, сыск и дознание по этому делу не проводить.

-От кого? Высочайшую... У нас что? Британский парламентский бардак или империя Баденге⁴⁹?

-Распоряжение исходило из Александрийского дворца, ваше величество.

-Да мы с вами в нем сейчас и находимся. Вы забылись, ваше сиятельство?

-Нет, ваше величество. Я никоим образом никого не подозреваю. – Де Конон сделал паузу и нарочито бесстрастно пожал плечами. – Но знаю достоверно, что распоряжение о закрытии дела Шаганова сделал Владимир Борисович Фредерикс.

-Ах, Фредерикс! - Николай Александрович заметно обрадовался, что решение о закрытии дела Шаганова, как бы само собой перекладывается на министра двора. Он облегченно вздохнул и благодарно кивнул. – И второй вопрос?

-Простите мою настойчивость, ваше величество, но мы не закончили с первым. Отчего министр императорского двора отдает распоряжения по делу, которое не относится к его служебным обязанностям?

-Ну... Фредерикс порой действительно выходит из круга своих обязанностей, но мы ему доверяем. Впрочем, спросите его об это сами. Ну, так что ваш второй вопрос?

-Комендантское поле. Каким образом оно оказалось в частных руках? И нужно ли для выяснения сего факта провести следствие?

-Так эти вопросы как раз и решает Фредерикс. Он же министр двора и уделов. Отчего вы его не спросили?

-Я его спрашивал.

-И что же?

-Он ничего не знает о переходе Комендантского поля в частные руки.

-Вот как? Но это же его непосредственная обязанность досматривать за казенными землями.

-Вот именно, ваше величество.

-Странно.

-Я бы отметил, что весьма странно. Нонсенс. Фредерикс отдает распоряжения по делу Шаганова, которое не входит в круг его обязанностей и ничего не знает о деле, которое ему высочайше поручено и которое он обязан знать в силу своего высокого служебного положения.

⁴⁹ Баденге - презрительное прозвище Луи Наполеона Бонапарта (1808-1873) - французский император Наполеон III с 1852 по 1870 г. При нем Франция участвовала в Крымской войне 1853-56.

Возможно, что Владимир Борисович отчасти забылся, что он уже давно не служит в кавалергардском полку, но состоит при высочайшем дворе в качестве его министра. Решать же подобные задачи кавалерийским наскоком возмутительно. Ваше величество, я дезориентирован и не знаю, как мне быть.

-Но, помимо министра двора, Фредерикс канцлер имперских орденов и главноуправляющий моего кабинета. Так на чем же мы остановимся? – Медленно произнес император, словно вслух обдумывая свою мысль. - Все это кажется мне смесью паутины и пыли. Что вы предлагаете?

-По этим двум вопросам – ничего, ваше величество.

-Что так? Вы всегда полны всяких идей.

-От меня скрыта подоплека этих дел. Я не знаю и даже не догадываюсь, отчего о заурядном уголовном деле докладывается Фредериксу. Не могу понять, почему он дает указание закрыть дело и прекратить сыск по факту кражи мозга...

-Какого мозга?

-Ваше величество, в ночь с пятнадцатого на шестнадцатое декабря в морге больницы имени Великой княжны Ольги...

-Я не расслышал. В ночь с пятнадцатого на какое?

-На шестнадцатое...

-Прекратите! Не хочу слышать этого. Это гадко! – Николай Александрович резко встал и прошелся по комнате. – Вот что... В каждом деле должна быть загадка, подсказка и отгадка. Я сам справлюсь у Фредерикса. Но уверен, что вы, ваше сиятельство, что-то путаете или ложно информированы.

-Смею ли я надеяться, что я буду информирован достоверно и достаточно?

-Да. Но отчего вы так хлопочите по этим делам? Мы находим это весьма странным.

-Ваше величество, осмелюсь напомнить, что вы поручили мне инспектировать подготовку Зимнего к новогоднему бал-маскараду. Помимо того, вы распорядились проверить работу департамента полиции в целях обеспечения безопасности императорской семьи. Кроме этого...

-Хватит. Я помню. Вы, верно, решили придать моим распоряжениям этакий «растяжимый» смысл. Шаганов, Комендантское поле... Что в этих делах общего?

-Оба эти дела находятся в производстве департамента полиции. Дело Шаганова наделало много шума и не только в Петербурге. О нем пишут все газеты, а газеты рупор обществ...

-Пейпер, Пеппер, Пайпер⁵⁰... Оставьте, ваше сиятельство! Ваши газеты ступор, но никак не рупор. Мы не хотим ничего знать о Шаганове. Нет его, и никогда не было. Особенно, если учитывать наше обыкновение накручивать невесть что вокруг ничего. А что Комендантское поле? При чем здесь полиция?

-Дело о Комендантском поле ведет охранка. Охранное отделение входит в департамент полиции.

Николай Александрович с минуту подумал и пренебрежительно махнул рукой.

-Охранка... Ну да, разумеется, и все ее многочисленные Атосы, Портосы и кто там еще? Арамисы?

-Прошу простить, но... - Тихо, но внушительно начал было де Конон. Лоб его внезапно покрылся бисеринками пота.

В кабинет вбежал мохнатый шотландский терьер Эйра. Николай Александрович почесал ее за ухом и ласково потрепал за загривок.

-Ваше величество... - Де Конон покосился на терьера. Во дворце было хорошо известно что у собаки императрицы подлый нрав, она любила исподтишка хватать за ноги. У меня еще вот... - Виконт достал из папки несколько листов бумаги.

-Что это у вас? – Скорчил гримасу император, как будто от зубной боли.

-Ходатайства, ваше величество.

-По поводу? Что за ходатайства?

-От личного почетного гражданина, коллежского асессора Уроговского о представлении его к званию потомственного почетного гражданина. Я как-то докладывал о нем, ваше величество.

-Не помню. Впрочем, оставьте, я взгляну позже. Справка департамента полиции приложена?

-Безусловно, ваше величество. И вот еще... Наградная на Сигодовца. «В воздаяние честно исполненного долга и присяги всемилоостивейше пожаловать лейб-гвардии вахмистру Сигодовец

⁵⁰ Paper (газета), Pepper (перец), Piper (дудочник) – англ.

серебряную медаль «За верность и службу» и уволить в отставку по выслуге лет с мундиром и пенсионом, службе присвоенными».

Николай Александрович взял наградную, пробежал ее взглядом и положил на стол, поверх кипы бумаг «к подписи его величества»:

-Хорошо. Я подпишу. И на сегодня хватит. Вы свободны. – Император слегка нахмурился и кивнул. Плечи его передернулись, но иных проявлений эмоций, он себе не позволил.

Проводив де Конона взглядом Николай Александрович задумчиво покивал головой, вздохнул и будто бы чуть обмяк... Эйра преданно смотрела на него, помахала хвостом и даже приоткрыла пасть так, что казалось, будто она улыбается.

Поздно вечером, после традиционного одиннадцатичасового чая, Николай Второй записал в свой дневник:

«Встал рано. Завтракал как всегда у постели Аликс и затем вышел на прогулку с монте-кристо⁵¹, из которого не особенно удачно поражал ворон. Гулял немного; было морозно, тихо и ясно, густой иней осел на деревья. После чаю занимался по обыкновению. Имел доклады: Фредерикса (о безобразиях в Питере) и разных представляющихся. Говорил по телефону с мин. вн. д⁵². Вечером окончил с Аликс эту занимательную и увлекательную книгу «Камо грядеши».

Предыдущая запись в дневнике была такой - «Гулял долго и убил 2-х ворон», а третьего дня: «Долго гулял и убил 3-х ворон. После играл в домино с Мордвиновым. Имел три доклада. Обедали раньше обыкновенного», если открывать дневник государя, скажем, на два месяца назад, то мы прочтем: «В 9 1/4 час. отправился на охоту за Гатчино к Елисаветинской даче. Погода стояла отличная, тихая, без солнца. Ездил на велосипеде и убил 2-х ворон; вчера одну». Можно листать и читать дневник наугад – все записи удручающе одинаковыми и напоминают гудение мухи, но сам император находил его приложением к камер-фурьерскому журналу, как назидательное собрание своих мыслей и деяний.

Но, должно быть, что-то сдвинулось в Царском селе, коль нынче Николай Александрович, помимо традиционных ворон, упомянул доклады «разных представляющихся» Сделав запись в дневник, император склонился над столом и уставился в пространство невидящим взором. Что-то отдаленное сквербило в его душе. Что-то неумовимо-тревожное и, вместе с тем, зыбкое. Одна из свечей канделябра догорела и погасла, напоследок взметнув вверх короткую спираль дыма.

-Н-да, - проговорил Николай Александрович шепотом, а веки его дрогнули.

Задавать себе вопросы, разумеется, полезно, но отвечать на них, порой крайне рискованно даже императору. И дело вовсе не в физической опасности, а в малодушном желании любой ценой сохранить собственный покой...

Сумрак мягко просачивается сквозь верхушки тополей и кленов, что стоят неподвижно-тяжелые, в густом инее Царскосельского парка. Холодный ветер ошпаривает, перехватывает дыхание, крутится белесо вдоль снежных аллей, взвихривая снежный прах.

Темнота расплылась зловещим черным покрывалом, изменив форму деревьев и кустов, придав им очертания мрачные и уродливые. Светят фонари желтыми и фиолетовыми конусами. Александровский дворец, уходя в небо, тепло горит окнами. Пробившись сквозь тучи Луна посеребрила спины двуглавых орлов, что нахохлились на фронтонах. Сейчас они выглядят так, словно в любой момент готовы взлететь и навсегда покинуть Царское село. Должно быть они уже поняли, что идеальный монарх, это всего лишь порождение фантазии людской, или они просто тоскуют о синеве Петербургских белых ночей?

Глава 33

В понедельник, двадцать третьего декабря Луканов и Алексей сидят в ожидании Тюрина. За окном пыльными хлопьями падает снег. Серый день тихо вползает в Санкт-Петербург. Город постепенно наполняется гомоном и разноголосицей. Часы пробили двенадцать дня. Ватно прозвучал полуденный выстрел с Петропавловской крепости. Визит Тюрина назначен на половину двенадцатого, но Арнольда Владимировича не было. Он даже не телефонировал, что, дескать, прошу простить, немного опоздаю. Впрочем, Савелий Платонович и не рассчитывал на добровольный приход Тюрина.

В четверть первого Луканов, взглянув в очередной раз на кабинетные часы, ткнул сигару, которая то и дело гасла, в пепельницу и произнес:

⁵¹ Монте-кристо - бесшумное мелкокалиберное ружье.

⁵² Министром внутренних дел.

-Ну что ж. За Тюриным придется ехать тебе, Алексей.

-Но ордера на арест у нас нет.

-Нет. Но что ж теперь делать? Сидеть сложа руки?

-Как же я его доставлю?

-Да очень просто. Возьмешь с собой филеров, да Тюрина и обоих симпатичных молодых людей – Исейку и Арефия под белы ручки и прямо сюда. Без ордера, но за неявку в качестве свидетелей по делу об убийстве и, предположительно, за присвоение имущества Анны Шагановой. Это только допрос высших должностных лиц в интересах конфиденциальности производится на дому. Турин же к оним не причислен.

-Ну... Если так, то... На Казанскую улицу?

-Да. Но если его там нет, то молнией в усадьбу Шагановых.

-Нда... В усадьбу без ордера как-то душа не лежит.

-Однако ж придется. Сейчас речь идет о вещах гораздо более важных.

-Более важных, чем?..

-Соблюдений формальностей. Пора отделить ноумен от феномена⁵³. Хватит обсуждений, да и объясняться нет времени.

В дверях Сугробин остановился:

-Должна прийти Кристина. Пускай она здесь обождет, а то кинется следом.

-Разумеется. Кстати, попутно пригласи ко мне нашего химика Михаила Парфеновича, что там со стеклянными осколками. Может что-то интересное обнаружил. И еще: проследи, чтобы Тюрин и два его приятеля захватили с собой завещание и свои паспорта. В общем все документы, которые у них есть или... которые ты найдешь.

-Произвести обыск? Но... Без ордера прокурора? Хоть вы и в большом доверии у начальства, однако...

-Полно тебе, Алексей. Не обыск, но приватный осмотр. А начальство? Сегодня в доверии, завтра в опале... Что с того? Служба-то идет, но вот дело может встать, ну а пешего сокола даже галки задерут. Но позволю себе напомнить, что лица, в виновности которых я уверен, если и остаются на свободе, так только временно. Возможно Тюрин всего лишь ничтожный, жалкий мошенник, но все же мошенник, заслуживающий своей участи.

-Я тоже подозреваю Тюрина, но, Савелий Платонович, то, что он преступник не написано же на его визитной карточке

-Это верно. А жаль. – Усмехнулся Луканов. – Это многое бы упростило. Однако у нас пока одни предположения.

-Описать... осмотра составлять?

-А вот этого ни в коем случае. Ты еще понятых пригласи. Тоже мне. Шутник, облаченный в мундир законности. Повторяю – произвести не обыск, но осмотр.

-Все понял, Савелий Платонович. Произвести осмотр в поисках улики и отпечатков.

-Вот именно и за дело. И помни, интеллигенты скрывают секретные бумаги в книгах и картинах, хозяйственные дамы - в белье или продуктах. Лица чванливые, как адвокат-вымогатель Радецкий, лезут на потолок, к люстрам. Полагаю, что и Тюрин использовал стремянку.

-Что бы забраться наверх или спуститься вниз?

-Вот на месте и разберешься.

Едва за Сугробиным закрылась дверь, пришла Кристина.

-Добрый день, Савелий Платонович. А где Алексей?

-Поехал приглашать в гости господина Тюрина со товарищи. Скоро будет.

-Может мне тоже...

-Нет-нет. Вы мне понадобятся здесь. А, извините за любопытство, что это у вас за сверток?

-Эта посуда княжны. Она мне в ней протертый хрен презентовала. Отказаться было неудобно... Но вот сегодня надо бы вернуть. Все-таки богемское стекло, старинная работа. Хотела горничную послать, но решила, что лучше самой зайти.

-Ясно.

В дверь требовательно постучали.

-Входите. – Крикнул Луканов.

⁵³ Ноумен - вещь как она есть. Феномен - вещь какой она кажется.

В кабинет, скрипя каучуковыми подошвами, стремительно вошел химик-эксперт управления Михаил Парфенович; невысокий, бледный, с большими залысинами. Сухо кивнув, он замер в ожидании возле стола.

-Нуте-с! Да что с вами, Михаил Парфенович? Отчего вы так молчаливы? Или я оторвал вас от интересного химического опыта? В таком случае покорнейше прошу простить. Присаживайтесь, не стойте столбом.

-Вызывали, Савелий Платонович? - Химик оправил форменную тужурку темно-синего сукна, левый рукав которой прожжен какой-то кислотой и присел на краешек венского стула.

-Вы знаете - да.

-По какому поводу, позвольте осведомиться?

-Ну, как же... Что вам удалось выяснить с осколками, доставленных вам с места взлома окна морга?

-Мало что. Разве что коэффициент преломления стекла.

-Простите. Причем здесь коэффициент преломления?

-А что я еще мог узнать? Отпечатков пальцев с осколков не снимешь. Сложить их да склеить в прежних объемных пропорциях невозможно. Во всяком случае, мне. Может, кто более прилежный и расстарается. Могу разве что огласить заключение, - Михаил Парфенович открыл папку и начал монотонно читать, - «Согласно описи от шестнадцатого декабря сего года за номером тридцать шесть дробь два... Так-так... это ладно... Вот. Двадцать семь стеклянных осколков доставлены в химическую лабораторию Сысского управления...».

-Погодите с бумагами. Скажите на словах – есть что-нибудь интересное? Обнаружили хоть что-то?

-Смотря что вы называете интересным. Для меня так в этих осколках вообще нет ничего интересного. Вот, скажем, порох, это действительно интересно.

-Порох?

-Так ведь до сих пор неизвестно, что именно происходит в момент взрыва пороха - простая окислительно-восстановительная реакция? Тогда зачем в порохе сера? Почему без серы он не взрывается? Что вообще мы знаем про химию высоких температур? Ни-че-го! Полная *abracadabra*.

-Погодите-погодите, Михаил Парфенович. При чем здесь порох и химия температур?

-Ну... я не знаю. Но правильнее называть – порохи.

-Скажите, можно, например, установить когда изготовили сосуд?

-Приблизительно, разумеется, можно. - На лице Михаила Парфеновича появилось очень сердитое выражение. - Интересно только зачем? Что вам это даст?

-Покамест не знаю.

-Хорошо. Я вам прочту небольшую лекцию, если позволите.

-Конечно. Я внимательно вас слушаю. Только заранее прошу по существу.

-Постараюсь, - насупленно буркнул химик. – Стекло, как известно, аморфный материал, имеющий одновременно свойства и жидкости и твердого тела. Его молекулы расположены неупорядоченно, подобно молекулам жидкости, однако при низких температурах оно обладает свойствами хрупкого твердого тела. Изготавливается стекло смешиванием песка с негашеной известью с последующей плавкой в высоких температурах. Количество извести и содержания металлов, в частности, свинца или хлорида золота в смеси определяет степень прозрачности, и коэффициент преломления готового стекла. Вот, скажем, опустите руку в ванну с водой и гляньте. Рука покажется искривленной, потому как свет, переходя из жидкой среды в воздушную, преломляется. Поэтому стекла, изготовленные из разных смесей, имеют разный коэффициент преломления лучей света. Кстати сказать, на этом эффекте построена вся оптика. Только в оптике, вместо сред разной плотности, используют вогнутые или напротив выпуклые стекла.

Получив для исследования осколки, я, признаюсь, немного удивился – что я мог определить по ним? Первое что мне пришло в голову так это установить, что это за стекло, потому как угадать, что именно разбилось можно было сразу...

-То есть, вы хотите сказать, что твердо знаете, что именно это было?

-Стекло разбилось, но никак не раскрошилось. Это была чаша или нечто вроде чаши, но не оконное стекло или, скажем, какая-нибудь посуда из химической лаборатории, ну там колба или реторта... Да, еще... чаша была именно декоративной, потому как пользоваться утилитарно посудойной этакой замысловатой формы весьма сложно, но, впрочем, можно, потому как имела

притертую крышку и мною найдены остатки некоего органического вещества. Объем чаши, предположительно был с осьмушку⁵⁴.

-Органические остатки? Что это было?

-Трудно сказать. Возможно в чаше хранили какую-нибудь приправу или что-то в этом роде.

-Ну, хорошо. И что это за стекло? Каково его качество? И как вы, Михаил Парфенович, определил, что это именно богемское стекло, а не, к примеру, венецианское или австрийское или просто чешское?

-Вот для определения этого, я произвел известный опыт. Вначале я нанес черную точку на лист белой бумаги. Затем сфокусировал на нее микроскоп и записал показание его шкал. Потом я поместил поверх этой точки осколок стекла. Снова сфокусировав микроскоп и получил второе показание. Измерив толщину осколка и учитывая разницу в показаниях, я смог вычислить коэффициент преломления осколка и, следовательно, определил, что это именно богемское стекло. Это же подтвердило и испытание на прочность. Я раскрошил несколько осколков. Это именно твердое кальцинированное богемское стекло. Как видите, гипотез я не измышляю.

-Вот как? Только лишь по этому вашему коэффициенту преломления и твердости?

-В Богемии особенный состав песка, что идет на стекло, отсюда оно высокой прозрачности, прочности и почти полным отсутствием каких-либо вкраплений или пузырьков воздуха в массе стекла.

-Гм... И это все, что вы можете сказать?

-Ну, если вам интересно, могу продолжить. Далее я подобрал раствор жидкостей, в частности я использовал бензол и получил среду с коэффициентом преломления равному стеклу осколков. Затем я погрузил осколки в этот раствор и они стали невидимыми. Вы спросите почему? Да потому, что они преломляли свет так же, как и раствор. Вот и все.

-Что – вот и все?

-Это все, что я мог сделать.

-Вот этот фокус с невидимками в растворе химической гадости? Гм... Не густо. Но, позвольте, этот коэффициент преломления статичен для богемского стекла? Мне кажется, что это совсем не факт. Или он всегда равен одному значению?

-Нет конечно. Я уже отметил, что стекла, изготовленные из разных смесей, имеют разный коэффициент преломления лучей света. Для богемского стекла расхождения незначительные. Для каждой партии изделий изготавливают новую смесь песка и негашеной извести. Незначительные нарушения пропорций неизбежны, как, кстати, и температура плавления смеси, а это и порождает расхождения. Об этом писал еще «дедушка химии русской» Воскресенский, а до него сам Ломоносов.

-Мда... Что скажете, Кристина?

-Даже не знаю. Но если это действительно чаша, то где-то должна быть вторая. Декоративные чаши всегда делают парными. Михаил Парфенович, а можно перепроверить ваши показатели?

-Вы мне не верите? – Химик сердито надул губы и нахмурился. – Я конечно не прибор, но кое-какими познаниями о предмете своей службы располагаю.

-А ваши приборы могут ошибиться? Что вы делаете, если ваш прибор барахлит, а у вас нет времени на починку?

-Как что? – Удивился химик. – Как следует стукну его кулаком.

-Э!?

-Что вы, Михаил Парфенович. – Вмешалась Кристина. – Мы вовсе не подозреваем ошибку, но... Может промашка вышла?

-У меня, мадемуазель, наука. Все точно и без всяких «или». А науку необходимо чтить не менее чем ваше уголовное уложение.

-Да? – Игриво спросила Кристина. – Тогда позвольте задать вам простую задачку.

-Сделайте одолжение.

-Сколько будет три плюс один умножить на два?

-И все? – Изумился химик. – Эта вся ваша задача? Восемь.

-Ответ не верен. Будет пять.

-Позвольте! – Химик снисходительно взглянул на Кристину. – Откуда пять, когда восемь?

-Из гимназического учебника арифметики известно, что вначале проводится умножение.

Химик подпрыгнул на месте, вскочил и выпрямился, прижав локти к бокам, но тут же сник:

-Гм... Верно. Тогда и вправду пять.

⁵⁴ Осьмуха = 1/8 ведра = 1,55 литра.

-Вот видите, уважаемый Михаил Парфенович, как легко ошибиться? Ну сами посудите, откуда у окна морга захудалой больницы взялось богемское стекло?

-Не скажите. Покойный же состоятельный был? Так как же он в этой больнице очутился? Вот так и богемское стекло.

-Все же давай попробуем. Проведем повторный эксперимент. Ведь это не сложно? Вот у меня есть чаша, вы не могли бы окунуть ее в ваш раствор для невидимок? Интересно, что из этого получится.

Химик пожал плечами и едва разлепив губы проворчал:

-Отчего ж. Очень даже просто. Извольте, мадемуазель, как скажете.

-Вы позволите мне присутствовать при этом опыте?

-Ну... Конечно. Отчего бы и нет?

-Вот и прекрасно. – Широко улыбнулся Луканов. – Я жду вас с новым результатом. И, Михаил Парфенович, пожалуйста, пореже стучите кулаком по своим приборам, все-таки это казенное имущество.

Глава 34

Кристина вернулась через полчаса. Войдя в кабинет, она взволнованно и как-то даже робко присела к столу Луканова. Ее пальцы нервно крутили обломок карандаша. Нарушив паузу она наконец прошептала:

-Савелий Платонович.

-Да-да. - Луканов оторвал взгляд от лежащего перед ним открытого скоросшивателя. - Что-нибудь случилось? Что с вами? Может воды? – Он резко привстал.

-Нет-нет. Все в порядке. Не надо воды. Но наш повторный опыт. Не знаю даже с чего начать...

-Вот как? Оч-ч-чень интересно. Не томите, милая графиня. Выкладывайте.

-Дело в том, Савелий Платонович, что разбитая у окна морга чаша и чаша, в которой был протертый хрен, презентованный мне княжной Рачинской – совершенно идентичны.

-Как!!! – Воскликнул пристав. – И вы говорите об этом так спокойно!?

-Да какое там спокойствие. Я просто еле сдерживаюсь. Вы понимаете, что это значит?

-Безусловно. Стало быть, разбитая у морга чаша, назовем ее чашей номер один и чаша княжны, следовательно, чаша номер два изготовлены не только в одно и то же время, но даже из одной смеси песка с известью и, более того, состав для них плавился в одной печи при равной температуре в одно и то же время.

-Я не знаю, что и думать по этому поводу. Абсолютно одинаковый коэффициент преломления света. Подобное совпадение у разных чаш практически невозможно.

-Мда-а-а... Я потрясен.

-И что же нам теперь делать?

-Не знаю... Что делать? Думать. Пойдите... - Луканов встал и прошелся по кабинету, После закурил, остановился напротив Кристины, непроизвольно щелкнул каблучками и наклонил голову. - Вот что. Давайте вспомним, что рассказывал нам Алексей о своем визите к Ольге Александровне. Постараемся вспомнить все.

-А что он мог сказать? Ну, был. Княжна поплакалась о пропаже Бармалея... Настоятельно просила найти его...

-Вот! – Луканов поднял указательный палец и вновь заходил по кабинету. – Чтобы быть в бегах для других, не обязательно убежать самому. Вот! Тут и отгадка. Вы помните, Алексей упоминал, что служанка княжны ненароком сказала о некоем молодом человеке?

-Да. Верно.

-Кристина, отправляйтесь к княжне и тайно переговорите с прислугой. Как ее там?

-Галина.

-Вот-вот.

-А о чем мне с ней говорить?

-Необходимо уточнить – Бармалей умер или действительно в бегах.

-Но отчего Ольге Александровне лгать?

-Пока не знаю. Может просто из лукавства. Женские привычки столь постоянны. Но, по всей видимости, ей необходимо было направить нас по ложному пути. И даже не сколько по ложному, но иметь формальный повод интересоваться ходом розыска кота и, мимоходом, сыска по делу Шаганова. Вот это наводит уже на серьезнейшие подозрения и возникает вопрос – зачем? Зачем

княжне выдумывать сказку про якобы пропавшего Бармалея? Отчего это вдруг ее так заинтересовало дело о хищении мозга у лица не ее круга и даже не аристократа. Естественное любопытство? Нет. Здесь явно нечто большее.

Кристина замерла на миг, выискивая что-то во взгляде пристава:

-Но, может, все это случайное совпадение?

-Не думаю. Баронесса фон Левенштейн говорила, что Бармалей был уже в преклонных годах. Собственно, этого не скрывала и княжна. Вероятнее всего, кот от старости почил в бозе. Молодой человек, о котором упомянула Галина, приходил, чтобы забрать бранные останки Бармалея для кремации. Тогда все, лучше сказать, почти все, сходиться. В общем-то, ваш визит, Кристина, необходим для подтверждения этой версии. Но как у окна морга случилась вторая чаша? Вот это действительно загадка.

-Так, может...

-Нет. Официально допросить княжну нам никто не позволит. Пока и улики мало, и... Вы сами прекрасно знаете, что значит пригласить на допрос особу из высшего общества. Подобные лица вне мирской суеты и, как правило, вне подозрений. Кстати, Михаил Парфенович написал заключение?

-Уже пишет. Обещал чуть позже принести.

-Хорошо. Пересуды пересудами, но крайне важно чтоб заключение было оформлено по всем правилам. Как знать... Как знать. Вполне возможно, что теперь клубок начнет разматываться...

Резкой зазвонил телефон.

-Алло! Луканов у аппарата. Слушаю вас!

Телефонистка что-то пропищала, послышался щелчок и раздался властный голос виконта де Конон:

-Добрый день, Савелий Платонович. Извините, что побеспокоил вас, но дело весьма важное.

Кристина скорчила гримаску, встала и отошла к окну.

Выслушав виконта, Савелий Платонович положил трубку, вздохнул и мрачно произнес:

-Вот, началось.

-Что именно?

-Подковерные игрища, а по-нашему интриги. Видимо придется снова надевать особо белые перчатки и фракную пару. Телефонировал его высокопревосходительство виконт Феликс Эллиот де Конон. Ему телефонировал его светлость великий князь Константин Михайлович, что весьма раздосован арестом господина Тюрин. Великий князь уверен, что это недоразумение и сидит в своем дворце в нетерпеливом ожидании доклада, что недоразумение разрешилось и Тюрин отпущен на все четыре стороны. Виконт дословно сказал так: «Если господин Тюрин еще не на свободе, то это ваша оплошность». Впрочем, говорил он это как-то просительно, с трудом подбирая слова.

-Причем здесь виконт? Вы меня ошаршили. Кто он, чтобы устраивать сыр-бор в Сыском управлении? – Удивилась Кристина. - Насколько я знаю, директор департамента полиции Сергей Эрастович Зволянский. Отчего виконт нарушает субординацию?

-«Субординация», - со вкусом произнес пристав. – Слово-то какое ласковое, знаменитое, на язык само просится. Да что там - на всю Россию разъехалось, до звону в головах.

Кристина отрицательно качнула головой:

-Но я ничего не понимаю.

-Видите ли, Кристина. Виконт, как обер-камергер его величества, осуществляет, так сказать, связь между Царским селом и... разными службами. Говоря иначе, голосом де Конон вещает сам государь император. Вы же знаете, что придворный чин обер-камергера соответствует действительному тайному советнику или чину второго класса табеля о рангах. Но это теоретическое отступление не должно нас смущать. Мы люди служивые потому должны служить и заниматься сыском.

-А какое дело императору...

-Дело, что у нас в производстве, чрезвычайно пестрое. И пока хватит, Кристина. Не будем туго обсуждать эту тему, возвратимся к нашим делам и пойдем далее по кругам... Кругам безумия. Пусть себе негромко кипят склоки. Нам же важно не перебрать в накоплении фактов, а то получим завал материалов.

-Так значит, мой тайный визит в дом княжны откладывается на неопределенное время?

-Отнюдь нет. Как раз его крайне необходимо произвести именно сегодня, но соблюдая особую осторожность. Помните, княжна не должна ничего узнать о нем. Ничего. Подчас приятно сделать человеку сюрприз и если подозрения подтвердятся, это будут большой, да просто

потрясающий сюрприз. Финал этой истории не может быть иным. Но, как любил говаривать граф Монте-Кристо «ждать и надеяться», не будем, но также не будем и пришпоривать события.

-Значит, Алексей уже везет Тюрина к нам в гости, коль князь телефонирует виконту, а тот нам. Прямо таки эффект домино.

-Верно. И это радует. Как тут не помянуть отшлифованную веками фразу из бульварных романчиков: «Но ужасное открытие подстерегало меня...». Кстати. – Луканов прихлопнул ладонью по столешнице, нагнулся под стол и выдернул телефонный провод из розетки. - Преудивительнейший случай, милая графиня, наш телефон отчего-то сломался, да и вообще сей аппарат довольно капризный способ связи, вы не находите?

-Ох, Савелий Платонович, выставят вас когда-нибудь в отставку без пенсии. Но я подумаю над вашей кандидатурой в качестве управляющего моего имени.

-Благодарю вас, ваше сиятельство. Что может быть лучше, как добродетельная жизнь вдали от Петербурга? Непередаваемое ощущение счастья, тихого и навсегда. Свежий воздух, зеленые лужайки и тихая речка с удочкой это все что мне понадобится в отставке. Да и выбор у меня, в общем-то, весьма ограничен.

Проводив Кристину, Савелий Платонович углубился в служебные бумаги. Но вдруг какая-то мысль пронзила его так, что он вздрогнул. Он внезапно вспомнил «Петербургский листок» с извещением о нападении на Алексея. Что-то в этом извещении было не так. Но что? Мысль медленно трансформировалась в вопрос, разрешить который мог только репортер Шнейфер. Вопрос напористый, от которого не отмахнешься. Но в коридоре послышался шум и проклятья, что отвлекло внимание Луканова.

Глава 35

Дверь кабинета распахнулась и в сопровождении двух филеров, едва не рухнув на пол, ввалился багровый Тюрин, глаза его бешено сверкают, а голос возмущенно звенит:

-Позвольте, что все это значит? Кто устроил всю эту комедию? Негодяи! Пни осиновые! Вы хоть знаете, кого вы арестовали!? Подлецы! Еще и рожи всякие корчат... Вы... вы...

-Ваше превосходительство, дозволейте доложить! – Отрапортовал старший филер.

-Докладывайте.

-Его высокоблагородие, господин Сугробин приказали доставить этого господина прямо к вам на допрос.

-А где сам господин Сугробин?

-Не могу знать, ваше превосходительство. Но кажись в усадьбу Шагановых уехали. Разрешите быть свободными?

-Идите.

Филеры армейским вышколом сделали под козырек, и, ворча что-то про «сукиных сынов», вышли из кабинета.

Савелий Платонович с любопытством посмотрел на Тюрина и слегка прищурился:

-Добрый день, Арнольд Владимирович. Рад вас видеть. Я тут прямо таки зажался вас. Давайте не будем устраивать скандал. – И жестом, лишенным любезности, Луканов указал на стул возле своего стола. - Присаживайтесь, прошу вас.

-Я всех вас так порву, я всех вас вот так порву... - Брызгая слюной, пыхтел Тюрин. – Да вас всех по мордасам! Плакать кровью будете. Филеров ко мне! Да эдаким чухонским кобелям да кули бы шестипудовые таскать!..

-Вашими молитвами, господин Тюрин, вашими молитвами. – Пристав холодно пожал плечами. - Но вы сами виноваты, что пришлось воспользоваться филерами. Отчего вы сами, добровольно не пришли? Мы же договаривались о вашем добровольном визите.

Тюрин криво усмехнулся, обвел пристава мутно-наглым взглядом, глубоко вздохнул, стараясь обрести самообладание и медленно со свистом выдохнул. Затем, шмыгая носом, несколько раз ощупал свои карманы, словно хотел убедиться, что все на месте. Сев поудобнее, он сквозь зубы процедил:

-Не помню. И вообще думайте наперед что говорите, что б я с вами о чем-то договаривался!? Да кто вы такой? Жалкая ищейка! Да я вас, - Тюрин невольно запнулся, побледнел и выпучил глаза, - аккуратно в саму Сибирь сошлю... - Он ткнул кукишем в лицо Луканову. - Так и задолбите это себе на носу.

-Да полно вам, Арнольд Владимирович. Вас пока не арестовали, но пригласили для дачи показаний...

-Да перестаньте юлить, господин пристав! – Перебил Луканова Тюрин и с досадой стукнул кулаком по колену. – С меня допросы снимать!? Вы, сударь, чепуху городите!

-Это на что вы намекаете, господин Тюрин? – Удивился Савелий Платонович. – Да вы разденьтесь, снимите шляпу. Разговор у нас, судя по всему, предстоит долгий и, уверяю вас, вовсе не о чупухе.

-Мне не о чем с вами разговаривать.

-Вот как? У меня иное мнение. - Равнодушно произнес Луканов. – Вы, верно, слишком долго жили в окружении людей, которые боятся вас. Отсюда полнейшая уверенность в своей безнаказанности. Уверяю вас, что...

-Да полно вздоры городить. Безнаказанности!.. За что наказывать то замышляете?

-Вот именно это я и хочу выяснить. Давайте откинем муар таинственности. Расскажите просто и по существу, как, каким способом вам удалось стать наследником Анны Шагановой? Кстати, вы захватили с собой завещание?

-Разумеется... Вот извольте. Хотя нет. Оно у вашего помощника. Сугробина, кажется.

-Хорошо. Тогда пока отложим...

В кабинет стремительно вошел делопроизводитель. Пригнувшись к Луканову, он тихо сказал:

-Ваше превосходительство, ваш телефон не отвечает. Телефонировал Сугробин. Вас требует-с.

-Иду. А вы пока побудьте с нашим гостем.

Вероятно Алексей, если судить по несколько обескураженному виду вернувшегося Луканова, сообщил нечто важное.

-Арнольд Владимирович, что вы можете сказать про Анну Шаганову? – Спросил Савелий Платонович, садясь за свой стол.

Тюрин довольно долго молчал, словно пережевывал вопрос, и, наконец, произнес:

-Ничего. Тоже мне, ребус! Жизнь не рай, вот и начиталась девица житий святых и захотела страждущим помочь да муку на себя принять. Да это с нашим удовольствием. Муку так муку... Вот пускай и возносит ежедневно молитвенные прошения. Да что человеку слаще мучения может быть?

-Стало быть, чем больше страданий примет, тем...

-Не просто так страдания, но от любви к ближнему.

-Ясно.

-Так-то-с!.. Яснее чем сама истина в любом ее неприглядном виде.

-Весьма забавные вещи вы мне рассказываете.

-А вы скривились? Презираете небось. А вы сами такой же, хуже еще сами-то!

-А отчего была такая поспешность с похоронами Анны?

-Согласно правилам катакомбной Гностической церкви Дщерей Христовых хоронить нужно в тот же день, что раба божья и упокоилась. В мире все имеет свой смысл. А смерть забирает человека тогда, когда все, и дурное и хорошее, что могла получить жизнь, уже получено. Видать и Анну бог прибрал к себе в преполовении дней ее, потому как исполнила она свою земную миссию и оттого прозябала, будто муха в паутине. Судьба была милостива к ней, и она умерла. Ушел человек, остался прах его, а душа великая и совесть великая остались. Умереть - это еще далеко не все: важно умереть вовремя. У всякого человека душа засорена, то бог там накропает заповедей, затем воспитанием напрут, утрачивает человек уверенность, путаться начинает, сомневаться. Уберите из этого мира всех дураков, и жить в нем станет невыгодно

Вот я, скажем, я чистый, нет во мне страха и нет сомнений. В этом моя великость. И не нужно мне ни о чем думать. Если мысли необходимо появится, она сама придет в голову. А так - зачем? – Говоря, Тюрин крутил пуговицу пиджака, пока почти не оторвал ее.

-Да? Весьма интересно. Однако пиететно кричать - Осанна! - не стану. Но, если вы закончили свою проповедь, то я напомним вам, что Анна была убита. Убита у себя дома и убита очень жестоко. Что вы можете сообщить по этому поводу?

-Ничего. Я ее не убивал. Меня и в усадьбе-то не было. У меня есть твердое алиби. Вопрос - я тут причем? Хотите верьте, хотите, нет, но я ни в чем не виноват. Так что вы хулите, да не перехваливайте. И вообще: у вас, надо думать, много вопросов для меня, но ответ один будет – ничего я не знаю. Не нужно мне треволнений. Да и Анна... святее станет, коль мученическую кончину приняла.

-Стало быть, вы ничего не знаете? Но отчего-то уверены, что Анна умерла именно вовремя. Так?

-Я не говорил, что вовремя. Это просто мои рассуждения относительно святой веры моей и поисков божьих.

-Допустим. Ну а Арефий с Исейкой на ваш взгляд могут что-либо сообщить сыску по делу об убийстве Анны? Или вы сами что-то знаете и молчите от скромности и святости?

-Доказательства! - побагровел Тюрин. - Извольте дать доказательства! - В запальчивости он ударил кулаком об стол. - Я упеку вас на каторгу! Я вышлю вас из Санкт-Петербурга! Извольте тотчас же предоставить доказательства!

-Доказательства чего? - Удивился Луканов. - Не горячитесь, сударь. Может вам воды дать?

-Сами пейте. - Буркнул Арнольд Владимирович, откинулся на спинку стула и снисходительно, по-хозяйски, словно он не на допросе, а у себя дома, взглянул на пристава. - Вам уже телефонировали по поводу меня?

-Нам? Вроде как что-то было...

-Вот и выполняйте.

-Господин Тюрин, поверьте, порой найти нужный, единственно верный вопрос труднее, чем ответить на него. Но когда такой вопрос найден, он требует безотлагательного ответа, который многое расставит по местам. Думаю, нет нужды напоминать, что вы доставлены для дачи показаний, пока как свидетель. Но если вы вдруг решили, что вот прямо сейчас вы поедете домой, то вы обманываетесь. Сейчас вы отправитесь в камеру. И пока я, именно я, но никто иной, не подпишу нужную бумагу, вы будете сидеть в этой камере. Полагаю вам все ясно? В отличие от вас, будущего я не умею предсказывать, но что-то подсказывает мне, что вы у нас задержитесь надолго. Очень надолго. И возможно, что и с переменой климата и лишения привычного комфорта. Порой жизнь требует передышек и пауз. А совесть...

-Вы обязаны отпустить меня. Пусть даже и под надзор полиции. А про совесть не надо. Хватит мне уже и совести и души и чистейших помыслов. Да и разговор у нас не под квас, балык и водочку.

Луканов закурил, разогнал рукой дым и стряхнул пепел:

-Свои служебные обязанности я отлично знаю. Не утруждайте себя. Однако хотелось бы услышать от вас, как вы стали наследником Анны. Согласитесь, убийство, и моментальное наследование имущества жертвы наводит на серьезные сомнения в вашей непричастности.

-Да что эта ваша Анна! Сбилась она с копеек, в долги влезла.

-Разве муж ей не оставил достаточное состояние?

-А что там ее муж? Я про Анну говорю. Анатолий Николаевич, несомненно, купец был исправный. Но деньги эти Анна трогать не могла. Они все в деле, в обороте. Ну а в наличных деньгах для повседневных нужд Анна была ограничена.

-Вот как? И на что же она тратилась?

-На что? - Тюрин криво усмехнулся. - На вспомоществование и призрение убогих. Если одной фантазией жить, да в суетной маете счастье искать, денег много иметь надобно. Как ни день, то десятка, а то и целый четвертной, летит из кармана! А где их взять-то? Оно ведь всегда так - кто меньше имеет, тот охотнее и подает. Нет, чтобы аккуратно жить. Ох-хо-о... Кругом одно горе. Люди думают, что они великие, но они ничтожны, хотят быть счастливыми, но в потугах своих они жалки и заслуживают не призрения, но презрение. Плевать им на всякую духовность. Хочется только чтоб кто-то ласково гладил по голове. Оттого-то и не жизнь у них, но сон. Сон же есть чаяние грядущего, а сие, как говорил апостол Павел, и есть вера.

-Каков пассаж, однако... Деньги она занимала у вас? Есть векселя?

-Не у меня, но брала по мере надобности в церковной кассе. Потому и отказала заблаговременно все свое имущество нашей святой катакомбной Гностической церкви Дщерей Христовых.

-Кстати о церкви. Ваша гностическая церковь проводит сеансы публичного целения?

-Это как же? Цугом, что ль?

-Ну, примерно.

-Нет.

-И не проводила?

-Я же сказал - нет. Да и грешно это.

-А имена Андрей Михайлович Беневоленский-Маликов и Анатолий Казимирович Воманович вам ни о чем не говорят? Вы знаете этих господ?

-Не припоминаю. - Как будто нахмурился Тюрин.

-Хорошо. А не доводилось ли вам слышать что-нибудь о Тюррье?

-Странное имя. Нет, не доводилось.

-Вы что-нибудь слышали о краже мозга в морге больницы имени Великой Княжны Ольги?

-Читал в газете, да Анна кручинилась. Муж ведь это ейный был.

Часы пробили три часа дня. За окном начало смеркаться.

Лицо Тюрина резко изменилось и стало желтым. Он скосил глаза на молчащий телефон, удивленной дернул губами, обстоятельно высморкался и тихо, почти дружелюбно произнес:

-Послушайте, я приустал. Отправляйте меня куда-нибудь, я хочу отдохнуть. Волнительный день у меня нынче выдался. Диспутант вы, ваше превосходительство, неисякаемый, но у меня слабое здоровье и крайнее истощение нервов. Вам-то что? Вы особа образованная, верно самого Горация по-гречески читаете, а я человек простой, на медные грошки воспитывался. В предыдущей-то жизни, повитуха, принимая роды, свернула мне шею и безвременно кончила меня, а родился я тогда большим вельможей, даже и говорить-то теперь боязно каким. Так пускай-ко какой никакой адвокатишка при нашем разговоре попристутствует, так оно вернее будет. Нюх и хватка у меня не та. Мне бы сейчас иконку, да прочитать «Царю небесному», что б душа наполнилась благодатью, да что б доктор пришел с анисовыми каплями.

Глава 36

Луканов проводил Тюрина до двери. В коридоре, на краешке скамьи, с потертым коленкорovým верхом, скромно сидит Силин. Лицо его чем-то смахивало на прокисшее пиво. Увидев выходящего в сопровождении конвойного Арнольда Владимировича, он бросил на Луканова вопрошающий взгляд и резко поднялся:

-Здравствуйте, Савелий Платонович.

-День добрый, Гурьян Уварович. Вы ко мне?

-Так точно, ваше превосходительство. Вот решил заглянуть, но ваш письмоводитель сказал, что вы заняты, потому ожидаю аудиенции. Вот, пристроился тут в уголке.

-Нынче вы на удивление ненавязчивы. Что-то случилось? Отчего вы, как это у вас заведено, не врываетесь в мой кабинет, но скромно сидите и ждете?

-Оставьте, Савелий Платонович, мне сегодня не до интроспекций. Дело у меня весьма серьезное. – Силин перехватил любопытный взгляд Луканова, немного смутился и кивнул в открытую дверь кабинета. – Вы позволите?

-Разумеется. Как вам, всемогущей охране, откажешь. Себе дороже выйдет. Прошу, вас.

-Ну-с... Я слушаю вас, Гурьян Уварович. – Произнес Луканов, сядя за свой стол и кивнув Силину на венский стул. – Что у вас. Только сразу предупреждаю – времени у меня ныне весьма мало. Так что прошу коротко и по существу.

-Разумеется, Савелий Платонович. Я буду краток. Дело, которое привело меня к вам касается Тюрина.

-Вот как? – Луканов удивленно поднял брови. – Скажите, отчего такой сыр-бор? Он что? Особо привилегированная особа? Фигура, видная отовсюду?

-Нет. Вы меня не поняли. Ни меня, ни охранное отделение никто специально не информировал, что Тюрин у вас. Мы сами за ним присматривали...

-Отчего присматривали? Что за дело у охранного отделения к Тюрину?

-Дело? Давайте я начну с начала?

-Слушаю вас.

-Мелких подробностей, простите, не знаю, но в общем, все дело было так... В молодости Тюрин был письмоводителем у мирового судьи, где-то на юге России. Попался в получении мзды и был по суду сослан с лишением некоторых прав в Сибирь. Там он переменил множество занятий, от содержания тайного дома терпимости до скупки заведомо краденого. Последнее занятие давало ему весьма крупный доход. На этом поприще он не имел себе равных и вел свое дело «по самой тонкой политике» так, что не подкопаешься. Кроме этого, так сказать, кулуарного занятия, у Тюрина была мелочная торговля. Занимался он также скупкой и перепродажей просроченных ломбардных залогов и векселей. В общем, человеком он был чертовски оборотистый, но снова загремел под суд. Апелляция была отклонена и он провел на высылках три года.

После освобождения господин Тюрин не залег на дно, как это обычно бывает, но странным образом стал письмоводителем захудалой помещицы Акунищевой в Вологодской губернии. Однако на службе долго не задержался и через год переехал на жительство в Санкт-Петербург. В Питере он в одночасье стал личным секретарем и сопровождающим на светские рауты престарелой графини Валишевской. После смерти графини, случившейся в 1891 году, господин Тюрин получил свою долю наследства, что отписала ему графиня, снял квартиру и женился на некой гадательнице Варваре Андреевне в девичестве Ерохиной. Нет нам никакого дела до афер с гаданиями и спиритическими

сеансами, которыми занимается эта плутовская семейка, коль господа оплачивают их добровольно. Однако нам интересно узнать все подноготную о чудесной метаморфозе господина Тюрин, превратившей его во владельца ни много, ни мало как всего Комендантского поля. Весьма очаровательная по доходности странность, нашего пенкоснимателя. Прочем, кризисов совести, по поводу рода своих занятий, он явно не переживает.

Луканов покачал головой:

-Вы совершенно правы. Не прошло и трех лет, как он из грязи выбился в князи. Вышел в люди, но, впрочем, человеком так и не стал. Именно это вы и хотели мне рассказать?

-Не только. Признаюсь, что у меня отсутствует уровень обобщений, необходимый для понимания реальных двигателей событий и мотивов, определяющих деятельность Тюрин. Именно поэтому я и обратился к вам.

-И что же вы хотите узнать?

-Вы ведь сейчас допрашивали Тюрин?

-Разумеется. Но меня пока более всего интересует его связь с церковью Дщерей Христовых.

-Дщерей Христовых? Видать не зря Вергилий говорил, что «Выбирая богов - мы выбираем судьбу». Впрочем, пусть этим занимается Вторая экспедиция⁵⁵. Все эти религиозные кружки весьма быстро перерастают в политические. Что уж тут говорить, коль небезызвестный вам Иоанн Кронштадтский вначале требовал отлучения графа Льва Толстого от церкви, а, добившись своего, ныне хлопочет о создании некоего «Союза русского народа». Что-то мне подсказывает, что сей «союз» будет непременно погромным. Тьфу, какая гадость. Но что Тюрин? Что он говорит по поводу своей церкви?

-Мурлычет и будто хвостом вертит, но в основном кричит.

-Вот как? Верно, брызгая слюной кричит о близкой дружбе с великим князем Константином Михайловичем? - Угрюмо буркнул Силин. Его широко раскрытые глаза пристально смотрели куда-то в пол.

-Разумеется. Да и щекоткой его не проймешь. Нужны факты. А их пока с гулькинос.

-Факты? Тюрин, как всякий преступник, совершенно упускает из виду случайных свидетелей. Факты есть, но покровительство великого князя нам здорово мешает. Но Тюрин... Каков шельмец с налетом вальяжности.

-А что Тюрин? Это свойство человеческой психики - попав из низов в благополучие, человек быстро и начисто забывает свое недавнее прошлое. Так и Тюрин.

-Рудиментарное чувство голода?

-В каком смысле?

-Ну как же. Человек, вырвавшись из низов, становится исключительно заносчив. Он враз забывает свою биографию вместе со всеми судимостями.

-Мда. Поди разбери - насекомое это или пресмыкающееся. Не хрюкает, не линяет, псиной не воняет. Видать не грязи ему не хватает, а размаха, полета, амплитуды. Да что толку поминать былые времена? Будем и далее жить-поживать, да досье на господина Тюрин наживать. Признаться, я ожидал от вас обойму полезных советов.

-Какие ж здесь советы? - Скривился Силин. Какая-то искра вспыхнула в прозрачных глазах его. Он втянул голову в плечи и иронично сощурился. - Там, где сапоги тачают лилипуты, Гулливеры ходят босиком. А вы, Савелий Платонович, плохо представляете себе, как обстоит дело. Впрочем и мне не известны все обстоятельства. Сейчас что хочешь, то и делай. С великим князем, с которым Тюрин накоротке, шутки плохи.

-Однако в приближении всякий кумир мельчает. Ну а вы и вправду хотите выяснить, как Комендантское поле превратилось в частное владение? Или это у вас так... формальное прикрытие?

Силин встал и деловито произнес, словно речь шла о чем-то обыденном, скажем, о покупке пачки табаку:

-Как это вам ни странно, но раскопать это дело представляется мне справедливым. Дело-то явно с душком.

Луканов приподнялся, наклонился к нему и спросил шепотом:

-Но как? Закон в подобном случае вопрос неоднозначный.

-Пока не знаю как. Но непременно раскопаю. У каждого свой метод, но во всем есть свой смысл и своя логика. Доктор Фрейд справедливо утверждает, что безвозмездной бывает только смерть. - Силин сглотнул и с жесткой отчетливостью сказал. - Докажут что-либо в суде или нет,

⁵⁵ Вторая экспедиция – структура «охранного отделения», занималась раскольниками и сектантами.

вопрос риторический. Но арест, суд и скандал неизбежны. Впрочем, суд не ресторация, в нем приговоры не заказывают.

Вас же прошу поддержать господина Тюрина в кутузке как можно дольше. Я вполне уверен, что Тюрин недостоен даже пощечины. Он не живет по-мужицки. Пусть и грубовато, но добросердечно. Пора счастливой жизни для него либо еще не настала, либо уже прошла. Да и живет он уже дольше, чем следует.

-Из уст тайной службы это звучит как приговор.

-Пустое. Но ведь вы понимаете. - Силин искоса посмотрел на Луканова. - Жить он будет не в столице, но в Сибири. В самом медвежьем углу. На нерченских рудниках его место.

-Да... да... - кивнул пристав. - Разумеется. Мы все это знаем. Но отчего вы не заберете Тюрина к себе?

-Как вы это себе представляете? Пока Тюрин у вас, это одно дело. Но Тюрин у нас, это уже совсем другое. Великий князь тотчас поймет, что запахло паленым и предпримет все, дабы покрыть аферу с Комендантским полем непроницаемым мраком. Да и сама сделка будет отложена на год, а то и на два. Ждать же финального акта, чтобы достоверно выяснить, кто именно получит деньги в результате завершения земельной аферы, весьма томительно. Черт! Как ни поступи, но все равно раскаешься.

-Трудно не согласиться с вами, Гурьян Уварович. Скажите, а имена Андрей Михайлович Беневоленский-Маликов и Анатолий Казимирович Воманович вам ни о чем не говорят?

-Услуга за услугу? Что ж. - Силин снова сел на стул, устроился поудобнее и неопределенно пожал плечами. - Ловко вы, Савелий Платонович, повернули разговор. Дело этих мазуриков тоже в вашем производстве? Странно.

-Отчего странно?

-Да мелкота это. Не ваш уровень.

-Но к Тюрину они имеют отношение?

-Отчасти. Скорее к его упырям Исейке и Арефию. Кстати, вы арестовали их?

-Пока нет. Но уверен, что к вечеру они будут в управлении. За ними поехал Сугробин.

Силин кивнул:

-Ну, если Сугробин... Он не упустит.

-Так что Исейка и Арефий? Какая связь между этими громилами и целителями-аферистами?

-Никакой связи.

-Вот как?

-Да, Савелий Платонович. Но у них есть связующее звено - некто Рукодеев Ефим Данилыч.

-Рукодеев? И каково его участие в публичных лекциях-целениях?

-Самое что ни на есть прямое. Он организатор гастролей ваших недотеп-целителей.

-Вы хотите сказать что он и Тюррье одно и то же лицо?

-Вот именно. Но не только Тюррье, но и... Вы помните графа Соколовского?

-Разумеется. Очень хорошо помню.

-Тогда вам будет проще найти Рукодеева-Тюррье.

-Как! - Вскричал Савелий Платонович. - Так значит Соколовский ныне Рукодеев-Тюррье?

-Да.

-Но отчего, почему вы его не арестовали?

-А зачем он нам? Нынче он занимается мелкими аферами, организуя целительные публичные сеансы. Попутно он продает княжне Ольге Александровне Рачинской рецепт вечной молодости. Не далее как в пятницу, 20 декабря, он и княжна встречались в седьмом номере «заведения без вывески».

-И вы ничего не предприняли?

-Что именно мы должны были предпринять?

-Но граф Соколовский! Черт побери! Вы ничего не путаете? - В глазах пристава зажегся охотничий огонек.

-Что? Зело пристрашный? Дурной затейник? - Силин еле заметно усмехнулся и встретился с взглядом пристава. - Послушайте, Савелий Платонович, дело о свитке барона де Рэ уже завершено и сдано в архив. Да и судьи мыслят «надлежащим образом», потому вернуть дело из архива и вновь возбудить сыск не позволят. Соколовский вовсе не Потрошитель из Йоркшира. Да и зачем нам ныне Соколовский? К чему сентиментальность? Или у вас это наваждение? Соколовский под псевдонимом Иван Травник не без помощи нашего знакомого Экзекутора опубликовал статейку, лейтмотивом которой было мнение, что женщины стареют быстрее мужчин потому, что чересчур много смотрятся в зеркало. Дескать, посылаемая энергия, отразившись от зеркала, за счет интерференции гасит

защитную ауру. В общем все его утверждения только на словах держатся. Пусть себе кропает подобные статьи да продает латинообразные рецепты, как продал его княжне. Да хоть самолично проповеди с амвона вещает. Что с того?

-Рецепты, верно, со спермацетом?

-Насколько нам известно – нет. Кашалотно-китовый спермацет в рецептах от Соколовского-Рукодеева не применяется, как не используется и сыворотка Броун-Секара⁵⁶.

-Но что же?

-По некоторым научным данным именно от гипофиза зависит, сколь скоро будет протекать процесс старения. Но суть, Савелий Платонович, не в этом. Княжна уже в преклонных летах. У нее огромные связи. Вы предлагаете вызвать на допрос саму княжну? Вот так. Запросто послать нарочного. Да кто нам это позволит? Не стоит совать к княжне свой пропитанный лекарствами нос. И вам не советую.

-А вам не приходило в голову мысль о связи между аферами Тюрина и делишками Соколовского?

-Нет. Вернее вначале приходила. Я люблю тайны, при условии, что они не слишком темные. Но, как выяснилось, связи нет. Тюрин занимается аферой с землей. Соколовский, после неудавшегося, благодаря вам, Савелий Платонович, дельца со свитком де Рэ, занялся организацией гастролей целителей и продажей рецептов вечной молодости. У Тюрина не в пример более доходное дело, да и покровительство самого великого князя. У больших сумм есть свои достоинства. Что ж... Это всегда так было - чем выше прибыль, тем тверже убеждения в собственной неуязвимости. Что там Соколовский? – Силин махнул рукой. - Так. Мелочь.

-Мелочь? А я вот совсем не думаю, что мелочь. Так кто ж тогда выкрал мозг у Шаганова? Тюрин? Но зачем он ему? Соколовский-Тюррье? Торующему рецептами вечной молодости? Возможно.

-Кто именно выкрал, я не знаю.

-Но подозрения есть?

-Нет. Я, признаюсь, и не задумывался об этом деле. Своих дел полно. Ныне сенсации взрываются одна за другой, будто петарды. Да что петарды! От самой России поднимается пар, словно от перегретого котла.

-И кто убил Анну Шаганову?

-Не знаю.

-А подозрения...

-Есть. Веская причина избавиться от Анны была именно у Тюрина. Со смертью Анны он получал все. Деньги Шаганова, дело Шаганова. В общем, наследовал все.

-Но как вы докопались до Соколовского? Если это не секрет, конечно.

-Случайно. Соколовский продал фонограф Эдисона Тюрину. Цена была много завышена, приключился скандал, пошли слухи. Ничего нового. Фонограф, разумеется, скрытно, теперь используется в спиритических сеансах супругой Тюрина. Стареющие матроны в восхищении от скрипучих голосов из потустороннего мира. Вы меня извините, Савелий Платонович. Поверьте, я искренне сожалею, что ничем больше не могу вам помочь. Но я в самом деле не представляю, что еще добавить к тому, что уже рассказал вам. – Силин вытащил из жилетного кармашка серебряные часы на цепочке и скосил на них глаза.

-Да-да. Спасибо, Гурьян Уварович. Вы чрезвычайно помогли мне. Но вы, надеюсь, знаете где жительствоует Соколовский?

-А нигде. Он «зело борзо» и всякий раз ночует на новом месте. Но я убежден, что арест Тюрина и особенно Исейки с Арефием его спугнул и сейчас он в пути.

-В каком пути?

-Ну, например, в Финляндию. – Силин пожал плечами. - Или еще куда. Причем в вояж он отбыл, учитывая личность Соколовского-Рукодеева-Тюррье, со всеми атрибутами бульварного романа. – Гурьян Уварович встал и многозначительно, как кобуру, застегнул пальто.

-В забавном мире мы живем, - буркнул Луканов.

-Во всяком случае, мы встречаем в нем забавных людей.

⁵⁶ Сыворотка Броун-Секара - метод, открытый 1889 году и описанный в 1925 году М. Булгаковым в повести «Собачье сердце» (для редактора или для книги)

Глава 37

Снег потерял белизну, став синим. Смеркалось. На крыльцо дома Шагановых Алексей взлетел одним махом. Замок вылетел с первого удара и он пинком распахнул дверь. Глазам открылась жалкая картина: Карпушка с потупленным взглядом сидит на стуле и шаркает об пол большими, не по ноге, валенками. Лицо ее ничего не выражает, и смахивает на дверную ручку, голова по-черепашьи втянута в плечи.

-Где Исейка и Арефий?

-А-а-а... – Махнула рукой Карпушка. – Нетути сопливцев. А душа-то поди изнывает, изнывает! Хе, хе, хе!.. На помин души...

-Души!? Мр-р-ракобесы!.. Я тебя спрашиваю - Где они!!!

Карпушка поджала губы и застыла в оскорбленном молчании.

-Черт. Ушли. – От досады Алексею захотелось разбежаться и подпрыгнуть, качнуть, что ли, люстру, чтобы тоненькие сосульки хрустально зазвенели. Но что это? Под потолком синими пластами покачивается табачный дым. – Когда ушли?..

Из глубины дома долетело сдавленное «ох!», словно кто-то со всего маха врезался головой в стену, раздался звон разбиваемого стекла и тут же закричал, оставшийся на крыльце, городской:

-Вашбродие, во! Глядите-глядите!

-Что? – Алексей выскочил на крыльцо и сразу же увидел метнувшиеся к забору тени. В синеве сумерек не разберешь даже, есть заборе пролом или нет.

Городовой потянулся к кобуре но Алексей схватил его за руку.

-Вы слишком торопитесь. Эти шутники от нас никуда не денутся. Им не уйти.

-Понятно. Но дюже шибко бегут. – Буркнул городской. – Гоняйся тут за живорезами по сугробам. Эдак опосля и пуговиц не соберешь да и сапоги неделю сушить-непросушить будет.

Одна тень остановилась, повернулась и сразу же сверкнула вспышка, грохнул револьверный выстрел и следом на барабанные перепонки обрушилась трель полицейского свистка. Вторая пуля расщепила угол двери.

-Прах ты возьми! На вершок промахнулся стервец! – Выглянув из-за плеча Сугробина, ахнул городской, мелко перекрестился и выставил руку с тяжелым стволом «смит-и-вессон». – Дозвольте пальнуть, вашбродие.

-Не стрелять! Спрячь оружие! – Крикнул Алексей, прыгнул с крыльца и сразу провалился в снег по колено. – Стой! Черт, быстро за ними.

Снег скрипит, визжит под ногами, метет поземка. До забора Алексей добежал по заметенной тропинке, на которой отпечатались цепочка следов беглецов. Если б он меньше волновался и не потерял время с Карпушкой, то догнал бы их еще во дворе.

Возле забора темным-темно. Алексей пощупал доски - вроде прибиты крепко. Прошел несколько метров вдоль забора все так же, ощупью. Нет пролома - не пролезть, но какие-то доски явно прибиты только сверху и если их найти и отвести в сторону, то образуется лаз. Но как их сейчас в потемках найдешь, да и беглецы ждать не будут. Уйдут в лес с концами.

-Вашбродие! Идите в дом. Так нельзя-с. Вам-то чего под пулю соваться? – Тяжело переводя дыхание, сказал подбежавший городской. Нога его соскользнула с тропинки, и он еле устоял. – Бой нагана дело неопределенное, не приведенное в ясность. Да позвольте-с, мы сами, без вас мазуриков споймаем. Без всяких-яких. Людишки-то они совершенно потерянные. Чего им терять?

-Терять им и вправду нечего, но они нужны живые.

-Во-во. Чать и я говорю. Да мы тута раздолб устроим, разъязви их в печенку...

Подбежали второй городской и пять филеров сысканого управления. Иней солью блестит на шинелях и пальто.

-Значит так, господа. – Распорядился Алексей, сверкнув стеклами очков. – Один филер за Карпушкой. Доставить ее в управление и минуя «Регистрационное бюро» к его превосходительству на допрос. Надеюсь, что любительница сов не обманет наших трепетных ожиданий. Остальные за мной. Ну! Навались!

Забор сухо треснул и завалился.

Бежать трудно; ноги вваливаются в снег по колено и сильный ветер. Первым догнал беглецов Алексей. Арефий слегка обернулся, норовя выстрелить через плечо, но наган дал осечку. Алексей, яростно скрипнув зубами, подсечкой сшиб его. Арефий, как ванька-встанька, тут же вскочил, но подняться не успел. Алексей ударил его коленом в пах, потом рубанул наискось ребром ладони по шее и тут же сплел пальцы в замок и ударил сверху двумя руками в затылок, как будто рубил дрова. Арефий обмяк и мешком осел в снег.

Алексей поднял отлетевший наган и бросился за Исейкой, тень которого перескакивала с сугроба на сугроб в саженях двадцати, почти у самой кромки леса.

Сзади послышалось - «Улю-лю! Ну что, кулеш, попался! Вот эдак кэ-э-эк поддам в сопатку!.. Давай волоком... Волоком стервеца! Да ты что, сучья кость, забыл с кем тягаться? Эдак его!.. Так его!..». Послышались глухие удары и всхлипы.

На опушке Исейка развернулся и, тяжело дыша, словно загнанный зверь, насуплено процепил:

-Не подходи, ...ар-ря! Зашибу! - Сильно выступающая нижняя челюсть и полузакрытые глаза, придавали его лицу сонное, тупое выражение.

Алексей с ходу обрушил на Исейку серию из трех ударов: первый кулаком в солнечное сплетение, благо тот, для быстроты бега, скинул полушубок. Исейка согнулся вперед, подставив подбородок под второй удар - локтем той же руки. Голова Исейки откинулась назад, открыв горло для третьего, завершающего удара - ребром ладони. Подбегающие филеры увидели только как мелькнула рука Сугробина вверх-вниз с одновременным поворотом корпуса влево-вправо, и стоявший рядом человек вдруг осел и свалился, как тряпичная кукла. И только заколыхались, стряхивая снег, густые лапы елок.

-Мастак вы драться, вашбродие. - Одобрительно прохрипел филер, связывая Исейку. - А ты, гнида, руки-то, руки-то не растопыривай!

Вся компания и беглецы и филеры и два городских пошатываясь, то и дело стирая ладонью с лица пот, спотыкаясь подошли к оставленным двуколкам.

Вид у Арефия ужасен - лицо покрыто синяками, ссадинами и запекшейся кровью, по которой стекают струйки пота, веки посинели и распухли - один глаз почти совсем закрылся, губы разбиты, но нос, судя по всему, не сломан. Одно ясно - страсть как не любят полицейские, когда по ним бьют из нагана. Алексей это прекрасно знал, и потому только метнул на старшего филера взгляд из-под очков и прошипел:

-Опомнитесь, господа!

Старший филер как-то неестественно вытянулся, скорчил, как мог, вежливую физиономию, и сипло сказал:

-Никак нет-с, вашбродие, ничего такого мы не примечали.

-Рожа-то, рожа-то у него отчего такая?

-Неувязочка вышла. Споткнулся он, вот и побился малехо. - Хмыкнул филер и презрительно махнул рукой, словно сказал что-то второстепенное, не имеющее отношения к делу.

-И сколько раз он споткнулся? - Спросил Алексей, вытащил из кармана носовой платок и сунул его Арефию. - Утритесь.

-Да кажись, раз пять подряд. - Преданно заглядывая за стекла очков Алексея, твердо произнес городской: нитка усов, улыбочка, лихо сдвинутая на затылок форменная шапка с кокардой.

-Ничаво!.. Даст бог к суду оклемается. - Наскоро пыхнув сигаркой и поперхнувшись дымом, вмешался другой городской, - Да это, пушай его, вашбродие!.. Это ведь так... в ажиотации, чтобы попужать, к примеру. А то ведь грубил... явное дело, что грубил!

-Как грубил?

Городовой раздраженно откинул ногой какую-то щепку и не поворачивая головы буркнул:

-Обнаковенно-с... Револьвером. Да и что с того, что оборот вышел таков-с!..

-Ну-ну. - Алексей протер очки. После вынул часы, но стекло запотело и циферблата было не видно.

По дороге в сыскное управление Алексей, вдыхая полной грудью сырость снега, испытывал чувство яркой, всепобеждающей радости. Ветер утих, и небо прояснилось, и он смотрел на его простор, усыпанный морозными иглами звезд. Торжественная монументальная неподвижность, кажущаяся незыблемой и вековой, вселяли в душу его умиротворение. Как всегда бывает у сильных людей, крайняя опасность породила у Алексея не отчаяние, но озарение. Ему вдруг вспомнилось вычитанная в какой-то поваренной книге вздорная фраза: «Раки любят, чтобы их варили живыми» и следом вспомнилось, что он однажды уже встречался и с Арефием и с Исейкой.

Глава 38

В кабинете Луканова напольные часы гулко и как-то торопливо пробили одиннадцать вечера. Допрос Арефия и Исейки шел уже четвертый час и близился к завершению.

-Я волей господней послан сюда истреблять всех его врагов. - Бубнил Арефий. - Я орудие господне и я ни в чем не виноват.

-А, ну да, - устало усмехнулся Сугробин, но в глазах его появилось брезгливое выражение. - Этаким охотник за демонами. Крылатое создание с молитвенно сложенными руками и нимбом над головой. Вы случайно не из библейских мест? Что-то у вас не слышно акцента. Кстати, а как же с «не убий»? Впрочем, пустой этот разговор, но, хоть вы и сверхъестественное существо, отвечать за содеянное придется. Так что переведите дух. Можете попробовать молитвы, но вряд ли они вам помогут, уж столь глубокое ваше грехопадение.

Исейка так просто едва дышал от страха. От него несло смрадом, он изредка поскрипывал зубами да раздражительно шмыгал носом:

-Мы народ покладистый, никуда не суеться, в кого скажут, в того и верим - чего нас трогать-то!..

-Может, у тебя, фразодум, повернется язык сказать, что и Анну вы убили нечаянно? Или из-за особенной любви к богу? - Спросил Алексей.

-Думаете о смягчении вины? - Усмехнулся Луканов и, взяв со стола протокол, протянул его вместе со вставочкой окаменевшим Исейке и Арефию. - Что ж... От пепла к пламени. Самое время задуматься. Ну а пока распишитесь вот здесь... и здесь. Последующие допросы будут проводиться для каждого персонально, потому в следующий раз вы увидите друг друга только в судебном присутствии.

Арефий вывел каракульку на протоколе и угрюмо пробормотал:

-Гля-яди-и ты. А какая такая вина, чтоб суды учинять? Это вы здесь-тко-с бросьте, вашбродие, никаких делов не знаю, никого и не убивал. - Он засопел, метнул полный злости взгляд. - Нашли, тинтиль-винтиль, на кого душегубство свалить. Ничего я не знаю.

Исейка хотел что-то сказать, но покраснел и тут же прикусил язык. Губы его мелко подрагивали. Неожиданно он произнес:

-Мы люди сухие, постные. Бог нас рассудит.

-Ага! Рассудит, - согласился Алексей, - и снова станете чисты. Однако не забудьте вознести благодарение своему всевышнему, что вы не окончательно утратили сообразительность. И, кстати, к следующему допросу припомните в деталях и во всех нюансах о нападении на некоего господина совершенное вами двадцать первого декабря на Офицерской улице.

-Узнал, сучий кот. - Вздрыгнула Арефий и волком взглянул на Сугробина. - Надо было тогда тебя насовсем порешить.

Луканов вызвал конвой и сухо бросил:

-В камеру мазуриков. Только в разные и особо отметьте в журнале, чтоб они до суда не встречались.

-Ну, Савелий Платонович, можно считать дело раскрытым? - Сказал Алексей. - Такие как Соколовский никогда сами не пачкают рук. На то и существуют типы, как Исейка и Арефий, что ничем не брезгают.

-Ну так что ж. Выходит Соколовскому медаль золотая?

-Господа. - Тихо произнесла Кристина. Она вернулась от княжны в самом разгаре допроса, и все время молча сидела в углу кабинета. - Вы меня ни о чем не желаете спросить?

-Простите, Кристина. - Улыбнулся Луканов. - Ныне столько событий. Все разом.

-Кристина, ты только не обижайся. Мы...

-Да я и не обиделась. Хотите узнать результат моего тайного посещения княжны?

-Хотим.

-Кристина. - Луканов хитро прищурился и кивнул на холщовый узел, который принесла с собой Кристина. - А вы хотите, я сам скажу, что там у вас?

-Попробуйте угадать.

-Посудина с высушенным мозгом Шаганова, что продал княжне некий Рукодеев. Я угадал?

-Верно. Савелий Платонович, вы блестяще осведомлены. Но как вам это удалось?

-Очень просто. - В уголках глаз Луканова быстро задвигались морщинки, предвещая улыбку. - Рукодеев нанял Арефия и Исейку для кражи любого мозга. Вы понимаете? Любого. Ближайший морг оказался моргом больницы имени Великой княжны Ольги.

-Да? А зачем этому Рукодееву понадобился мозг? - Хитро спросила Кристина.

-Не сам мозг, но гипофиз. А нужен он был для приготовления волшебного омолаживающего снадобья для княжны Ольги Александровны Рачинской.

-Верно. Кстати, вы, Савелий Платонович, оказались правы - кот Бармалей не бросался в бега, он тихо умер от старости и был кремирован.

-Гм... И что мы имеем? Не пора ли, Савелий Платонович, восстановить всю картину событий?

-Отчего и не восстановить, коль пора пришла. Вот ты, Алексей, и Расскажи нам все. А мы, с Кристиной, если что, тебя поправим.

-Но, Савелий Платонович, я не знаю всех деталей. Я не присутствовал при допросе Тюрина и не говорил с Силиным.

-Верно. Что ж, тогда начну я. Но прежде отделим деяния господина Тюрина от делишек господина Соколовского-Рукодеева-Тюррье. Итак, вначале о Тюрине.

При Шаганове Тюрин занимал довольно скромное положение и в силу этого не мог надеяться на значительный куш по завершению сделки с Комендантским полем. Смерть Шаганова от перитонита подтолкнула Тюрина на активные действия. Для него появилась реальная возможность прибрать к рукам все дело и получить от аферы с землей несоизмеримо больше. Анна, как единственная наследница, разумеется, крайне мешала ему. Но здесь Тюрину помогло то, что супруги Шагановы состояли в его церкви Дщерей Христовых, и что Анна брала из церковной кассы деньги, для благотворительных целей, взамен вручив Тюрину завещание, по которому она отказывала церкви все свое имущество в случае своей смерти. Этим завещанием она подписала себе смертный приговор. После смерти мужа, Анна была просто обречена. По указке Тюрина Арефий и Исейка убили Анну. Убивал, как мы только что выяснили, Арефий, а Исейка стоял, как говорят уголовные, на шухере, потому как в доме, помимо Карпушки, ночевало несколько богомольцев.

Как организатору убийства Анны Шагановой, Тюрину будет предъявлено соразмерное обвинение и, со временем, обвинение в сообщничестве в земельной афере.

Теперь о делишках Соколовского-Рукодеева-Тюррье. После провала аферы со свитком барона де Рэ, лже-граф Соколовский недолго был не у дел. Используя свои связи в преступной среде, Соколовский ангажировал Беневоленского-Маликова на проведение целительных гастролей, дав ему в ассистенты геометрическо-интегрального коновала Вомановича. Соколовский, под именем Тюррье внушил этим прошелыгам, что он имеет высоких покровителей и огромные связи, тем самым он попросту запугивал их, дабы у исполнителей не появилась мыслишка облапошить своего хозяина.

Проще говоря, Исейка и Арефий оказались слугами, точнее, наемниками двух господ и явили себя специалистами широкого профиля: хоть даму зарезать, хоть труп потрошить, дескать – чего изволите.

-Ну а от Тюррье лучше не утаивать гонорары, потому как у него Длинные Руки. - Вставил Алексей.

-У Тюррье не только Длинные Руки, но и Длинные Уши. – Усмехнулась Кристина.

-Вот именно. Но помимо гастролей, Соколовский решил сбыть завалящий рецепт вечной молодости княжне Рачинской. Для приготовления снадобья требовался человеческий гипофиз, во всяком случае, так гласит рецепт. Гипофиз, как некий магический катализатор. Верно, Кристина?

-Да. Княжна осознала свою ошибку и все мне рассказала. Рецепт она при мне сожгла в камине.

-Надо отдать должное Соколовскому, - продолжил Луканов, - для получения мозга он не пошел на убийство какого-нибудь подзаборника, а подрядил Арефия и Исейку на похищение его у свежего трупа. Для транспортировки мозга он передал им чашу богемского стекла, что дала ему княжна и осколки которой были найдены у выломанного окна морга больницы имени Великой княжны Ольги.

Далее, испугавшись шума по поводу кражи мозга и начатому сыску по этому делу, Соколовский делает грубейшую ошибку. Он вновь подряжает Арефия и Исейку. Но на этот раз, на акт запугивания, то есть на нападение. Наш Алексей и стал объектом уличного налета.

-Какое-то запугивание невнятное. – Презрительно бросил Сугробин.

-От чего же? Очень даже внятное. Даже место было выбрано неслучайное, а именно почти возле Зимнего. Это был акт запугивание всей столичной полиции. По идеи Соколовского, в преддверии переезда царской семьи в Зимний, для Новогодних праздников и государственных приемов, полиция должна была бросить все дела, даже сыскные, и срочно заняться очисткой города от всякого сброда.

Если бы задумка Соколовского удалась, то он под шумок выиграл бы две-три недели. За это время он сорвал бы куш и преспокойно бы лег на дно. Но. Здесь мне необходимо добавить. После сегодняшнего визита Силина я разговаривал по телефону с Экзекутором. Наш Пучегон морально раздавлен и сразу же рассказал мне, что накануне нападения ему телефонировал некий Рукодеев и сообщил о готовящемся акте устрашения.

-Да? Очень интересно. Но, Савелий Платонович, ты согласен со мной, что это вторая ошибка Соколовского?

-Отчего вторая? – Спросила Кристина. – Не понимаю. Истинное слово, не понимаю!

-Потому, что Соколовский использовал имя, под которым он был известен и Арефию с Исейкой и княжне Рачинской. Кристина, не надо искать здесь запредельной логики. Все весьма просто.

-Да вот, собственно, и все. Возвращенный княжной мозг следует вернуть Шаганову и похоронить, наконец, его. Дело Арефия и Исейки требует лишь своего оформления. Дело Тюрин, как организатора убийства Анны Шагановой, следует объединить в одно производство с Арефием и Исейкой, а вот дело с земельной аферой выделить в отдельное. Ну а лже-граф Соколовский, этакий бульвардье без дел, ныне, верно, опять в бегах, так что Беневоленский-Маликов и Воманович пойдут под суд без него.

-А что будет с княжной Рачинской? – Тихо спросила Кристина. Теплая просящая нотка дрогнула в ее голосе.

-Если по совести, то она тоже заслуживает уголовного наказания, но учитывая возраст княжны, факт добровольной выдачи мозга, да и ее высокое положение... Бог ей судья. – Сказал Луканов.

-Ненаказуемо стремление женщины быть вечно молодой и привлекательной, природа сама наказывает за излишнюю устремленность к этому - эрозией ума. – Вставил Алексей.

-Оно верно. После визита Силина ко мне зашел советник юстиции Тимерин и поведал о неминуемом разорении княжны. Гонка за молодостью дорого стоит. Впрочем, интимные подробности подобного рода дел неуместны и неприличны. Жизнь же без старости, как яйцо без желтка, как пирог без начинки. Глупец тот, кто полагаете, что истина сияет непременно божественным светом. Увы. Зачастую истина проявляется как позор, как бессмыслица. И все, друзья мои. Уже наступил новый день, вторник двадцать четвертое декабря, не пора ли нам озаботится подготовкой к встрече нового 1902 года?

Пролог

Сразу же после Новогодних праздников, великий князь Константин Михайлович по повелению вдовствующей императрицы Марии Федоровны был выслан за границу. Афера с продажей казне казенного же Комендантского поля провалилась, но широкой огласки не получила. Дело «о продаже» тщательно замяли, а на Комендантском поле действительно построили первый в России аэродром.

Чуть позже в Санкт-Петербурге, на Литейном проспекте, в доме 10 разместился Императорский Всероссийский аэроклуб - ИВАК. Председателем ИВАК по высочайшему повелению назначили графа И. В. Стенбок-Фермора, почетным председателем пристроили великого князя Александра Михайловича, всю рутинную работу возглавил коллежский асессор В. В. Корн, небесным покровителем определялся пророк Илия.

А в это время, в 1901 году, на Ижорском заводе построили первый русский грузовой автомобиль конструкции Б. Г. Луцкого и изданы первые «Правила уличного движения» для автомобильного транспорта. Скорость движения, согласно новым правилам, не должна была превышать 12 верст в час.